

ad realiora

История Смотрителя Маяка и одного мира

Анна Удьярова

12+

Анна Удьярова

**История Смотрителя
Маяка и одного мира**

«Автор»

2018

Удьярова А.

История Смотрителя Маяка и одного мира / А. Удьярова —
«Автор», 2018

В Шестистороннем Королевстве возможно всё-всё, что становится для кого-то самым важным. Здесь поэты могут стихами разбивать окна, музыка останавливает армии, а плохое настроение одного человека способно уничтожить город... Лишённый наследства сын столичного аристократа отправляется на поиски волшебства. Но ему приходится узнать совсем другие вещи: зачем зажигать маяк там, где не ходят корабли, что делать, если король вашего королевства решил начать войну, и почему нет ничего проще, чем управлять миром – и ничего сложнее, чем прожить в нём хотя бы один день. Художник обложки Дмитрий Исакевич.

© Удьярова А., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

94

Глава 1

1.1 Realiora¹

1.1.1 Ab intestato²

В тот день Унимо Ум-Тенебри впервые почувствовал себя самым одиноким человеком на свете. И впал в такое сильное отчаяние, словно все свои четырнадцать лет только и ждал подходящего повода. Хотя если оценивать произошедшее с Унимо по меркам Шестистороннего Королевства, даже взятого вместе с Шельетскими холмами Дальней стороны, то наверняка почти каждый подданный согласился бы, что отчаяние было вполне обоснованным.

Так или иначе, в тот день повод этот лежал, свернувшись ядовитой змеёй, в кармане тёмно-зелёной мягкой куртки с капюшоном и узором из настоящих серебряных колец, которую Унимо надел, отправляясь в гости к своему приятелю – шейлиру³ Майти Ор-Корвули, а потом много раз проклинал за её притягивающую лишние взгляды вызывающую роскошь. Семья Майти владела (точнее, как говорили со свойственной жителям Шестистороннего дипломатичностью – «управляла») одной шестой всей земли в окрестностях столицы, а их особняк славился своими садами, гостеприимством и ежедневными праздниками. Как раз во время вечерней игры «в пиратов», когда по дорожкам сада расставили фонари и гости, разделившись на команды «кораблей» и уткнувшись в карты, искали тщательно спрятанное «сокровище» в виде бутылки старого вишнёвого вина из погребов не менее старого деда Ор-Корвули, кто-то негромко окликнул Унимо из-за высокой изгороди:

– Лори⁴ Ум-Тенебри, у меня для вас письмо, от отца. Могу я просить вас выйти ко мне?

Унимо остановился, узнав голос Скрима, секретаря отца, и почувствовал лёгкий холодок беспокойства, которое, впрочем, перебивалось раздражением из-за того, что кто-то прервал его любимую игру, тем более что он почти уже напал на след сокровища. «Я занят, подождите немного», – кинул он через изгородь, не прекращая игру. Выследив сокровище и великодушно подарив его команде проигравших, Унимо незаметно проскользнул мимо взбодраженной игрой толпы гостей, вышел за ворота сада и огляделся. Скрим с унылым видом сидел под изгородью и задумчиво перебирал свою походную сумку с перьями и чернилами. Услышав шаги, он резко поднялся, так что перья рассыпались по влажной от вечерней росы траве. Чувствуя неловкость оттого, что заставил себя ждать, Унимо стал помогать собирать рассыпанные инструменты. В какой-то момент их взгляды встретились над руками, занятыми сбором перьев, и часы в солнечном сплетении Унимо начали громко отсчитывать секунды: во взгляде Скрима, на самом дне его тёмно-серых, как речные камни, глаз рыбьей чешуёй мелькнула жалость.

Действительно, это было письмо от отца, запечатанное фамильной печатью, подписанное знакомым не очень ровным почерком. «Моему любимому сыну» – значилось на конверте. Унимо невольно усмехнулся: выбирать любимого сына его отцу не приходилось, так как Унимо был, насколько он знал, единственным ребёнком отца и наследником рода Ум-Тенебри. Не то что, например, в семье Ор-Корвули, где было семь или восемь детей, половина которых переехали в особняк из городского приюта, – даже Майти, кажется, сбился со счёта после третьего брата.

Не обращая внимания на Скрима, отступившего на несколько шагов назад и замершего в ожидании, Унимо преувеличенно медленно разорвал конверт и стал читать послание отца, которое не могло подождать часа дороги от особняка Ор-Корвули до дома.

¹ «Реальнейшее» (лат.).

² «Без завещания» (лат.).

³ В Шестистороннем Королевстве – привилегированное сословие, состоящее из городских и поместных аристократов.

⁴ В Шестистороннем Королевстве – уважительное обращение к шейлирам, подчёркивающее их титул, аналогичное «господин».

Письмо это Унимо сначала хранил, а потом сжёг в приступе гнева, но оно всё равно отпечаталось в его памяти навсегда, оставалось ярким и чётким, как будто огонь, вместо того чтобы поглотить эти слова, выжег их изнутри на веках младшего Ум-Тенебри, так что в любое время дня и ночи он мог бы повторить его слово в слово.

«Дорогой мой сын!

Вот и настало время сказать тебе что-то на самом деле важное. То, что ты слышал от меня уже не раз, но никогда не воспринимал всерьёз: мне стало нестерпимо скучно, и я ухожу. Знаешь ли, местная жизнь, которая тебя пока так привлекает, не оставляет выбора людям вроде меня, поэтому рано или поздно мы уходим. Я честно терпел всё это время, чтобы у тебя было то, что называют «счастливым детством». Не подумай, что я напрашиваюсь на благодарность – вовсе нет, с тех самых пор как нас бросила твоя мать, я знал, что вырастить тебя – моя почётная обязанность. Почётная и даже иногда приятная, но обязанность. Не мне решать, хорошо или плохо я с ней справился, – а впрочем, в таких делах я всегда полагался на судьбу, так что даже этой ответственности не хочу оставлять на дне своей походной сумки, собираясь в далёкий путь.

Скорее всего, мы с тобой больше не увидимся, хотя наверняка говорить не берусь. Всё возможно – запомни это как одно из немногих наставлений твоего непутёвого отца. Если мы когда-нибудь встретимся на одной дороге, обещаю, я не буду переходить на другую сторону и делать вид, что не знаю тебя, и не важно, с чем ты подойдёшь ко мне, с распростёртыми объятиями или с глазами, горящими жаждой мести. Но, ещё раз повторю, я не считаю нашу будущую встречу вероятной. Так что привыкай жить без меня. Это будет совсем несложно, поверь.

Хотя, конечно, даже теперь ты ещё не вполне взрослый, чтобы воспринять моё письмо спокойно и вдумчиво. Зная тебя, могу предположить, что ты успел уже нахмуриться, а к этому месту у тебя на глазах и вовсе выступили слёзы. Так вот, смахни их и читай дальше – я постараюсь рассказать тебе то, что считаю полезным знать.

Чтобы отвлечь тебя от грустных мыслей, я придумал кое-что и очень надеюсь, что ты оценишь: я составил предварительное завещание на случай внезапного исчезновения, по которому наш дом и всё имущество Ум-Тенебри в пределах Шестистороннего Королевства направляется на благие цели. Так, наш дом станет новым приютом для городских сирот: старый приют на окраине стал уже довольно тесным и быстро разваливается. Имущество, которое направляется на благие цели, не обременяется обязательной долей наследования, это совершенно точно, так что советую тебе не тратить время в Зале Правил и Следствий, а принять как данность, что к тому моменту, когда я допишу это письмо, у тебя уже не будет ничего, кроме того, что на тебе надето. Ты должен насладиться этим ощущением и почувствовать свободу, которую я тебе подарил на прощание. Это очень ценный подарок, береги его. Думаю также, ты согласишься со мной, что вполне справедливо поделиться с друзьями тем, чем ты пользовался все свои четырнадцать лет. В любом случае, даже если моего воспитания оказалось недостаточно, чтобы ты этим восхитился, тебе придётся признать как факт: от рода Ум-Тенебри у тебя осталось только имя. Не думаю, что тебе стоит пытаться использовать его и троюродное родство с королевской семьёй – хотя, конечно, ты можешь попытаться сдать на милость богатым дальним родственникам. Но я всё-таки надеюсь, что ты не станешь так делать, сынок. Однако теперь решать, куда идти и что делать, предстоит только тебе. Надеюсь, что это не станет для тебя непосильным бременем и ты сделаешь правильный выбор. Да что там, он в любом случае будет правильным, и уж точно лучше, чем тот, что ожидал тебя без этого письма.

Если все те ужасные вещи, которые я написал, ещё оставляют мне возможность дать тебе несколько бесполезных отцовских советов, то я ей воспользуюсь. Старайся учиться чему-нибудь, пока ты молод (потом тоже можно, но будет сложнее). Чему-нибудь, что кажется тебе важным, занятным или красивым. Даже если ты не будешь заниматься этим всю жизнь, знания останутся с тобой и позволят, в случае необходимости, отказаться от того, что ты знаешь, чтобы увидеть новое.

Если когда-нибудь полюбишь кого-нибудь, будь очень внимательным к себе. Не давай обещаний, забудь слово «навсегда». Будь искренним и великодушным к миру, что бы ни случилось. А если кто-то полюбит тебя – будь благодарным миру, но честным с собой. Впрочем, надеюсь, тебе хватит благоразумия не влюбляться слишком сильно, а то, что у тебя не будет за плечами тяжести наследства Ум-Тенебри, даст тебе шанс встретить своего человека, а не довольствоваться решением чужой хитрости и расчётливости. Любовь, которая может стать важной, тоже существует, но она такая редкость, что не стоит всерьёз об этом думать. Если судьба решит наказать тебя настоящей любовью, ты сразу поймёшь это и тебе придётся приложить все силы, чтобы просто выжить. Но, надеюсь, если такое и произойдёт с тобой, то не в ближайшие лет десять.

Кстати, я тебе никогда не говорил этого, но, наверное, важно, чтобы ты знал: я любил твою мать, и люблю, несмотря на то, что она нас бросила. И каждый раз, когда я видел твои серые глаза с чёрными точками, как будто нагретые солнцем камни в брызгах свежих чернил, я вспоминал её и в моей душе не было ненависти или обиды – только радость от того, что моему сыну достались самые прекрасные на свете глаза. Глупо так говорить, да и все так говорят, я знаю, но когда-нибудь ты поймёшь, что по-другому она не могла поступить. Она тоже любила нас с тобой, по-своему. Уж ты мне поверь, это одна из тех немногих вещей, которые я могу тебе гарантировать – из-за которой, возможно, мы и не стали идеальной семьёй. Но что есть, то есть, мы все друг друга стоим, и ты сможешь вскоре в этом убедиться.

Впрочем, я отвлёкся. Ещё советую тебе путешествовать, пока ты не найдёшь места, где тебе нужно будет задержаться, где ты каждое утро будешь просыпаться с лёгким удивлением и завистью к самому себе. Нет, вовсе не значит, что это место будет приятным и спокойным, скорее всего, наоборот, оно сначала покажется тебе мрачным и неприветливым, но – не зря ведь у тебя её глаза – я уверен, что ты сможешь разглядеть его, где бы оно ни было.

Если ты встретишь то, что будет казаться тебе невозможным, то прислушайся к себе и если услышишь, как твоё сердце с готовностью замирает, словно лодка перед порогом горной реки, – без раздумий бросайся в воду. Научись доверять своему голосу, но только тогда, когда этот голос действительно принадлежит тебе, а не тому, кто внутри тебя постоянно наблюдает, в надежде получить приспособиться к этому миру, запоминает чужие слова и советы вроде моих. Его слушай только в неважных вещах – надеюсь, со временем всё большее из того, что тебя окружает, перейдёт в этот разряд, освободив место для того, что ты действительно захочешь оставить себе.

Будь великодушен и милосерден, как настоящий Ум-Тенебри, даже в безвыходной ситуации. Признавая глупость фамильной гордости, я всё-таки не могу припомнить ни одного нашего предка, который был бы мелочным, злопамятным, расчётливым или жадным. Все, какие угодно пороки, только не эти.

Но пора завершать письмо. Слишком долгие наставления всегда становятся своей противоположностью. И тебе, и мне пора уже отправляться в путь. Цени, что у тебя есть отличный шанс совершить много ошибок – уверен, ты не преминешь им воспользоваться.

И знай, что я люблю тебя всем сердцем, сын. Даже если я не делаю этого так, как тебе бы хотелось. Мне, правда, очень жаль, что я не могу сказать тебе: «Что бы ни случилось, ты

всегда можешь вернуться домой». Нет, ты не можешь, но у тебя есть целый мир, который – снова просто поверь мне – стоит намного большего, чем ты ожидаешь.

Астиан Ум-Тенебри, твой отец».

Унимо перечитал письмо ещё несколько раз, напрягая глаза в загустевших сумерках. Затем аккуратно сложил и сунул в карман куртки. Потом снова достал, развернул, пробежал взглядом – и положил обратно.

И тогда он впервые почувствовал это – то, как плавно и неодолимо мир уходит из-под ног, как падаешь в темноту, открываешь глаза, потом ещё раз, в ужасе, и ещё, и ещё – а потом замираешь на долю мгновения, чувствуя всем телом, что воздух вокруг разрезается, начинаешь задыхаться, а потом как будто выныриваешь – и видишь перед собой всё с кристальной чёткостью. Это уже много позже Унимо смог выделить эти этапы, но тогда, в первый раз, он почувствовал всё это вместе, будто скомканное в один большой шар весенней грязи, который сорвался с горы и со свистом прокатился по отставному наследнику Ум-Тенебри. Тогда ему показалось, что он почувствовал злость, жгучую ненависть к отцу, но, как ни странно, оставалось ощущение, что это было во многом всего лишь то, что он должен был почувствовать, то, что он думал, что должен почувствовать, – и одновременно дикий страх, реальный, как приставленный к горлу нож, страх, который не могут вызвать просто безрадостные картины будущего, возникающие в лишённом опоры воображении.

Он беспокойно оглянулся и вздрогнул, наткнувшись взглядом на Скрима, всё ещё неподвижно стоящего в стороне. Унимо удивился, как он не замечал раньше, какой устрашающий вид у секретаря отца. Как он мог считать его безобидным добряком? Теперь Унимо ясно видел, что перед ним чудовище. Такая перемена была тем более странной, что во внешности отцовского секретаря, кто бы он ни был, не поменялось ничего: те же прямые светлые волосы, вытянутое лицо, внимательные голубые глаза, тонкая линия губ... впрочем, да, на губах обозначилась лёгкая усмешка.

– Похоже, у вас проблемы, лори Ум-Тенебри? – произнёс Скрим скорее утвердительно, и его тон, как всегда, безукоризненно вежливый, показался Унимо весьма презрительным.

– Это не ваше дело! – воскликнул он.

Раньше у них никогда не было неприязни, Скрим даже учил Унимо письму и языкам, когда не был занят поручениями отца. Трудно было описать, что произошло, но Унимо знал точно: теперь перед ним совсем другой человек. Возможно, даже оборотень или наёмный убийца – эти нелепые мысли пронеслись в голове Нимо, оставив за собой неприятную мелкую дрожь.

– Вам не стоит меня бояться, я слишком многим обязан вашему отцу, – равнодушно заметил Скрим, смотря себе под ноги, – но на будущее я посоветовал бы вам быть более вежливым в той ситуации, в которой вы оказались. Вы в большой опасности, и это никак не связано с письмом вашего отца.

Унимо ничего не ответил, только продолжал молча смотреть на нескладную фигуру секретаря, которая раньше казалась ему смешной, а теперь будто излучала пугающую необъяснимую силу.

Не дождавшись ответа, Скрим продолжил:

– Вообще-то, сейчас следовало бы присмотреть за вами, но у меня нет на это ни времени, ни желания. Поэтому в течение ближайшего дня советую вам спрятаться подальше в лес и переждать. Если на это не хватит ума, то как можно меньше встречаться с людьми и как-то замаскировать этот невыносимо удивлённый вид, который выдаёт вас даже больше, чем куртка, украшенная серебром, которую я советовал бы хотя бы вывернуть наизнанку, – тут Скрим утвердил своё короткое наставление усмешкой и с интересом посмотрел на Унимо.

Младший Ум-Тенебри снова ничего не ответил, хотя в горле у него застряли слова возмущения вперемежку с вопросами об отце.

Кивнув – больше сам себе, чем собеседнику, – Скрим развернулся и быстро зашагал в сторону города. Когда печальный вестник скрылся из вида, Унимо прошёл несколько шагов по дороге, но быстро скатился в придорожную канаву, насколько это возможно было сделать бесшумно; ему казалось, что из-за каждого куста за ним наблюдает кто-то, похожий на Скрима. У него было такое ощущение, что его тошнит – он припал к земле и скорчился в судорожных, выворачивающих наизнанку рыданиях...

Когда Унимо поднялся, было уже совсем темно. Он выбрался, цепляясь пальцами за комья земли и глины на дорожной насыпи – и это показалось ему восхождением на маленькую гору. Тяжело дыша, Унимо оглянулся, но не увидел ничего. Точнее будет сказать, увидел *ничего*.

Он не первый раз оказывался ночью за городом: часто специально задерживался у Майти допоздна, чтобы пройти домой по дороге, которая в свете луны и звёзд казалась покрытой тонким слоем серебра, вдыхая свежий, пахнувший далёкими кострами пастухов и холодными ночными озёрами воздух, слушая всплески больших рыб и любуясь перемигиванием светлячков.

Унимо не сразу, но понял, в чём дело: не было ни луны, ни звёзд, ни даже светлячков. Напрасно он запрокидывал голову и кружился, рискуя тут же упасть от головокружения: ни луны, ни звёзд, ни ночных облаков, которые могли бы их скрывать, не было. Как не было никаких звуков, никаких проявлений жизни, кроме громкой и тяжёлой, словно кузнечный молот, работы его сердца. Унимо даже приложил руку к груди, надеясь успокоить его бешеное биение, – всё напрасно. Казалось, будто тяжёлая повозка потеряла управление на горной тропе и с грохотом неслась вниз, задевая по пути камни и вырывая с корнем низкие горные кустарники, чтобы неминуемо разбиться внизу, в ущелье.

Поскольку плоская поверхность под ногами была единственным, что ему осталось привычного, он пошёл по ней, наугад выбрав направление и надеясь, что идёт в сторону города. Впрочем, теперь было совершенно всё равно, куда направляться: в столицу его вели только невидимые нити воспоминаний, которые следовало разорвать как можно скорее.

Каждый шаг по тёмной дороге давался с трудом, как будто Унимо шёл по дну неподвижного озера и столп холодной воды давил на него, стремясь раздавить в мелкий речной песок и развеять по дну. Ум-Тенебри медленно и долго шёл и думал о том, что за почти пятнадцать лет так и не научился ничему важному или хотя бы полезному. У него не было тех изысканных знаний, которые для немногих избранных составляют радость человеческого бытия: он не разбирался ни в поэзии, ни в музыке, не знал древних языков и науки звёзд, науки рождения и превращения веществ, как не знал и многого другого. Так, читал урывками отовсюду – то, что его вдруг заинтересовывало, но через дигет⁵ или два уже забывал о своём увлечении. Не имел он также и полезных людям занятий, которые могли бы помочь ему прожить без отцовского наследства и заслужить своё место в городе: он не знал ни искусства врачевания, ни кузнечного дела, ни каменного, ни пекарского, ни счетоводного, ни охранного... он не знал ничего, рассчитывая всю жизнь прожить на наследство Ум-Тенебри, когда-нибудь потом найти какую-нибудь подходящую должность, или пойти учиться, или путешествовать, или ещё что-нибудь придумать. От ясной картины своего недавнего будущего Унимо стало ещё хуже: если бы он и так не брёл в полной темноте, то наверняка бы заметил, что у него потемнело в глазах. Он видел себя таким ничтожным – очевидно, и мир перестал замечать его, не желая тратить на него драгоценный свет звёзд. Унимо вдруг почувствовал, что темнота никогда не закончится, что жизнь его закончена и он только по ужасной ошибке остался в этой непонятной пустоте,

⁵ Дигет – период времени, принятый в Шестистороннем Королевстве и состоящий из пяти дней (как правило, четыре дня работы и пятый – выходной).

в которой каждый шаг приближает его к безумию. Но он всё равно упрямо шёл, по дороге, которая никуда не вела, такой одинокий и ненужный даже самой смерти...

Вспоминая ту ночь, Унимо никогда потом не мог точно сказать, сколько времени он шёл: время, казалось, тоже забыло о нём и ощутимо растягивалось, словно нити горячей сахарной патоки, превращая настоящее в нескончаемую пытку. В какой-то момент младший Ум-Тенебри решил сдаться, лечь прямо на пыльную дорогу и уснуть. Тогда единственная его надежда была на то, что он заснёт и никогда больше не проснётся, – потом он с удивлением вспомнил, какой светлой и притягательной казалась такая возможность. Скорее всего, ничего бы не произошло, если бы Унимо остановился, но он всерьёз боролся с этим искушением: ещё упрямее брёл вперёд, ещё чаще смотрел на небо в ожидании хотя бы одной звезды – и всё чаще спотыкался. В конце концов он спотыкался уже на каждом шагу, каждый раз – как маленькое прерванное падение, и снова, и опять. Унимо всерьёз разозлился на себя: «Ну хоть что-нибудь ты можешь сделать? Жалкий ты тип, ну хоть что-нибудь?!»

Бормоча как сумасшедший, Унимо вдруг увидел – как награду или наказание за своё упрямство – неяркий тёплый свет вдалеке. В любом случае нельзя было не идти на свет, совершенно невозможно: тогда Унимо до последней капли понял, как себя чувствуют мотыльки, фанатично летящие ночью на свет садовых фонарей.

Подойдя ближе, он разглядел, что это был свет костра, вокруг которого, судя по теням, сидели люди. За эти вечер и ночь Унимо потратил столько страха, что ничего не осталось, чтобы запретить ему приближаться к огню. Разбойники в Шестистороннем давно были редкостью, особенно в окрестностях столицы, а эти люди могли быть кем угодно: рыбаками, пастухами, компанией молодых горожан, выехавших на ночной пикник, заговорщиками. Унимо было всё равно – он решительно свернул с дороги, сбежал с насыпи и направился к костру. Стали слышны негромкие звуки флейты: вокруг костра сидели несколько человек, не больше десяти, и все они молча слушали флейтиста, белые, раскрашенные отблесками костра глаза которого выдавали слепого.

Унимо подошёл совсем близко, но никто не обратил на него внимания. Тогда он сел рядом с ближайшим человеком и огляделся. Соседкой Унимо в этом концертном зале под открытым небом оказалась женщина; огонь выхватывал из темноты её бледное лицо, крепко сжатые губы и широко распахнутые зелёные глаза. Она не отрываясь смотрела на флейтиста, отгороженного от неё костром, поэтому в глазах её плескались тёплые отсветы, а зрачки сжались до чёрных точек. Других зрителей Унимо не удалось разглядеть, и он попытался сосредоточиться на музыке. Флейтист играл хорошо: это можно было понять по тому, как не похоже на флейту было звучание этой волшебной мелодии. Казалось, как будто ему кто-то подыгрывает – но нет, все остальные были только слушателями. Даже ночные птицы с их тонкими скрипучими стонами-жалобами не были слышны. Даже рыбы, казалось, залегли на дно, чтобы всплеском не нарушить лёгкое течение музыки.

В тот самый момент, когда Унимо уже поддался этой волшебной атмосфере, создаваемой флейтой, костром и отступившей темнотой, почувствовал близость уютного сонного забытья и радость от своего волшебного освобождения, флейтист вдруг вскочил и бросил флейту в костёр, который радостно подхватил её и сгрыз, как пёс брошенную кость. Тут же, как будто сломалась главная деталь механизма, все вокруг посыпались, словно фигурки из картона от ветра. Унимо едва успел увидеть, как женщину рядом с ним бросило в костёр, словно она была тростниковой флейтой, как она невозможно медленно выбиралась из костра, так что даже Унимо успел броситься ей на помощь. Но женщина посмотрела на него таким злым взглядом, что он отпрянул от неё как от огня, который, впрочем, к тому времени уже едва тлел.

– Как ты смеешь мне мешать! – угрожающе прошипел слепой флейтист, шагнув через угли прямо к женщине, и его голос звучал таким чудовищным диссонансом, почти малой

секундой, к ещё звенящему в воздухе голосу убитой флейты, что слушать его было физически невыносимо.

– Я хотела защитить его. Он здесь по ошибке, ты ведь видишь, – с трудом поднявшись и машинально вытирая перемазанные золой пальцы о чёрное платье, сказала она.

– Возможно, как и ты? – скривил губы флейтист.

Женщина полностью выпрямилась, и теперь было видно, как дрожат её плечи, руки, как вздрагивает подбородок. Дрожал и её голос, когда она ответила с вызовом:

– Возможно. Только это не тебе решать.

– Конечно, – неожиданно спокойно отозвался флейтист, – конечно, не мне, а *ему*. *Ему* решать. Только ошибки здесь – единственное, что невозможно, ты ведь знаешь это лучше других.

С этими словами он повернулся и зашагал в темноту. Его понурые плечи и безжизненно повисшая голова выражали, казалось, такую безысходность, что Унимо невольно пожалел этого вспыльчивого маэстро. Но едва он успел это ощутить, как его лицо обдало жаром от внезапно взвившегося столпа горящего воздуха, заставив его отпрянуть. Столп стремительно рос вверх и в стороны, победно потрескивая, окружая Унимо и женщину в чёрном стеной жадно шипящего огня. Унимо одёрнул руку, когда в неё попала шипящая искра. Взгляд женщины беспомощно метался по кольцу огня – она крутилась на месте, очевидно, пытаясь загородить собой Унимо, но ничего не получалось, потому что огонь был повсюду. Густой дым уже пробрался в лёгкие, от жара Ум-Тенебри закрыл глаза в ожидании неизбежного, чувствуя приятно прохладную ткань платья. Когда огонь стал уже лизать ботинки Унимо, как будто какая-то сила вздёрнула его вверх, всё выше и выше, – он открыл глаза и поразился, как высоко поднимался туннель из огня – казалось, до самых звёзд, которые теперь сияли привычной и такой непередаваемо возвышенной световой музыкой. Унимо чувствовал, как ветер развеивает его волосы, но не мог понять, что с ним происходит. Рядом с собой он видел чёрного стрижа, отчаянно летящего к выходу из этой ловушки. Затем огненное кольцо стало бледнеть и распадаться – и где-то уже у самых-самых звёзд Унимо почувствовал, как жар отступает, оставшись ни с чем, а чёрный стриж рядом как будто ныряет, с наслаждением купаясь в холодном высоком воздухе.

И тут Унимо наконец потерял сознание, ничуть не заботясь о том, на какой необыкновенной высоте над землёй он находится.

1.1.2. *Neu quam est timendus qui mori tutus putat*⁶

Морео Кошачий Бог пробирался по центральной канализации Тар-Кахола, оправдывая своё прозвище: к нему, как тени, сбегались многочисленные коты и кошки – обитатели городских подвалов. Он каждой уделял внимание, говорил какие-то только ему и, возможно, кошкам понятные слова и выдавал изысканное угощение из свежих рыбьих голов и внутренностей, которые он выпросил у знакомого рыбака на причале Кахольского озера. Огромный мешок, в котором он тащил своё богатство по скользким подземным туннелям, порвался в нескольких местах, так что вся одежда Морео была испачкана в слизи и чешуе, и, когда он проходил под люками, в которые проникал свет луны, он светился и сиял не хуже, чем Рыцари Защитника. Под одним из таких люков он остановился и посмотрел вверх, прислушиваясь. Неизвестно, что он там увидел, но он тут же сел на корточки чуть в стороне от полосок света и принялся ждать. По его лицу трудно было определить возраст: он был давно не брит, а отросшие волосы падали на лицо. Только вблизи можно было понять, что волосы светлые: настолько они были испачканы в земле и ржавчине; видимо, в поисках своих друзей ему приходилось пробираться по самым узким ходам.

⁶ «Тот страшен, кто за благо почитает смерть» (лат.).

Кошки сначала сновали вокруг, но со временем, когда поняли, что угощение закончилось, стали исчезать по своим делам в узких, расходящихся паутиной туннелях. Только одна кошка – маленькая и чёрная, с белым пятном на груди – забралась на колени к Морео. Он ласково гладил её, приговаривая всё такие же непонятные слова.

Через какое-то время в тишине бегущей воды и возни крыс в туннелях послышался посторонний металлический звук. Морео аккуратно взял на руки кошку, бесшумно поднялся и отступил чуть дальше в темноту. Его движения были точными, но по-кошачьи бесшумными и непринуждёнными.

Тем временем металлический звук усилился и стало ясно: кто-то наверху открывал люк, причём делал это торопливо и весьма неумело. Наконец люк поддался и с лязгом отлетел в сторону. Наверху замерли: видимо, взломщик канализационных люков остановился прислушаться, не привлёк ли чьё-нибудь внимание своими неловкими действиями. Морео по-прежнему стоял в темноте, только выпустил из рук кошку, которая тут же скрылась по следам своих сородичей, и был похож на кота, застывшего перед прыжком.

Голова того, кто затаился наверху, опасливо сунулась в открытый люк. Морео видел, как человек поморщился от запаха и принялся шарить взглядом по туннелю. Когда он нашёл то, что нужно было – неширокую, но глубокую канаву со сточными водами, главную реку этого подземного царства, – он спустил в люк небольшой серый свёрток и, размахнувшись, бросил его точно в воду, а затем, с суетливой поспешностью вора, отпрянул и стал закрывать решётку люка.

«Меткий, мерзавец», – подумал Морео и одним широким прыжком очутился у свёртка, который уже подхватило зловонное течение. Ткань начала намочить: ещё немного – и она со всем содержимым опустилась бы на дно этого сточного могильника. Морео одной рукой выхватил свёрток, бережно положил его подальше от канавы и развернул, с трудом осилив туго завязанный узел. В свёртке было четверо новорождённых котят: они тут же жалобно запищали и стали ползать, перебирая маленькими и прозрачными, словно у древних подводных ящериц, лапками, натываясь друг на друга и на руки Морео. Слепые и беспомощные, они уже успели увидеть и жестокость, и милосердие мира, в который их швырнула равнодушная жизнь.

Услышав писк, не успевшая далеко убежать чёрная кошка, повинувшись древнему материнскому зову, вернулась и тут же принялась вылизывать и кормить котят, а Морео сел рядом и прикрыл глаза. Но отдыхал он недолго: прошептав чёрной кошке что-то, что можно было понять как: «Ты ведь о них позаботишься, правда?» – он встал и полез вверх, к люку, цепляясь за скользкие каменные выступы.

Отодвинуть решётчатый люк снизу было не так легко, как сверху, – но Морео, привычный к таким приключениям, справился с этим и выбрался, тяжело дыша, на пустынную улицу ночного города, воздух которой, после сырого и затхлого воздуха канализаций, казался свежее знаменитого воздуха Горной стороны. Если бы кто-то суеверный увидел картину появления Кошачьего Бога, он бросился бы бежать со всех ног, на ходу повторяя имя Защитника. Но никого не было: тот, кто совершил своё чёрное дело, уже скрылся за поворотами старинных извилистых улиц центра Тар-Кахола.

Тем не менее хищная улыбка на лице Морео не оставляла сомнений: ничто не поможет убийце укрыться от божественного гнева. Кошачий Бог закрыл глаза и сосредоточился, протягивая нить своей ненависти от места злодеяния к человеку, и стремительной тенью бросился в лабиринт улиц, безошибочно выбирая кратчайшую дорогу.

Морео нагнал убийцу на площади Рыцарей Защитника – небольшой и уютной, с изящным фонтаном, возле которого вечерами часто собирались уличные музыканты и поэты и их поклонники. Увидев свою жертву, Кошачий Бог остановился и стал осторожно пробираться вдоль стены. Можно было даже не особенно таиться: звуки падающей воды удачно скрадывали все перемещения. Дождавшись, когда человек стал, озираясь, переходить площадь, Морео

скользнул к фонтану, незаметно обошёл его, скрываемый потоком воды, и неспешно вышел под свет фонаря. Человек чуть не налетел на Морео, резко остановился и закричал. Кошачий Бог едва удержался, чтобы не зевнуть от скуки: вся эта последовательность неловких и бессмысленных действий человечков была ему хорошо известна. Он протянул руку, взял свою добычу за шкурку, как котёнка, и оба они провалились в сырую, пахнущую кошками и стоячей водой темноту.

Постепенно глаза привыкали к окружающему мраку и жадно улавливали частицы света из далёкого люка, позволяя выхватить из черноты небольшое пространство вокруг. Морео, привычный к подземному мраку, уже всю разглядывал своего пленника, когда тот только беспомощно протирает глаза и крутит головой, словно стараясь сбросить невидимую повязку. Он был молод, его аккуратная стрижка, чистые, ухоженные руки и удобная, но не лишённая претензий на изысканность одежда выдавали человека не богатого и не бедного, не занятого физическим трудом: возможно, писарь или охранник (нет, охранник всё-таки вряд ли, слишком слабават на вид), или лавочник. Впрочем, это было всё равно: Морео лениво прокручивал в голове эти наблюдения только по привычке, ожидая, пока человечек придёт в себя.

– Кто... кто вы? Что это всё значит?! – сдавленным шёпотом произнёс кошачий убийца, всё ещё воображая, будто имеет право задавать вопросы.

– Я – тот, кто хочет убить тебя за то, что ты сгубил ни в чём не повинные кошачьи души, – сказал Морео. И тут же поправился, вспомнив о законах здешнего мира: – Точнее, бросил их в сточные воды, чтобы они утонули.

Пленник снова закрутил головой – на этот раз, видимо, в надежде разорвать пелену безумия, которую на него набросил этот страшный тип из подземелий. И неожиданно для себя стал сбивчиво оправдываться:

– Сам я не хотел этого делать, но жена... сказала, что малышу будет вредно, столько кошек в доме, а нашу Мару она не хотела выбрасывать, хотела, чтобы та оставалась ловить мышей... поэтому нельзя было просто оставить их во дворе. Она бы убежала...

Человек замолчал, уставившись на Морео, который стоял рядом, прикрыв глаза. Он слышал немало таких историй, и эта ничем не отличалась: была такой же жалкой, как и все остальные, если бы их слышал тот, кто может испытывать жалость. А для того, кто может испытывать удивление, показалось бы удивительным, насколько быстро грозные убийцы превращаются в дрожащих, заикающихся и беспомощных жертв. Для Морео детали были несущественны, и он резюмировал:

– То есть ты хотел убить невинные души для собственного удобства.

Поняв наконец, что перед ним сумасшедший, пленник Кошачьего Бога решил на отчаянное сопротивление, несмотря на то, что его ужас в этой темноте был ощутим наощупь. Он оттолкнул подземного безумца и бросился бежать в сторону тусклого света – но в то же мгновение Морео широко открыл глаза, а его удирающая добыча свалилась на пол, скорчившись от боли.

– Ты не сможешь убежать от меня здесь, – спокойно сказал Морео, подходя к нему. – Твоё отчаянное желание выжить гораздо слабее моей самой обычной ненависти, так что всё кончено.

Человек в ужасе посмотрел на Кошачьего Бога и понял со всей непоправимой ясностью, что к нему пришла смерть.

Морео усмехнулся, подумав, что был бы отличным помощником Смерти. Если бы у него хватило на это воображения, выдержки и чувства юмора настоящего волшебника. Но для такого даже он был слишком слаб. Поэтому приходилось импровизировать и заниматься самоуправством.

– Твоя жалкая душа не заслуживает этого роскошного тела, – сказал Морео, – а твой страх потерять его настолько велик, что не вмещается в него. Поэтому вот тебе новое, подходящее

тело – хочу, чтобы оно стало твоим! – с этими словами Кошачий Бог со скоростью смертельного прыжка бросил в свою жертву неизвестно откуда взявшуюся дохлую крысу.

Человек только коротко дёрнулся и тут же застыл, а выражение его лица ни у кого не оставило бы сомнений: он умер от ужаса.

Крыса, которую бросил Морео, напротив, пискнула и зашевелила лапами. Со свойственной её роду живучестью, спустя секунду она уже поднялась на лапы и деловито потягивала воздух, выбирая, откуда доносится самый аппетитный и свежий запах разложения.

– Хочу, чтобы ты жил тут, – пробормотал Морео, оценивающе смотря на крысу, – один месяц. И если тебя не поймают мои друзья, можешь вернуться в своё прежнее тело, которое останется тут и будет невредимо. Но будь осторожен, – добавил он, невесело усмехнувшись, – они все уверены, что имеют полное право съесть тебя, если ты снова окажешься слабее.

Крыса ещё немного покрутила головой, затем, видимо, выбрав самый заманчивый запах, нырнула в один из узких туннелей канализации.

Кошачий Бог, наконец, мог позволить себе отдохнуть: он тяжело опустился у каменной стены, не замечая, как за воротник рубашки с камней стекают ледяные капли. Он думал о том, во что превратилась теперь его жизнь. Что же, он не мог жаловаться: он сам последовательно выбирал всё это. Здесь всегда выбираешь сам, в отличие от жизни там, на поверхности, где всё уже решено за тебя, – но вернуться туда означало для него предательство. Да и сил на это уже почти не оставалось. Смерть казалась ему такой желанной, но пока, видимо, сила его ненависти была ещё несравнимо больше, не оставляя ему надежды на скорое избавление.

Течение сумрачных мыслей Морео снова потревожил какой-то звук. «Что, опять?» – в ярости подумал он. Но на этот раз не нужно было гнаться за нарушителем спокойствия: тот явился к Кошачьему Богу сам. Человек был уже близко, он шёл в темноте – не так ловко, как Морео, но сносно для обитателя поверхности. Морео тяжело вздохнул, узнавая походку, и поднялся навстречу непрошенному гостю.

– Здравствуй, Морео Кошачий Бог, – сказал гость. Его голос звучал спокойно, хотя путешествие в темноте давало о себе знать: дыхание немного сбивалось, взгляд долго блуждал вдоль стены, прежде чем различить силуэт человека.

– Здравствуй, Грави Эгрото, Великий Врачеватель Душ, но мою душу ты не получишь, – решительно ответил Морео. И, помолчав, добавил тише: – По крайней мере, так просто.

Конечно, он ясно видел в этой темноте, что вздумай Грави действительно сейчас забрать его душу, у него бы это получилось. Конечно, это было бы не так легко, как справиться с убийцей котят: Морео сопротивлялся бы изо всех сил, – но результат был бы тот же самый.

Грави Эгрото мрачно разглядывал Кошачьего Бога, как будто действительно решал, не стоит ли направить этого несговорчивого пациента на принудительное лечение – скольких проблем тогда можно было бы избежать. Но всё-таки Врачеватель сказал, что и собирался, когда задумывал направиться сюда:

– Я пришёл к тебе как друг. Прошу, не искушай меня, – добавил он предостерегающе.

Но Морео не послушал предостережения – слишком уж он вжился в свою роль и слишком долго общался только с теми, кто слабее.

– Конечно, мне очень лестно слышать, что Великий Врачеватель считает меня своим другом. Но, боюсь, у меня давно уже нет друзей, – с картинным сожалением покачал головой Морео.

Грави был в ярости – это стало понятно, как только он заговорил.

– Я сказал, что пришёл к тебе как друг, – с нажимом повторил Врачеватель. – Я *хочу*, чтобы ты меня выслушал. И я *хочу*, чтобы ты перестал вести себя как избалованный ребёнок.

Этих спокойно произнесённых слов оказалось достаточно, чтобы Морео почувствовал себя крысой, загнанной в угол десятком котов. Давно забытое ощущение перекрученных нитей болезненно ясного сознания, концентрированного страха, упущенных возможностей, запозда-

лой досады на самого себя, невыносимое, обжигающее прикосновение чужой воли, сминающей твою реальность как ненужный черновик... это было только предупреждение, но Морео мгновенно вспомнил всё – и, как ни странно, ему захотелось вернуться.

«Шоковая терапия в тяжёлых случаях бывает оправданной», – отметил в своём внутреннем врачевательском блокноте Грави, наблюдая за тем, как Морео возвращается, с трудом приходит в себя. Бедолаге пришлось так долголизывать раны после произошедшего с ним три года назад (Эгрото мог бы сравнить это с одновременным переломом всех костей тела), что вряд ли можно было бы сейчас требовать от него большего. Врачеватель внутри Грави привычно взял верх над Игроком, и он повторил третий раз, уже гораздо мягче:

– Я хочу, чтобы ты считал меня своим другом, если захочешь, – и выдохнул.

Игрок в нём запротестовал: ну как же, победа была так близка – рукой подать – и так всё испортить, поддаться этому мальчишке, да ещё дать ему парочку козырей в придачу! Не сомневайся, он бы тебя не пожалел! Но Врачеватель уже привык к такому возмущённому недовольству своего Игрока – и всегда оказывался сильнее. Не зря он был Великим Врачевателем: его жалость, в отличие от жалости других, никогда не была только ядом, но всегда – ещё и лекарством.

– Я что-то подзабыл: друзья всегда выкручивают руки, чтобы доказать свою дружбу? – спросил побледневший Морео.

Это был всё тот же язвительный и диковатый Кошачий Бог, но за его словами теперь не было той стены, о которую разбивались все чужие слова. И он, несомненно, оценил жертву Игрока Грави. На языке кошачьих образов он мог бы сравнить это с чувствами кота, у которого прямо из пасти вырвали перепуганную, но живую и невредимую мышь.

– Как это ни странно, с моими друзьями – приходится довольно часто, – усмехнулся Грави.

Теперь, когда Морео был готов слушать, напряжение немного отпустило Врачевателя.

Кошачий Бог стоял, прислонившись к стене, и ждал. Более того, ему, казалось, было интересно, что скажет Великий Врачеватель, для чего он лично явился в эти грязные подвалы.

Это было даже больше, чем Грави мог представлять в своих самых смелых прогнозах, поэтому – лекарский опыт подсказывал ему – начинать следовало с самого горького лекарства:

– Я знал много... немало тех, кто пытался жить здесь ненавистью. Иногда они были даже сильны... сначала... иногда им удавалось зайти довольно далеко, удавалось побеждать. Но всегда это были люди болезни. Поэтому я всегда был сильнее рядом с ними – хотя вообще-то не очень люблю эти игры. И я думаю, что так нельзя получить настоящей силы – все эти люди просто пытались заглушить свою боль, вот в чём была их истинная цель.

Как и предполагалось, Морео это не понравилось. Очень не понравилось. Но он, скривившись, всё же проглотил тошнотворное снадобье, горькое, как порошок корня айра. И, как полагается, отыгрался на лекаре.

– Если бы я не знал, кто ты, подумал бы, что со мной говорит не знающий правил новичок, – прошипел Морео.

– Я знаю, – тихо отозвался Грави, – поэтому я никогда больше не скажу тебе этого.

Какое-то время два человека в грязном полумраке городской канализации просто молчали, избегая смотреть друг на друга. Их молчание было неловким и напряжённым, и все местные кошки чувствовали это высокое напряжение, опасаясь приближаться теперь к своему богу. «Кажется, у него неприятности», – могли бы подумать они. Когда у богов неприятности, впору ожидать самого худшего: возможно, и рыбьих голов больше не будет. Но одно из главных правил кошачьей мудрости гласило: может появиться и новый бог, а потерянную даже одну из жизней уже никогда не вернёшь.

– Если ты... я хотел предложить тебе кое-что – за этим, собственно, и пришёл, – произнёс наконец Грави. Он всегда становился немного косноязычным, когда приходилось долго

разговаривать с пациентами, вместо того чтобы лечить их. – Здесь многие из тех, кто собирает знания, хотели бы научиться говорить с животными. И я знаю только одного человека, который действительно это умеет.

Губы Морео растянулись в широкой улыбке, которая напомнила Грави свежий разрез скальпелем на голом бледном теле утопленника, а яркие голубые глаза стали темнее мрака, клубившегося по углам, когда Кошачий Бог сказал:

– О, передай им, что это очень просто. Достаточно всего лишь превратить самого дорогого им человека в какое-нибудь животное.

1.2 Realibus⁷

1.2.1. Auspicia sunt fausta⁸

Унимо Ум-Тенебри проснулся от головной боли, острой, как иглы хорошего портного. Он поморщился, но всё же приподнялся, чтобы понять, где проснулся; то, что вчера он лишился отца и дома и чудом избежал смерти в огне, не пришлось вспоминать долго – это знание стояло теперь прямо перед его носом каменной стеной, в которой он мог разглядеть мельчайшую трещину. Но в то же время недавнее прошлое как будто отдалилось – точнее, как будто он только что прочитал об этом в книге, и эхо прочитанных слов ещё звучало в его голове. «Причиняя ужасную боль, гораздо хуже того случая, когда я на спор с Майти выпил вина», – мысленно отметил Унимо. Думать было очень сложно и – снова к нему явился этот образ – напоминало написание слов и предложений на бумаге. Как будто в его голове завёлся собственный секретарь, который сердито махал руками, давая знак мыслить медленнее, чтобы в точности записать каждую незначительную фразу, всплывающую на поверхность сознания. «Секретарь», – вспомнив Скрима, Унимо снова поморщился и подумал, что если секретарь отца так изменился, то, может, и отец тоже был вовсе не тем, кем притворялся все эти годы. Хотя это было ясно и по письму: собственный сын оказался настолько глуп, что отцу пришлось излагать всё в письменном виде. Это, конечно, сам Унимо подумал так, как и то, что всё-таки вряд ли это было справедливо. И даже чуть улыбнулся, представив, как должен был справиться секретарь с записью таких нескладных мыслей.

На нём по-прежнему была зелёная куртка, но он заметил, что несколько серебряных колец оторвались – видимо, когда он спасался от огня. «Когда меня спасали от огня», – мысленно поправил себя Унимо. Письмо всё ещё оставалось в кармане куртки, но Ум-Тенебри, нащупав его, не стал доставать и разворачивать.

Комната, в которой он проснулся, была небольшой и небогатой, вся мебель – кровать, стол и два стула – была сделана из клеенного дерева, окна были открыты и выходили на городские улицы, скорее всего, где-то в центре, поскольку то и дело раздавались крики утренних уличных торговцев, которые обычно сначала обходили окраины, терявшие волшебство утреннего сна раньше, а потом, двигаясь по спирали столичных улиц, приходили в центр, гружённые свежими витыми пирожками с ягодным кремом, солёными рогаликами, свежим молоком из окрестных деревень, жареными горными орехами и высокими кувшинами с кислым соком зеленики⁹.

Унимо заснул в одежде, но кто-то, очевидно, принёс его сюда и снял с него ботинки, которые обнаружили тут же, под кроватью. Этот кто-то оказал ему большую услугу, поэтому следовало найти его и поблагодарить: вежливость и благодарность за любое добро была силь-

⁷ «Реальное» (лат.).

⁸ «Предзнаменования благоприятны» (*формула римских жрецов, гадавших по полёту птиц*) (лат.).

⁹ Зеленика – растение, широко распространённое в Горной и Лесной сторонах Шестистороннего Королевства, с ароматными белыми цветами и крупными зеленовато-жёлтыми ягодами с терпким освежающим вкусом.

ной стороной Ум-Тенебри, странно сочетаясь со вспыльчивым и упрямым характером некоторых предков. Унимо надел ботинки, расправил помятую одежду и, обнаружив в углу кувшин с водой, стал умываться, с наслаждением погружая лицо с по-прежнему горящими от боли висками в прохладную воду. Увлечённый этим занятием, он не заметил, как кто-то вошёл. Только услышав негромкий перестук пальцами по стене, он вздрогнул, опрокинув глиняную чашу для умывания, и резко развернулся. На пороге стояла женщина – несомненно, та, которую он видел вчера, но выглядела она гораздо спокойнее и увереннее, по-хозяйски. Унимо заметил, что на ней был передник, весь в муке, о который она небрежно вытирала руки, и вспомнил, как вчера она таким же движением вытирала о платье длинные белые пальцы, испачканные в золе.

Женщина заговорила первой, продолжая насмешливо смотреть на испуганного мальчишку:

– Извини, после того как мне пришлось тащить тебя на руках, а потом разувать, как какая-нибудь верная жена напившегося до беспамятства муженька, я позволила себе войти, не услышав ответа на стук. Проверить, всё ли с тобой в порядке. Вчера это было... неочевидно.

Её зелёные глаза, хоть и были насмешливо прищурены, но излучали колючую, грубоватую доброту, известную Унимо по взгляду, которым иногда смотрел на него отец, будто говоря: «Да, ты натворил неизвестно чего, но ты мой любимый сын, и как вот прикажешь на тебя сердиться».

– Лири¹⁰, я... меня... моё имя Унимо Ум-Тенебри, и я очень благодарен вам за то, что вы спасли меня, и сожалею о причинённых неудобствах, – наконец совладал с собой Унимо. Сначала он хотел умолчать о своём настоящем имени, но потом подумал, что это будет несправедливо по отношению к той, которая спасла его от смерти.

Женщина удивлённо приподняла брови, потом нахмурилась и, наконец, усмехнулась:

– «Лири», надо же... Меня зовут Тэлифо Хирунди, можно просто Тэлли, но уж точно не «лири». В приюте, в котором я воспитывалась, такое обращение считалось верхом издевательства. И кстати, давай уж на «ты», иначе мне придётся величать тебя «лори», что, согласись, в наших обстоятельствах несколько неуместно. Я – владелица этой маленькой булочной с двумя комнатами – убежищами для неожиданных постояльцев вроде тебя. И ещё я делаю самые вкусные на этой стороне старого города пирожки с зеленикой. Это всё, что тебе нужно знать обо мне, а теперь пойдём – поможешь мне по хозяйству. Хоть ты и шейлир, но у меня такое чувство, что заплатить за комнату тебе нечем, – проницательно добавила она.

– У меня есть серебряные кольца, – смущённо сказал Унимо, показывая на свою куртку, – они из настоящего серебра.

В ответ Тэлли фыркнула, развернулась и бросила уже через плечо:

– Советую тебе никому не говорить об этом. И не разбазаривать всё, что у тебя осталось, при первом удобном случае. Всё равно их не хватит, если ты действительно задумаешь расплатиться со мной. И – да, лучше надень куртку наизнанку.

– Я вовсе не... я просто... я буду рад вам помочь... тебе помочь, – запинаясь, Унимо убрал чашу для умывания и поспешил вслед за насмешливой хозяйкой.

Внизу было прохладно и сумрачно: ставни на окнах, выходящих на солнечную сторону, были предусмотрительно прикрыты от по-весеннему яркого утреннего солнца. Булочная была небольшой, немалую часть её занимала печь, украшенная разноцветной каменной плиткой, посередине стоял массивный низкий стол из тёмного дерева, ближе ко входу – несколько столов поменьше с мягкими плетёными креслами, отделённые от кухни высокой деревянной стойкой с баночками и бутылками всевозможных форм и размеров.

¹⁰ «Лири» – женский род обращения «лори», аналогичное «госпожа».

– Как тебе? – спросила Тэлли, когда они спустились вниз по крутой, как трап на корабле, деревянной лестнице: очевидно, при её устройстве удобство постояльцев уступало соображениям экономии места.

– Очень... уютно, – вежливо ответил Унимо. Он напряжённо думал, как лучше задать вопрос о произошедшем вчера – так, чтобы получить ответ.

– Не роскошно, конечно, но зато я здесь сама себе хозяйка, – бормотала она, принявшись месить брошенное тесто.

– Чем вам... тебе помочь? – спросил Унимо.

Тэлли коротко взглянула на него и улыбнулась:

– Можешь подмести здесь, метла вон там, – кивнула она в сторону небольшой низенькой двери, ведущей, видимо, в чулан. – А потом поможешь мне перебрать зеленику.

Унимо с готовностью кивнул. Разумеется, дома он никогда не занимался ничем подобным, хотя несколько раз отец заставлял его самого убираться в комнате, когда после очередной его шалости оставалось слишком много перьев, обрывков бумаги, рассыпанных по ковру конфет. Но, конечно, не было ничего сложного в том, чтобы подмести такое небольшое помещение, тем более Унимо, видимо, следовало теперь привыкать к физической работе. Закончив подметать, он, по просьбе Тэлли, расставил на столах свежие цветы на высоких ломких стеблях из одной большой вазы на стойке и принёс из чулана корзину свежей зеленики. Эта ягода появлялась из-под снега с первыми лучами солнца в горах, и её терпкий кислый вкус был знаком всем жителям Тар-Кахола как вкус весны.

Когда они с Тэлли принялись перебирать зеленику от черешков, Унимо наконец решился:

– Тэлли, ты... могла бы рассказать мне о том, что произошло вчера?

Женщина усмехнулась:

– Долго же ты решался. И правильнее будет сказать: «Я хочу, чтобы ты рассказала мне о том, что произошло вчера», особенно... особенно в местах вроде того, где мы были вчера. Просто запомни.

– А где мы были вчера? – мгновенно уцепился Нимо. – И кто был тот человек с флейтой? И как нам удалось спастись? Это магия, да?

Тэлли засмеялась и замахала руками, но Унимо заметил, что её глаза были печальны.

– Эй, не так быстро. Тебе ведь нужна *правда*? – загадочно уточнила она.

– Ну конечно! – наивно воскликнул Унимо.

– Так вот, *правда* состоит в том, что я не могу об этом говорить, – хмуро закончила Тэлли, хотя её немного позабавило то, как легко Ум-Тенебри попался на приманку.

Унимо, как и полагалось, разочарованно и удивлённо посмотрел на неё:

– Почему не можешь?

– Потому что мне нельзя, – ещё более угрюмо отозвалась Тэлли, давая понять, что это не шутка.

– Никто не может запретить человеку говорить, ты просто не хочешь мне рассказывать, – нахмурился Унимо. Всё-таки ещё совсем недавно он получал ответы на все свои вопросы. Ну, или почти на все.

Тэлифо вдохнула и положила перепачканные в зеленике руки на колени:

– Я понимаю, что это звучит не очень. Меня саму в детстве ужасно раздражало, когда мне говорили: «Вырастешь – узнаешь», но это не тот случай. Я действительно не могу рассказать тебе ничего, иначе меня ждут серьёзные неприятности, – тут она снова нахмурилась. – Просто поверь мне.

Унимо заметил, что в последнее время его часто просят «поверить», не давая ни объяснений, ни других вариантов. Как в игре «верю-не-верю», когда ты понимаешь, что любой твой ответ приведёт к поражению, и всё равно должен выбрать.

– Но зато, – продолжала Тэлли, – зато я знаю человека, который лучше всех мог бы тебе это объяснить. Который может объяснить всё на свете.

«Но никогда не станет этого делать. Если не захочет», – закончила про себя Тэлли. Её совсем чуть-чуть мучила совесть, оттого что она так легко обводит вокруг пальца почти ребёнка, но упустить этот шанс она не могла.

– Кто он? – спросил Унимо без особой надежды, хорошо помня вопрос про «правду».

– Он? Ну, он великий человек. Он знает всё, или почти всё. Он мог бы управлять миром, но ему это не нужно.

«Странно тогда, что про него не пишут в газетах», – мрачно подумал Унимо, но вслух спросил:

– Он маг?

– Магии не существует. Ты разве не знаешь? – лукаво поинтересовалась Тэлли.

– Тогда как мы вырвались из того огня вчера? Может быть, сам Защитник прилетел за нами, бросив все дела, чтобы вытащить нас? – огрызнулся Нимо.

– Да ты ещё и безбожник, оказывается, – укоризненно заметила Тэлли.

– Нет, я... я только... я знаю, что вчера это была магия, – упрямо сказал Унимо.

– И так мы вернулись снова в первый акт, действующие лица те же, – вздохнула Тэлли и занялась тестом для пирожков, которое к тому времени уже поднялось. Ловкими движениями она раскатала тесто и разделила его на ровные прямоугольники, приготовила начинку, добавив к зеленике сахара, немного соли и пряностей, вылепила красивые завитые с двух сторон пирожки и отправила их в печь.

– Сегодня получатся не самыми вкусными, – вздохнув, сказала она. И добавила вдруг совершенно серьёзно: – А магии действительно не существует, можешь мне поверить.

По крайней мере насчёт пирожков Тэлли ошиблась: они были превосходны. Самые вкусные пирожки, которые пробовал Нимо – а он перепробовал немало, когда гулял по городу, забывая об обеде, а в кармане всегда звенели отцовские монеты.

Закончив работу, оба пристроились за одним из столов для посетителей и пили кофе с горячими, только из печи, ароматными пирожками, щедро наполненными ягодами и чуть кисловатым пряным сиропом. Несмотря на лёгкое взаимное недовольство от недавнего разговора, они пили кофе и болтали вполне по-дружески. Унимо вкратце рассказал свою историю, умолчав об ужасе, который сковал его на дороге. Тэлли слушала внимательно и заинтересованно, задавала вопросы. Особенно её интересовало, как именно он оказался на дороге, которая привела его к костру.

– Тэлли, не могла бы ты... то есть я хотел спросить, можно ли мне остаться у тебя на несколько дней, пока... пока я не найду что-нибудь? – дожевывая третий пирожок, спросил Унимо.

– Конечно, можно, – великодушно согласилась Тэлли. – Мне даже нравится твоя компания, хотя обычно я предпочитаю быть одна. Если будешь себя хорошо вести, я, возможно, даже буду угощать тебя кофе с пирожками по утрам.

Ровно в полдесятого, когда даже аристократы центра Тар-Кахола начинали ворочаться в своих постелях и неспешно просыпаться, Тэлифо открыла двери своей булочной для первых посетителей, а Унимо, помахав ей и пожелав удачи, отправился в город по совершенно непривычным для себя делам: искать работу и ночлег. Он вывернул свою куртку наизнанку, перед этим срезав пару серебряных колец, чтобы продать их и получить деньги на первое время.

Вся пружинистая уверенность в своих силах, предоставленная в долг молодостью и невестным везением, испарялась по мере того, как Унимо уходил дальше от приветливой булочной Тэлли. Вчера он был слишком напуган и сбит с толку, чтобы до конца осознать своё новое положение в неформальной, но довольно строгой иерархии гильдии горожан (разобраться в ней тому, кто не прожил всю жизнь в Тар-Кахоле, было довольно сложно, потому что учиты-

валось очень много различных факторов, так что в итоге сын фонарщика, например, мог занимать положение выше капитана королевского гарнизона, но ниже трубочиста). Теперь настало время признать, что оно было незавидным. Если бы Унимо родился в семье лавочника, или пекаря, или рыбака, он бы точно знал, что рано или поздно придётся зарабатывать на хлеб самому, да и выбор достойного занятия не был бы для него так сложен. Отец или мать передали бы ему секреты своего мастерства или отправили в ученики к более успешному соседу – но в любом случае он бы занимался тем, что успел принять как свою судьбу. А если бы и выбрал что-то другое, – например, уйти бродить по городам Королевства с уличными музыкантами, – то это был бы его собственный выбор. Унимо же не дали ни выбора, ни знакомой дороги, просто вытолкнув его на полном ходу из кареты.

Неудивительно, что такие мысли незаметно привели Унимо прямо к своему дому. То есть к фамильному дому Ум-Тенебри в центре Тар-Кахола. «Отличное всё-таки место», – подумал Унимо, как будто первый раз смотря на возникший в конце улицы трёхэтажный дом с башенками. Дом стоял через два переулка от Кахольского озера, на холме, так что даже со второго этажа открывался замечательный вид на разноцветные черепичные крыши, ступеньками скользящие к тёмно-синей глади озера, окружённого изумрудным кольцом деревьев, а с башенок можно было разглядеть даже покрытые туманом вершины Невысоких гор. Унимо всегда нравилось, что Тар-Кахол вырос на холмах: так даже высокие и скучные здания окраин не скрывали его красоты, достаточно было только забраться чуть повыше и покрутить головой, а вечерами, когда туман от озера постепенно поднимался выше, казалось, что огоньки фонарей и окон висят в воздухе, и город смотрелся волшебным и невесомым. Хотя многие ругали первого короля Шестистороннего Королевства за такой выбор места для столицы, особенно когда наступало снежное время и некоторые мостовые превращались в ледяные горки, на радость Тар-Кахольских детей.

Да и сам дом был бы прекрасен, даже если бы он стоял в пустыне: прадед Унимо заказал проект этого дома у знаменитого мастера Орбина, который был известен тем, что отказался работать над новым королевским дворцом, когда король заявил ему, что предложенный мастером проект «немного простоват». Зато у мастера появилось время, чтобы создать несколько десятков домов для понимающей тонкое монументальное искусство градостроения столичной знати – теперь эти дома были разбросаны по всему центру и были легко узнаваемы, несмотря на то, что были похожи друг на друга не больше, чем ноты одной гаммы.

Дом Ум-Тенебри напоминал маленький замок, в нём сочетались строгость Горной стороны и свежий, терпкий воздух далёких путешествий, принесённый с морского побережья. Стены дома были из светло-серого камня, шершавая, нарочно не обработанная поверхность которого создавала видимость настоящей дикой скалы, что потрясающе смотрелось посередине шумного города, а отделка ворот, высоких окон и крыш разной высоты, которые, как волны, плавно набегали одна на другую, из разноцветной мозаики самых удивительных оттенков жёлтого, зелёного и синего и тщательно вырезанных фигурок морских обитателей не давала ни малейшей возможности усомниться: эту скалу создавал настоящий мастер своего дела.

В общем, Унимо стоял и совершенно по-детски любовался домом, который когда-то был *его домом* – со всеми башенками, в которых было так удобно прятаться и смотреть на звёзды по ночам, фигурками морских коньков и глубоководных рыб, которые казались маленькому Унимо сказочными чудовищами, с небольшим заросшим садом, по тропинкам которого он делал свои первые шаги...

– Доброе утро, могу я вам чем-то помочь, тар¹¹?

¹¹ «Тар» (женский род – «тари») – нейтральное вежливое обращение к незнакомому человеку в Шестистороннем Королевстве. Изначально – просто «горожанин/горожанка». Употребляется, если социальное положение человека неизвестно, но предполагается неаристократичным. В определённых случаях может быть проявлением неуважения (если известно, что собеседник занимает высокое положение либо по рождению – тогда употребляется «лори/лири», либо по должности – тогда

Из-за невысокой ограды сада (старший Ум-Тенебри всегда говорил, что не дело отгораживаться от города, являясь его частью, когда ему предлагали сделать забор повыше, как у соседей) показалась женщина в белом переднике с вышитым птенцом иволги – символом слугителей детского приюта в Тар-Кахоле, знаменитого во всём Шестистороннем Королевстве. Нередко несчастные матери проделывали значительный путь из других сторон Королевства, чтобы оставить своего ребёнка именно в Тар-Кахоле, поскольку знали, что тогда он обязательно попадёт в лучший в Королевстве городской приют. Женщина обратилась к Унимо вежливо, но в её словах слышались лёгкое раздражение и тревога от визита странного мальчишки: слугительницы приюта, как наседки, оберегали сирот, проявляя даже больше беспокойства, чем многие родные матери.

– Здравствуйте, простите за беспокойство, тари, – начал Унимо, пытаясь сообразить, что следует отвечать. «Я пришёл посмотреть на дом, который ваши сиротки отняли у меня?» – нет, это явно не годилось.

– Я ищу работу, – неожиданно сообразил Ум-Тенебри.

– Работу? – удивилась женщина, но в её голосе явственно слышалось облегчение: работу искать нормально, сиротам ничего не угрожает, но, конечно, этому странному типу не светит работа здесь, что он сам должен понимать. Поэтому она строго ответила, обведя рукой пустой сад: – Простите, тар, ничем не могу вам помочь, у нас хватает людей.

Унимо успел разглядеть, что в окнах его детской комнаты на втором этаже уже возникли любопытные головы, заинтересованные ранним посетителем. Над центральным входом он заметил табличку со свежей краской: «Приют для сирот имени Айлори¹² Астиана Ум-Тенебри» – и подумал, что отцу это не очень-то понравилось бы.

В глубине сада показался человек – видимо, садовник приюта, – и Унимо узнал в нём старого слугу дома Ум-Тенебри Прэта. Как будто почувствовав его взгляд, старик поднял голову от кустов, которые постригал, посмотрел на Унимо, кивнул ему и тут же вернулся к работе, больше уже не отвлекаясь.

Унимо ещё раз обвёл взглядом весь дом, в котором прошло его счастливое детство, словно хотел унести с собой как сувенир, а потом резко развернулся и быстро пошёл прочь по круто уходящей вверх улице.

Смотрительница приюта почувствовала некоторое сожаление, заметив, как расстроился ранний посетитель – ей даже показалось, что в глазах его блеснули слёзы. Но не могла ведь она, в самом деле, брать на работу первого встречного.

Унимо шёл так быстро, как только мог, не срываясь на бег. Лишь на площади Горной Стороны он остановился перевести дух и напиться воды из каменной колонки, выточенной в форме горного источника. Ледяная вода немного освежила и успокоила его. Он вспомнил слова о ледяной воде в письме своего отца – и горько подумал, что его выкинули в воду Тар-Кахола совершенно в согласии со старинным способом обучения плавать, который, несмотря на эффективность, иногда приводил к утоплению.

Пора было, действительно, искать работу, и Унимо решил отправиться в Ратушу: каждый день туда приходили люди, желающие найти место, и королевские слугители заявляли, что всем горожанам могут найти подходящее занятие.

употребляется «Мэй», означающее формальное подчинение между собеседниками, чаще всего применяется в армии, либо по своему мастерству или заслугам – в этом случае употребляется уважительное «Айл/Айли»). Иногда тар/тари употребляется вместо других обращений, чтобы подчеркнуть равенство подданных Королевства.

¹² «Айлори» (жен. «Айлири») – уважительное обращение к знатному человеку, которое составлено из уважительного «Айл» и титульного «лори», – так обращались к тем представителям знати, которые заслужили уважение чем-то ещё, помимо титула. Такое обращение без достаточных оснований может означать заискивание или насмешку, поэтому его следует применять осторожно.

Путь в главное здание городской Ратуши проходил мимо Стены Правды, и Унимо не смог удержаться, чтобы не подойти и не почитать новости.

Стена Правды представляла собой действительно стену из гладких ровных камней: говорили, что раньше это была стена дома, но постепенно дом разрушился, а одна стена почему-то осталась. Особенность её заключалась в том, что если на стене писали ложь, то написанное тут же исчезало, а если правду – то оставалось, чем бы ни были написаны те и другие слова. Никто не мог этого объяснить, но многие поколения горожан уже убедились в том, что это действительно так, и это принималась как факт. Как только открылась такая особенность стены, она стала каждый день покрываться надписями: некоторые из них сразу исчезали, а те, что оставались, исчезали только спустя пару дней под новыми надписями. Раз в три дигета со Стены смывали все надписи, но вскоре она снова покрывалась посланиями «столице и миру». Постепенно Стена превратилась в основной источник новостей и сплетен Тар-Кахола: её главное и уникальное отличие от всех остальных источников состояло, конечно, в том, что эти новости были правдой – по крайней мере в пределах Тар-Кахола и Центральной стороны точно. В какой-то момент горожане стали злоупотреблять Стеной Правды и засорять её малозначительными сообщениями, пытаясь вывести на чистую воду своих родственников и соседей, спровоцировать ссоры или отомстить кому-нибудь, поэтому был принят «Указ о Стене» (он же – «Указ о ста»), по которому на Стене можно было писать только то, что может быть интересно хотя бы ста горожанам, не связанным между собой родственными отношениями.

Впрочем, совсем искоренить злоупотребление Стеной с тех пор так и не удалось: подойдя ближе, Унимо смог узнать, что «Катерлен Мия – наглая врунья и предательница», «Соним Туар с площади Морской Стороны разбавляет вино водой», и даже что «судья Ловий Ли несправедлив». Но были на Стене и другие новости, читать которые было интересно: «В порт Мор-Кахола прибыл фрегат «Люксия», чтобы набрать команду для нового годового плавания без захода в какой-либо порт. Капитан ждёт желающих первые три дигета первого месяца весны»; «В Горной стороне уже расцвели серебристые тюльпаны – я сам их видел!»; «Королевская армия и количество птичников в городе увеличилось в полтора раза с прошлого года. Скоро, сдаётся мне, в Тар-Кахоле введут налог на дома».

Унимо увлечённо рассматривал надписи, а люди вокруг него подходили и, прочитав то, что им было интересно, шли дальше по своим делам: было время начала работы у писарей и служащих. Ум-Тенебри вспомнил, что и ему пора бы уже приняться за дело, и продолжил свой путь к Ратуше.

На площади Всех Дорог, на которой, напротив центрального городского Собора Защитника, стояло высокое здание Ратуши, украшенное позолоченными фигурками всевозможных птиц, которые только обитают в Королевстве (за это, а ещё за то, что вокруг ратуши всегда было шумно и многолюдно, тар-кахольцы называли площадь вокруг неё «птичий рынок»). Самые разные люди сновали вокруг: курьеры с бумажными пакетами, запечатанными толстыми сургучными печатями, королевские служащие, солдаты и офицеры городского гарнизона, всевозможные просители-горожане.

Унимо пристроился в одну из очередей для входа в ратушу и довольно быстро оказался внутри. Раньше он уже бывал в этом здании с отцом, но обычно кто-то из служащих тут же подходил и спрашивал, что им угодно, а затем провожал в нужном направлении. Теперь Унимо пришлось ловить и расспрашивать служителей самому. Только на третий раз ему повезло: девушка, бежавшая с большим пакетом, сказала, что ей тоже нужно в Зал Поиска Занятий, поэтому, если успеет, молодой посетитель может бежать за ней. Унимо не успел даже предложить ей понести пакет, как они взбежали на третий этаж и оказались в огромном Зале Поиска Занятий, вдоль стен которого сидели ищущие работу горожане. «Спасибо!» – сказал Унимо, но служительница не услышала его: она уже мчалась со своим пакетом куда-то дальше. Он вздохнул и пристроился в конец очереди, сразу после одноглазого бородатого матроса (о его

занятии – или, скорее, бывшем занятии – красноречиво свидетельствовали старая матросская куртка и до невозможности затёртая, потерявшая форму чёрная шляпа излюбленного только моряками фасона), который сердито и нетерпеливо постукивал по полу своей тёмной узловатой тростью. Унимо вспомнил объявление про набор на фрегат «Люксия» и подумал, что это могло бы быть интересным моряку, который в Тар-Кахоле вряд ли найдёт нормальную работу, но заговорить первым не решился.

Наблюдая, как люди вокруг вздыхают, нервничают и злятся, Унимо принялся размышлять о том, что очередь чем-то похожа на жизнь: сидишь, ждёшь чего-то, как тебе кажется, важного, пренебрегая тысячей прекрасных занятий, растрачивая минуты и часы, да и мысли твои уже далеко – там, на пороге заветной двери, а потом оказывается, что ждал ты только очередного «мест нет». Но – поздно. И вроде бы винить некого: ты ведь сам ждал, да и не просто так – а потому что вокруг люди, которые ждут того же, всё по правилам, всё справедливо. Хотя, конечно, ни одного шейлира в такой очереди не встретишь...

Наконец, после нескольких мучительно медленно тянувшихся часов ожидания, после матроса, который вышел, злобно помяная Окло-Ко¹³, стуча палкой и возвещая всем, что Тар-Кахол – это жалкий городишко, в котором даже нет моря, Унимо получил долгожданное право войти в маленькую комнату, отгороженную тёмно-зелёным бархатным занавесом, и сесть на стул перед служительницей Ратуши. Это была молодая женщина в служебном платье цветов королевского дома, которая даже не посмотрела на Унимо, когда он вошёл, и только привычно произнесла:

– Здравствуйте, тар. Родовое имя, собственное имя? – перо со свежими чернилами в её руке замерло, она приготовилась записывать новое личное дело.

– Ум-Тенебри, Унимо, – тут же отозвался посетитель.

– Ум-Тенебри... Ум-Тенебри, – служительница отложила перо, взяла с края стола какую-то довольно толстую книгу в серебристом переплёте и стала деловито её листать. Унимо заметил, что в книге было что-то вроде таблиц с именами.

– Ум-Тенебри... рождённый в браке сын шейлира Астиана Ум-Тенебри? – уточнила служительница.

Унимо кивнул, чувствуя, что наткнулся на какое-то невидимое препятствие.

– Сожалею, но в этом случае не могу вам ничем помочь, лори, – с вежливой улыбкой ответила женщина, и за непроницаемой внешней почтительностью Унимо ясно услышал насмешку.

– Доброго дня, лори, – ещё более вежливо сказала она, давая понять, что юный Ум-Тенебри уже может убираться по своим делам, когда заметила, что посетитель не двинулся с места,

– Но... но почему? Мне правда нужна работа... я... я хочу найти работу! – запротестовал Унимо совершенно неподобающим для шейлира возмущённым и отчаянным тоном.

Служительница сжала губы, чуть заметно нахмурилась и отчеканила:

– Согласно пункту третьему части второй раздела десятого Устава о Городской Ратуше, в Зале Поиска Занятий может получить помощь любой житель Тар-Кахола, за исключением членов семей шейлиров и иных жителей Королевства, обладающих имуществом, достаточным для поддержания ежедневного существования в течение предполагаемой средней продолжительности жизни.

Унимо не ожидал такого поворота дел. Он пытался придумать что-нибудь, но в голову не приходило ничего, что можно было бы противопоставить этим чудовищным формулам, которые так легко слетали с языка служительницы.

¹³ Окло-Ко – существо из преданий Горной и Лесной сторон Шестистороннего Королевства, злобная колдунья, которая может принимать любую форму и обладает способностью заморозить человека. Как правило, живёт в пещерах, колодцах и глухих лесах, а на лето перебирается в Ледяные горы, где, по легендам, хранит скульптуры из тех, кого удалось заморозить. Постепенно упоминание Окло-Ко стало главным (и почти единственным) ругательством Шестистороннего Королевства.

– Но я... но у меня нет имущества, так вышло, и мне, правда, работа необходима, – попробовал Унимо ещё раз перейти на человеческий язык. Но напрасно он пытался своими неловкими словами разбить глыбу Устава Городской Ратуши, что незримо нависала над ним.

– Во-первых, в процитированной статье речь идёт о титуле шейлира или об обладании имуществом, а не об обязательном одновременном обладании тем и другим, – со снисходительной улыбкой пустилась в объяснения женщина. – Кроме того, существует ещё пункт шестой части десятой десятого раздела Устава, согласно которому горожанин, из числа перечисленных в пункте третьем части второй раздела десятого Устава Городской Ратуши, лишившийся возможности пользоваться своим имуществом для повседневной жизни по причинам, не связанным с природными и человеческими непреодолимыми бедствиями, пожарами, болезнями и войнами, лишается права обращения в Зал Поиска Занятий и в том случае, если поиск работы является для него необходимым. Непреодолимое бедствие, в свою очередь, должно быть подтверждено письмом из Башни Записей. А у вас ведь такого письма нет?

– Это... это нарушение правил Равного Обращения и Свободы Выбора Путей подданных Шестистороннего Королевства! – Унимо наконец вспомнил свои немногочисленные уроки по основам устройства Королевства, которые ему давал Скрим (немногочисленные, так как Унимо старался избежать их любыми способами, поскольку ничего скучнее не мог себе представить, а ни Скрим, ни отец не были достаточно настойчивы, видимо, в глубине души признавая, что эти сведения вряд ли пригодятся Унимо, а отец всегда придерживался правила, по которому не стоит мучить ни одно живое существо без видимой для этого существа практической пользы).

– Вовсе нет, это всего лишь допустимое исключение, необходимое по сочетанию правил Распределяющей Справедливости и Разумной Соразмерности, – легко парировала служительница.

Унимо понял, что ничего здесь не добьётся, и поднялся, стараясь сохранить независимый и невозмутимый вид. «Как бы там ни было, такой скучной работы, как у вас, тари, я не пожелал бы, даже если бы умирал с голоду. Лучше уж помогать Тэлли печь пирожки», – подумал Унимо. Но вслух сказал, изобразив даже вежливую улыбку:

– Доброго дня, тари.

Выйдя на ступени здания, Унимо, как ни странно, почувствовал какую-то лёгкость. Возможно, он на самом деле и не хотел, чтобы из его затеи что-то получилось. Но теперь у него было прекрасное оправдание своей беспомощности – они сами отвергли его, не дали возможности устроиться даже каким-нибудь писарем. По крайней мере до тех пор, пока у него не закончатся серебряные кольца, это оправдание могло быть вполне хорошим, хотя вряд ли во всём мире кому-то вообще будет интересно слушать его оправдания. Тем не менее со ступенек ратуши Унимо спускался, чувствуя с досадой, что самостоятельная жизнь пока является для него непосильной ношей, с которой любая малейшая потеря равновесия может привести к краху – и нельзя рассчитывать на то, что рядом всегда будет кто-то вроде Тэлли, чтобы его поддержать.

Спускаясь по ступенькам вместе с этими тяжёлыми мыслями, Унимо заметил группу синтийцев – они легко узнавались по одинаковым чёрно-синим одеждам, которые носили все граждане Синтийской Республики, даже дети. Они выглядели измождёнными – как будто добивались до Шестистороннего Королевства пешком. Впрочем, возможно, так оно и было: в Синтийской Республике были очень строгие правила, поэтому те, кто, по разным причинам, не мог их соблюдать, вынуждены были искать себе убежище в других землях и часто в своих скитаниях приходили в Шестистороннее – хотя чаще они всё-таки оседали в Морской и Дальней сторонах, которые были ближе всего к стране синтийцев.

В Тар-Кахол мог приехать любой человек: городской гарнизон проверял только, чтобы у пришедшего не было оружия больше, чем необходимо для защиты одного человека. Но полу-

чить работу или вообще какую-то помощь в ратуше иноземцы могли только после того, как все желающие из числа горожан, а затем из числа прибывших из других сторон Королевства, смогут в этот день получить то, за чем пришли. Поэтому у ступеней ратуши часто допоздна толпились беглецы и путешественники издалека, ожидая своей очереди войти внутрь – хотя было бы куда проще раствориться в Тёмном городе, куда не сунется ни один служитель.

Рассматривая синтийцев, Унимо подумал, что это устроено довольно несправедливо, и собственные неудачи показались ему мелкими. «Если моё место писаря достанется кому-нибудь из них, это будет вполне справедливо», – подумал Унимо, шагая прочь от ратуши, и его настроение стремительно поднялось до утренней отметки.

Для успокоения совести Унимо зашёл в несколько ближайших к ратуше заведений, на окнах которых висели объявления о наборе писарей. Это были две библиотеки, дом переписчика рукописей, школа и архив Собора Защитника. Но ни в одном из этих мест Унимо не могли предложить работу – то ли из-за его юного возраста, то ли из-за странного вида, который выдавал в нём попавшего в переплёт наследника знатной семьи, – в любом случае в его услугах нигде не нуждались. Настроение Унимо опять упало, он даже почувствовал злость на отца и на весь род Ум-Тенебри, из-за которого он не только остался один на улице, но и вынужден был носить с собой знатное имя, которое теперь тянуло его вниз, как балласт. Можно было бы попробовать назваться другим именем, но, во-первых, даже лавочник при приёме работника потребовал бы привести кого-то из родственников, кто мог бы подтвердить родовое имя, или обратился бы к служителям Башни Записей с её архивом книг записей рождений горожан, а во-вторых, Унимо всё-таки не хотел так легко расставаться с тем единственным, что у него осталось от прежней жизни.

Впрочем, были ещё серебряные колечки – и он отнёс два из них к скупщику серебра, получив в обмен несколько серебряных монет и россыпь медных. День уже клонился к вечеру, и Унимо почувствовал, что проголодался и устал от этого бессмысленного обивания порогов. Он потратил половину медной монеты на бумажную кружку холодного молока и, пристроившись на скамейке под ближайшим деревом, достал пирожок, который дала ему с собой Тэлли. «Если подводить итоги дня, то сегодня меня прогнали из шести мест, включая ратушу», – мрачно подумал Унимо. Отец говорил ему, что каждый день вечером нужно подводить «итоги дня»: вспоминать, что было хорошего и что плохого (но о плохом думать меньше, как будто записывать в свой внутренний блокнот и тут же перелистывать страницу), чего тебе удалось достичь, к чему приложить усилия. «А вообще, это не обязательно – главное, засыпать в хорошем настроении», – легкомысленно добавлял старший Ум-Тенебри. Мысли об отце снова причиняли боль, в памяти всплывала табличка на доме для сирот, а детская горькая обида на то, что его просто бросили, как ненужную вещь, росла где-то внутри, как опухоль. Унимо знал, что нельзя позволять ненависти управлять своими мыслями и чувствами: её прикосновения были сначала неприятными и холодными, но она легко могла заставить человека поверить, что её желания – это его собственные желания, и поработить его. Так было написано в книгах отца, но и сам Унимо видел людей, с которыми это происходило, и не хотел бы стать одним из них.

Когда он уже собирался встать и отправиться в обратный путь, рядом возникла маленькая чёрная кошка с белым пятном. Она требовательно смотрела на человека снизу вверх, и понять её требование было совсем несложно. Унимо с готовностью поставил перед ней чашку с остатками молока, аккуратно оторвав край бумажной кружки, чтобы кошка могла спокойно лакать. Почесав занятую едой кошку за ухом, он отправился в сторону булочной, раздумывая, что бы купить в подарок Тэлли, пока у него ещё есть деньги.

На улицах Тар-Кахола в это время было довольнолюдно: поток возвращающихся с работы домой горожан только-только начинал редеть, а любители вечерних прогулок уже осторожно выходили на разведку. Унимо шёл, погружённый в свои мысли, но время от времени смотрел по сторонам, чтобы заметить какую-нибудь открытую допоздна лавку. Наконец он

обнаружил то, что искал: между двумя глухими стенами домов на улице Весенних Ветров был устроен импровизированный прилавок, на котором старик с длинной белой бородой, похожий на синтийца, разложил свои сомнительные сокровища. Унимо остановился рассмотреть огромные раковины с Морской стороны, бусы из ложных горных опалов, странного вида медальоны, погнутые серебряные ложки, стеклянные шарики в зелёной бутылке... наконец Унимо нашёл то, что нужно было. Он едва не засмеялся от радости, настолько удачной была его находка: он потянул за железную цепочку и вытащил из груды вещей одну единственную, которая была нужна – небольшие часы в простом железном футляре, на длинной цепочке. Крышка футляра была покрыта эмалью: на фоне тёмно-лилового неба – летящая ввысь птица, очень похожая на стрижа.

Не торгуясь, Унимо выложил за часы половину того, что выручил сегодня за серебряные кольца – старик сразу смекнул, что вещь серьёзно приглянулась молодому покупателю. Когда Ум-Тенебри, аккуратно сложив часы в карман, повернулся, чтобы идти дальше, он застыл от ужаса: прямо на него шёл тот страшный старик флейтист, который едва не сжёг их с Тэлли прошлой ночью. Несомненно, это был он. Унимо хорошо запомнил это лицо – но теперь движения старика не отличались той уверенностью, теперь он шёл, как и подобает слепому: не спеша, осторожно выставляя вперёд длинную деревянную палку и сильно сжимая под мышкой резной футляр от флейты, словно боясь выронить его при неловком движении и разбить.

Унимо затаил дыхание и вжался в стену, насколько это было возможно, хотя слепой флейтист прошёл довольно далеко от него. «Он меня не заметил», – подумал Ум-Тенебри, и тут события прошлой ночи пронеслись у него перед глазами с поразительной чёткостью. Он ведь до сих пор так и не знал, что произошло в ту ночь, и шансов узнать, учитывая решительное молчание Тэлли, оставалось не так много. Унимо послушал замирание сердца, решил и осторожно пошёл за флейтистом, прыгнув в ледяную воду за ключом от загадки, которая интересовала его теперь, пожалуй, больше всего на свете.

Следуя за флейтистом на значительном расстоянии (для чего приходилось идти очень медленно, как почтенному пожилому шейлиру на прогулке после обеда в своём поместье), Унимо прошёл несколько кварталов и вышел к площади Рыцарей Защитника. Раньше он не раз бывал на этой площади – не очень большой, с высоким фонтаном в центре и беспорядочно расставленными по мостовой каменными скамейками. Восемнадцать небольших торговых улиц брали своё начало на площади (или впадали в неё), что делало место удобным для тех, кому может потребоваться мгновенно скрыться и затеряться в этой многолюдной части города. Унимо увидел, что флейтист вышел на площадь и остановился, а затем как-то определил ближайшую пустую скамейку и сел, продолжая напряжённо сжимать свой футляр с флейтой. Ум-Тенебри осторожно вышел на площадь, на которой собралось уже немало людей: большинство скамеек были заняты, некоторые горожане устраивались прямо на камнях мостовой. Унимо не мог сказать, что это за люди: они были похожи на часть обычной вечерней публики Тар-Кахола, разве что уличных музыкантов и людей в дорожной одежде, – видимо, только прибывших в столицу, – здесь было немного больше. Унимо вышел на середину площади, стараясь всё время находиться за спиной флейтиста. Впрочем, тот сидел сгорбившись, опустив голову, казался маленьким и жалким, и если бы Унимо не шёл за ним с самой улицы Весенних Ветров, то не поверил бы, что это тот самый грозный злой волшебник, которого он видел у ночного костра.

Младший Ум-Тенебри выбрал себе место для наблюдения – так, что между ним и флейтистом вставал фонтан, шум которого превращал все звуки вечерней толпы в общий поток, из которого даже слепому трудно было бы выловить что-нибудь, принадлежащее отдельному человеку. Унимо уселся на мостовую, прислонившись к стене, и стал ждать. Он стал даже нетерпеливо поглядывать на часы, купленные для Тэлли, как вдруг понял, что ждёт того, что уже происходит – и улыбнулся своей невнимательности. Он ждал, как они с родителями в Королевском театре ожидали выступления: вот сейчас откроется занавес и актёры, одетые в

красивые костюмы, начнут представление. Но тут всё было по-другому: представление началось, как только все забывали о нём. Уличные музыканты, в том числе флейтист, готовились к выступлению, а рассказчики историй и поэты уже собирали вокруг себя неровные круги слушателей. Унимо пересел поближе к одному из таких кругов и прислушался. Казалось, это просто встреча друзей, которые обсуждают последние новости и поэзию, но несколько человек Унимо узнал – прежде всего, известную уличную поэтессу Кору Лапис. Она была знаменита даже среди знати, многие её ценили и зазывали на королевские поэтические вечера и состязания, но она всегда отказывалась со словами: «У меня для выступлений – целый город, сами приходите послушать, если хотите».

Её тёмные короткие волосы были небрежно прикрыты капюшоном синего дорожного плаща, а внимательные глаза цвета ивовой коры горели, как будто отражая какое-то только ей видимое пламя. И круг, в который попал Унимо, несомненно, образовался на её орбите. Но пока сидящие только непринуждённо переговаривались друг с другом, а Кора сидела молча.

– А вы слышали новую песенку, которую тар-кахольские мальчишки сочинили про нашего Сэйлори?¹⁴ Вот ведь наглёцы, никакого уважения к королевской особе! – с притворным возмущением спросил всех красивый, изящно одетый молодой человек с серебряными колокольчиками в длинных светлых волосах, которые на удивление не делали его смешным, а, напротив, своим мелодичным звоном как будто дерзко насмехались над теми, у кого таких колокольчиков не было.

– Давай уж, Сорел, не томи, знаем мы твоих «тар-кахольских мальчишек», – усмехнулся сидящий рядом с ним мужчина в пыльном дорожном плаще.

– Да я сам только вчера услышал, – продолжал свой маленький спектакль юноша с колокольчиками. – Вот если мне Квирил подыграет, я, может, вам и спою эту песенку, только шшшш, – тут он приложил палец к губам и оглянулся, так что если и был кто-то, кто ещё не обратил на него внимания, то теперь все взгляды были обращены на него, – люди короля повсюду, так что будьте осторожны.

Квирил – огромный скрипач с густой чёрной бородой – важно кивнул и устроился поудобнее, настраивая свою скрипку, которая в его огромных руках казалось совсем маленькой. Когда Сорел запел, его голос звучал насмешливо и серьёзно одновременно, колокольчики позвякивали в такт, а Квирил подпевал некоторые слова своим густым басом, что всё вместе придавало простой песенке театральный объём и наполненность.

*– Какому королю,
какому королю,
какому королю
придётся по нраву -
быть только первым
быть только первым,
быть только первым,
первым среди равных.*

*Рано или поздно,
рано или поздно,
рано или поздно -
увы и ах, -
всё кончится новым,*

¹⁴ «Сэйлори» (жен. «Сэйлири») – уважительное упоминание королевской особы в третьем лице (аналогичное «Его Величество»).

*всё кончится новым,
кончится новым
Указом о снах¹⁵.*

Когда Сорел закончил песню, все вокруг засмеялись и заплодировали, а певец скромно раскланивался, уверяя, что тар-кахольские мальчишки сочинили ещё и непристойный вариант, но его он представлять ни за что не будет, даже не просите, нет-нет-нет, разве что потом, в более подходящей обстановке...

Унимо было интересно наблюдать за происходящим, которое напоминало Королевский театр по существу гораздо больше, чем внешне. Он не очень любил разные представления, разве что музыкантов и рассказчиков, которые умеют рассказывать длинные волшебные и грустные истории, но небрежная и слегка пьянящая атмосфера на этой площади постепенно затягивала всех, и этого нельзя было не почувствовать.

– Что же ты не расскажешь, Сорел, как тебя завербовали в королевские офицеры? Как же твоя поэтическая душа приурочится к ежедневной муштре? – насмешливо спросил мужчина в дорожном плаще, когда овации и оживление, вызванные песенкой, немного стихли.

– Да что рассказывать, – досадливо махнул рукой Сорел, и колокольчики коротко и сердито звякнули, – стихами мне не разрешают расплачиваться за комнату... а судья, только послушайте, взглянув на мои долговые расписки, написанные аккуратной катрэнской строкой, сказал, что, если я не найду себе занятие для оплаты долга, он будет вынужден обвинить меня в намеренном уклонении, и пригрозил темницей. И Окло-Ко бы с ним, конечно, но он обещал, что лично позаботится о том, чтобы мне в камеру не разрешили брать с собой перо и бумагу! Вы можете себе это представить, каков? Так что придётся выкручиваться. Я ведь по молодости закончил гарнизонную школу, имея некоторые... романтические представления о военном деле.

– «По молодости», – фыркнул первый собеседник.

– Ничего, не унывай, Сорел! – послышалось со всех сторон.

Но видно было, что Сорелу не очень нравилась перспектива вступить в строй доблестной Королевской армии – слишком уж старательно он храбрился.

– Да и правда, чем не работа? – вступил в разговор Квирил, видимо, желая поддержать своего напарника по весёлому дуэту. – Войны никакой не предвидится, а платят королевским офицерам исправно. Будешь вот обучать отряды юных тар-кахольцев песенкам про короля, флиртовать с девушками, а на гарнизонных дежурствах – знай себе стихи сочиняй и рассказывай с крепостной стены ласточкам.

Сорел криво улыбнулся такой сказочной перспективе.

– А ты что думаешь, Кора? Удастся нашему Сорелу остаться поэтом под офицерским мундиром? – спросил тот, кто затеял этот разговор. Видно было, что спросил он её неспроста – может, и сам разговор завёл, только чтобы вроде как невзначай ввести Кору в беседу. К тому же все знали, что поэтесса ненавидит военных и Королевскую армию.

Кора то ли пожала плечами, то ли поёжилась от холода, помолчала немного, улыбнулась и заговорила, тихо и медленно:

*– Сочинять стихи не сложнее,
чем, к примеру,
командовать армией.*

¹⁵ Печально известный «Указ о снах», запрещающий подданным Шестистороннего Королевства рассказывать кому-либо свои сны, был принят королём Шестистороннего Королевства Первером Завоевателем после того, как один из горожан Тар-Кахола написал на Стене Правды о том, что ему приснилось, как армия короля потерпела поражение – и вскоре так и произошло. Отменён спустя двадцать лет королём Эдуктием.

*Для слов настоящий поэт -
больше, чем для солдат генерал.*

*Отправляешь разведку вперед -
и не ждёшь, что она вернётся,
бросаешь отважных бойцов
с ружьями против солнца,
подбираешь размеры штыков
и убойную силу рифм,
а потом –
в могиле окопа
всегда
остаёшься один.*

*Помни, Мэй-генерал:
когда исчезают враги –
ты проиграл.*

Кору Лапис слушали, затаив дыхание. Унимо даже показалось, что вся площадь замерла, ловя каждое её слово, хотя в другой части в это время играли музыканты. Но по крайней мере сам Унимо точно смотрел на Кору во все глаза, не замечая ничего вокруг. Он впервые слышал, как она читала свои стихи (раньше он читал их на бумаге; кто-то – говорят, что это точно не была сама Кора, – часто писал их на Стене Правды, а затем горожане их переписывали и передавали друг другу – так они быстро расходились по Тар-Кахолу), впервые слышал её голос, такой взволнованный и спокойный одновременно, такой бархатный и острый...

– Она потрясающая, правда? Сколько бы ни говорили королевские поэты, что это не стихи, – Унимо вздрогнул, услышав за плечом смутно знакомый, полный ощущения скрытой опасности голос. Голос продолжал насмешливо: – Но я бы не советовал вам так на неё смотреть. Вы ведь читали её стихи? Она – настоящий камень, не женщина. Разобьёт сердце любому.

Унимо повернул голову, и его опасения подтвердились: рядом с ним сидел не кто иной, как Таэлир – единственный сын короля Оланзо, наследный принц Шестистороннего Королевства. Унимо без труда узнал его: как шейлир, он с детства должен был посещать некоторые придворные мероприятия, на которых всё внимание, конечно, было приковано к королевской семье. Принц Таэлир был старше Унимо года на два и выше на голову. Его внешность была узнаваемой: лицо с резкими скулами, острым подбородком, большим носом и такими тёмными глазами, что они казались чёрными, – что не давало Таэлиру ни малейшего шанса остаться неузнанным тем, кто хоть раз его видел. На придворных приёмах принц всегда держался в стороне, был неприветливым, а если его вынуждали говорить – язвительным, что не способствовало его популярности среди шейлиров: о принце говорили как о заносчивом и избалованном ребёнке – хотя, конечно, только между собой, соблюдая внешнюю почтительность. Общение Унимо с принцем всегда ограничивалось поклоном и обменом взглядами: ни младший Ум-Тенебри, ни его отец никогда не стремились приблизиться к королевской семье и на королевских приёмах держались нелюдимо, сообщая друг другу заговорщицким шёпотом, сколько времени осталось до того момента, когда прилично будет откланяться.

Унимо успел сообразить, кто сидел рядом с ним на площади Рыцарей Защитника, но ещё не успел придумать, зачем принц заговорил с ним и что можно ответить, когда Таэлир продолжил, немного насмешливо, и стало ясно, что он тоже узнал Унимо:

– И что же шейлир рода Ум-Тенебри делает в таком... хм... неподходящем месте?

Уже пришедший в себя Унимо подумал, что он мог бы спросить принца о том же самом, но шейлирское воспитание не позволило ему ответить вопросом на вопрос.

– Слушаю стихи, Мэйлорис¹⁶, – произнёс Унимо с вежливой улыбкой.

Принц огляделся по сторонам, а потом кивнул. Некоторое время они сидели молча, слушая какого-то молодого поэта, который читал свои красивые и гладкие, но без того внутреннего огня, как у Кору, стихи.

– Слышал, что отец лишил вас наследства, – снова заговорил Таэлир.

Унимо поморщился: «Неужели все уже знают? Хотя да, кому, как не королевской семье, знать о том, что происходит в семействах их столичных шейлиров. К тому же и городской приют в фамильном доме Ум-Тенебри – красноречивее всяких слухов».

– Это правда, Мэйлорис, – ответил Унимо, не глядя на собеседника. Он решил, что в таких экзотических условиях некоторыми правилами этикета можно поступиться.

Тем более что и сам наследный принц вёл себя не по Придворному уставу.

– Ка же вам повезло! – воскликнул принц, и Унимо удивлённо повернулся к нему.

Лицо и тон Таэлира не выражали ни капли насмешки – разве что немного горечи. Нет – очень, очень много горечи.

Принц снова осмотрелся и, заметив что-то в толпе справа, доверительно сообщил Унимо:

– Королевские ищейки. Очень несообразительны, но упорства им не занимать. Так что мне пора, – вздохнул принц. И добавил, вспомнив, наконец, об этикете: – Приятно было с вами встретиться, лори, в такой... необычной обстановке.

– Взаимно. И... удачи вам, Мэйлорис, – с совершенно не придворной искренностью сказал Унимо.

Перед тем как окончательно раствориться в толпе, принц добавил с неожиданно серьёзным видом:

– Если понадобится помощь, Унимо Ум-Тенебри, я к вашим услугам. То есть, если это ещё будет в моих силах, конечно. Прощайте.

Унимо сидел, не слыша ни слова из того, что вдохновенно произносил очередной поэт, и думал о том, что стоило ему оказаться на улице, как он постоянно узнаёт какие-то удивительные и невероятные вещи. Неужели всё это время, все почти пятнадцать лет, он просто не замечал их, запертый в темнице своего благополучия?

Когда Унимо снова стал различать, о чём говорили вокруг, какое-то слово прокатилось по кругу и вернулось к Коре – кажется, кто-то спросил её, что такое – быть поэтом.

*– Если у меня
получится рассказать слепому,
какое оно – небо,
только тогда я
признаю себя поэтом,
а до этого -
просто пастух я
в чудесной долине, где эхо
подбирает мне рифмы,
а ветер
шепчет на ухо
самые красивые
слова этого*

¹⁶ «Мэйлорис» (женский род – «Мэйлирис») – в Шестистороннем Королевстве обращение к наследнику (наследнице) престола (аналогичное «Ваше Высочество»).

света.

Когда Кора замолчала, в разлитой в ночном воздухе тишине, состоящей из журчания фонтана и внимания всех, кто был на площади, вдруг зазвучал на удивление звонкий и твёрдый голос слепого сгорбленного флейтиста, который встал со своей скамейки и сказал, осторожно, как грудного ребёнка, протягивая футляр с флейтой вперёд:

– Неплохо, совсем неплохо, девочка. Но в одном ты ошибаешься, – ухмыльнулся он, – показать, какое бывает небо, под силу только музыке.

Унимо не стал дожидаться, пока слепой начнёт играть – он быстро, но осторожно, стараясь не привлекать внимания, выбрался с площади и помчался по ночному Тар-Кахолу, не останавливаясь до самых дверей булочной. Радость и благодарность переполняли его, когда Тэлли, немного сердитая, открыла дверь и, увидев его на пороге, ни слова не говоря отправилась заваривать чай.

1.2.2 *Primus inter pares*¹⁷

Король Шестистороннего Королевства Оланзо Озо ожидал ежедневного доклада своего Первого советника. Он сидел, удобно устроившись в кресле приёмного зала королевского дворца и наблюдая, как солнечная полоса из узкого и длинного, словно бойница, окна медленно подбирается к нему: сначала по паркету из тёмного дерева, затем по ковру цветов королевского дома – пурпурно-красного и травяного. Оланзо раздражённо поджал ноги, когда солнечная полоска почти коснулась его туфель, и посмотрел на часы. Конечно, такого не могло быть, чтобы Голари опоздал к докладу, но в последнее время Сэйлори всё чаще становился нетерпеливым. Да ещё и этот мальчишка... король тяжело вздохнул. «Правитель должен быть подобен чёрной глади воды, в которой каждый не мог бы разглядеть ничего, кроме собственного отражения – до тех пор, пока вода, по своему разумению, не поднимет волны свои и не обрушит их на голову того, кто всматривается слишком долго», – вспомнил Оланзо «Книгу правителя стороны Штормов», которую они с братьями часто читали в детстве, чтобы от души посмеяться.

Слуга доложил о том, что лори Первый советник Голари Претос прибыл для доклада, и король надел свою обычную маску делового равнодушия.

– Мэйлори¹⁸, моё почтение, – Голари вошёл и застыл в церемонном поклоне.

Он был совсем не стар и даже по-своему хорош собой, но всегда выглядел очень уставшим и напряжённым, как будто его терзала болезнь, которую он изо всех сил пытался скрыть. Это было слишком даже для профессора логики и древних языков и главного консультанта самого скучного отдела Королевской ратуши – Зала Правил и Следствий. Говорят, никто ни разу не видел улыбки на его вытянутом лице. Оланзо до сих пор не мог понять, доверяет ли он этому человеку: он назначил его Первым советником только за неимением других кандидатур, и, что самое скверное, Голари это прекрасно понимал. Была ещё Регана Фэтч – строгая и властная вдова генерала Фэтча, которая отлично справилась бы с обязанностями Первого советника короля, но Оланзо не стал назначать её по личным причинам: в глубине души он был уверен, что женщина не может быть настолько же хороша в государственных делах, как мужчина (если только эти дела не касаются придворных интриг, разумеется). Смотря на свою жену, королеву Эйрил, он видел только бесконечные мечты о путешествиях «всей семьёй» (как будто Сэйлири не знает, что король не может просто так отправиться в путешествие), балах, платьях, украше-

¹⁷ «Первый среди равных» (лат.).

¹⁸ «Мэйлори» (женский род – «Мэйлири») – в Шестистороннем Королевстве обращение к королю (королеве) (аналогичное «Ваше Величество»).

ниях, перемежающиеся порывами облагодетельствовать каких-нибудь несчастных (впрочем, не очень продолжительными) и уверениями в вечной любви и верности, от которых Оланзо начинало порядком подташнивать.

Осторожно взглянув на короля, Голари заметил, что Сэйлори страшно не в духе, и замер у входа в почтительной нерешительности. Он знал, что сын Оланзо – принц Таэлир – исчез из дворца два дня назад и до сих пор о нём не было никаких известий, хотя столичное Общество Королевских Птицеловов¹⁹ почти в полном составе отправилось на его поиски. Оланзо раздражённо махнул в сторону кресла напротив своего и отвернулся к окну, приготовившись слушать очередное произведение аналитической мысли Зала Всеобщих Донесений.

Советник сел в предложенное ему кресло прямо, как школьник, и открыл папку, которую держал в руках.

– Мэйлори, я, как обычно, начну с межгосударственных дел, – утвердительно-вопросительно сказал Голари и, дождавшись короткого кивка, продолжал:

– В Синтийской Республике, в связи с остановкой добычи горной руды из-за угрозы обвалов, ухудшилось положение с рабочими местами. И хотя всё ещё не так плохо, как было десять лет назад, во время Железной забастовки, существенно увеличилось число синтийцев, пересекающих границы Шестистороннего Королевства в поисках работы...

Оланзо поморщился и зло пробормотал:

– Что же они едут сюда, если у них там самое справедливое государство...

– У нас тоже справедливое, – после молчания нерешительно отозвался Голари, не зная, можно ли ему продолжать.

Король раздражённо взглянул на советника, и тот поспешно заговорил:

– Многие синтийцы из Морской и Дальней сторон направились прямо в Тар-Кахол – мы предполагаем, что кто-то распространил слух, что здесь легко получить работу. Теперь они осаждают ратушу, устраиваясь на ночлег на её ступенях, чтобы попасть в Зал Поиска Занятий и получить хоть какую-то работу, поскольку горожане неохотно берут синтийцев, не имея возможности проверить, кому из них можно доверять.

– И что вы думаете предпринять? – резко спросил Оланзо, заставив Голари вздрогнуть.

– Мы... мы увеличили часы работы Зала Поиска Занятий, а также отправили резерв служащих Ратуши на поиск пригодной работы и ведения бесед с синтийцами о преимуществах жизни в сторонах по сравнению со столицей.

Король нахмурился: это было явно не то, что он хотел услышать.

– А нельзя ли каким-то образом... сделать так, чтобы они не появлялись в столице? – спросил Сэйлори, заставив советника запаниковать.

Голари поёрзал в кресле, вцепился в листки доклада, как утопающий в воду, и заговорил, попытавшись совладать с дрожью в голосе:

– Но, Мэйлори, мы не можем... у нас нет... нет законных оснований для этого... соглашение с синтийцами всё ещё в силе, и оно распространяется на всю территорию без каких-либо изъятий и оговорок, так что если мы попытаемся сделать... ммм... исключение для Тар-Кахола, то это, несомненно, вызовет протест со стороны синтийцев и мы... боюсь, не сможем противопоставить им должных аргументов.

В Голари боролись уверенность в невозможности отступления от установленных правил и необходимость выполнять любые распоряжения короля. Он чувствовал, что Сэйлори

¹⁹ «Общество Королевских Птицеловов», или просто «Птицеловы», или чаще презрительно «Птичники» – служба безопасности при королевском доме Шестистороннего Королевства. Официально не считалась частью государственной системы, финансировалась из личной казны королевской семьи, но фактически обладала огромными полномочиями. Название связано с происхождением: изначально это была служба по поимке певчих птиц для королевского дворца, но затем, когда в Шестистороннем Королевстве запретили ловлю зверей и птиц в окрестностях городов, это Общество стало «маской» для тайных служителей королевской безопасности, а затем приобрело более официальный статус, оставив прежнее название.

им недоволен, но не мог придумать ни одного способа удалить синтийцев из Тар-Кахола, не нарушающего десятки правил и соглашений. Он мог воспроизвести текст последнего соглашения с Синтийской Республикой, мог привести несколько вариантов толкования и как минимум десять причин невозможности изменения условия о взаимных поездках, но он не знал, не мог сообразить, что следует отвечать королю. Голари подумал, что король презирает его как человека штатского: он никогда не служил не только в Королевской армии, но и на близких к военным службах, вроде «птичников» или разведки, начальником которой он теперь стал по своей должности.

Оланзо пожалел уже о том, что своим вопросом ввёл несчастного советника в состояние, близкое к потере сознания. С трудом подавив раздражение, он сказал довольно мягко:

– Я всё понимаю, профессор, просто спросил. А кстати, кто там сейчас правит, в Синтийской Республике?

– Вы имеете в виду, кто носит маску Непременного Консула, Мэйлори? – спросил Голари немного спокойнее, входя в привычные для него воды. – Вычислить его довольно сложно: как известно, правители под этой маской часто меняются. Они утверждают, что у них нет постоянного правителя, более того – что нет правителя вообще. Но, по последним сведениям нашей разведки, недавно, – видимо, в связи с кризисом – Непременным Консулом стал некий военный, в должности что-то вроде нашего полковника. Но имени его мы не знаем.

– Прекрасная работа Королевской разведки, – усмехнулся король, и непонятно было, действительно он так считает или это скрытое неодобрение.

На всякий случай Голари посчитал необходимым вступить за своих подчинённых:

– Мэйлори, в Синтийской Республике принят довольно жёсткий стиль... хм... частного хранения информации. Так что беседы с местным населением не всегда приносят желаемый результат. Малейшая настойчивость может привести к серьёзным подозрениям.

– Да, не то что у нас: каждый лавочник расскажет любому посетителю парочку весёлых историй про своего короля, – с горькой усмешкой прокомментировал Оланзо.

«Не существует правителя, которому подданные оказывали бы должное почтение, не имея страха в своём сердце. Любовь подданных ненадёжна и переменчива, подобно весеннему ветру, тогда как страх подобен кораблю, управляемому надёжным кормчим. И горе тому правителю, который не может вызывать страх, когда это необходимо», – снова вспомнил Оланзо слова из «Книги правителя стороны Штормов».

Голари побледнел, как будто он сам был этим лавочником, и поспешил продолжить доклад:

– Если позволите, Мэйлори... в Илайском Королевстве, куда вы в первом дигете третьего месяца зимы распорядились направить золото для поддержания пострадавших от урагана, обнаружилась растрата золота королём на личные нужды. Оставшиеся без домов крестьяне ворвались в королевский дворец и убили короля, всю его семью и свиту...

– Правильно сделали, – заметил Оланзо. И пояснил, заметив удивлённый взгляд советника:

– Король, воруящий деньги у своих подданных, хуже разбойника на дороге. А разбойника в Илайском Королевстве каждый, кто поймает, может повесить без суда на первом попавшемся дереве, вместе с его шайкой.

Голари ещё более удивлённо поднял брови. Он не знал, что его король может, не моргнув, произносить такие сомнительные сентенции в духе народного права. Или он проверяет Голари? Или смеётся над ним? Советник почувствовал, что голова у него идёт кругом, и тоскливо подумал о том, что нужно срочно найти подходящий предлог для отставки – во всём этом ему явно не разобраться.

– Мэйлори, из Илайского Королевства поступила просьба о новой... ммм... денежной поддержке. Они утверждают, что всё золото бесследно исчезло, что, обыскав весь дворец, они

не нашли и следа тех денег, – сказал Голари, попытавшись на этот раз угадать, что может приказать Сэйлори. – Направить им новую партию?

Оланзо улыбнулся, и за этой улыбкой Голари почудился оскал хищника, увидавшего свою добычу в безвыходном положении.

– О, нет, ни в коем случае, советник. Если они согласны были так долго терпеть вора – короля, значит, их положение было не таким уж плохим. Пусть разбираются сами, – махнул рукой король, – к тому же было бы неприлично поддерживать убийц.

Доклад советника уже начинал утомлять его. Оланзо не хватало присутствия Малума – единственного человека, которому он доверял в своём новом окружении. Тара Малума он знал ещё с тех пор, когда тот был начальником отдела контроля Стены Правды в Обществе Королевских Птицеловов, куда Оланзо, семнадцатилетнего третьего сына шейлира Такена Озо, отправили на службу. Этот факт, конечно, не способствовал особой популярности Оланзо среди жителей Шестистороннего, но в то время о его популярности никто не заботился, поскольку не предполагалось, что третий сын одной из шейлирских семей когда-нибудь станет королём. Но внезапная и трагическая смерть короля Такена и двух его старших сыновей спустя несколько лет после выбора Озо Королевским домом, внесла свои изменения. С тех пор Оланзо стал нежеланным королём своих подданных, как раньше он был неприметным младшим сыном, которого надо было куда-то пристроить, чтобы он не путался под ногами у старших братьев. «Несчастливая судьба подобна бурной реке, которую возможно переплыть, если ты умеешь плавать так же хорошо, как выдра, или обойти, если ты обладаешь таким же терпением, как затаившаяся в засаде рысь. Если ты не можешь ни того, ни другого, тебе остаётся только научиться любоваться её разрушающей силой...»

Голари понял, что король не слушает, но всё равно продолжал доклад. Он перешёл ко внутренним делам, начиная с обстановки в Тар-Кахале: представил короткий отчёт от Общества Королевских Птицеловов о новых надписях на Стене Правды, упомянул подтверждённые слухи о том, что глава дома Ум-Тенебри Астиан Ум-Тенебри исчез, оставив своё имущество городскому приюту. Его единственный сын также исчез – и, если король прикажет, можно попытаться его найти, но начальник Королевских Птицеловов Малум в своём сообщении отмечает, что вмешательство в это семейное дело в настоящее время находится за пределами королевской необходимости.

Тут Оланзо кивнул, соглашаясь со своим наставником.

Ободрённый вниманием короля, Голари продолжил доклад о положении в сторонах: Центральной, Морской, Островной, Лесной, Горной и Дальней. Когда советник докладывал о происшествиях в Горной стороне, Оланзо прервал его:

– А есть ли какие-то новости о Ледяных горах? Точнее, о Школе просветителей, конечно.

Советник нервно пролистал доклад в части сообщений о Горной стороне, а также на всякий случай о просветителях, но не нашёл ничего подходящего.

– Мэйлори... информация из Школы просветителей приходит крайне редко, в основном в официальных письмах Айл-просветителя Люмара и уведомлениях о назначениях в городские соборы молодых просветителей.

– Я знаю это! – не выдержав, раздражённо перебил король. – И прошу вас подготовить для меня доклад о состоянии дел в Школе просветителей, из тех данных, которые есть в распоряжении Зала Всеобщих Донесений. Всё-таки Ледяные горы – часть Шестистороннего, и я смею надеяться, что смогу получить хоть какую-нибудь информацию, советник?

К счастью для Голари, в дверь нерешительно постучали, и вошедший после разрешения слуга доложил о том, что прибыл посланник из Общества Королевских Птицеловов со срочным известием. «Пусть войдёт», – сказал Оланзо, и на пороге появился один из людей Малума – король видел его пару раз, но не запомнил имени. Впрочем, одежда и вид прибывшего выдавали желание быть как можно более неприметным – профессиональное качество Птицеловов,

которое нередко имело прямо противоположные результаты: желание оставаться незаметным в Тар-Кахоле было таким же вызовом, как в Синтийской Республике одежда любых других цветов, кроме синего и чёрного, поэтому для успешной маскировки требовалось виртуозное владение этим приёмом и знание пристрастий и настроений горожан.

– Мэйлори, – поклонился посланник, – Мэй-Малум просил передать вам своё искреннее почтение и сообщить, что нам удалось найти принца и... сопроводить во дворец. Сэйлорис²⁰ ожидает вас в приёмной.

– Очень хорошо, передайте тару Малуму моё искреннее восхищение и благодарность за прекрасную работу, – ответил Оланзо. Он хорошо знал, каким неприятным заданием было для главы Птицеловов всё, что связано с принцем-наследником: высокая важность и срочность и одновременно ограниченность в выборе средств. – Можете идти. И будьте любезны передать Сэйлорису, что я хочу встретиться с ним, как только закончу дела, – пусть ожидает в приёмной.

Пришедший откланялся, и Голари выжидательно посмотрел на короля: неужели ради ежедневного доклада тот заставит своего сына дожидаться в приёмной?

– Продолжайте доклад, советник! – в гневе почти крикнул Оланзо и откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза.

«Всё. Это конец», – подумал Голари о своей службе Первым советником. Напрасно в Зале Правил и Следствий надеялись, что его назначение поможет привести политику Шести-стороннего Королевства к более закономерному и безопасному течению. Он не годился для этой роли: он мог проанализировать и систематизировать практически что угодно, но он не знал, что нужно говорить королю – а значит, и всё остальное не имело смысла. Он только ещё больше убедит короля в непригодности мастеров Правил и Следствий для каких-либо дел, кроме систематизации архивов. Тем не менее Голари мужественно продолжил доклад и остановился, только когда дошёл до перечня свадеб, рождений и смертей в Тар-Кахоле за день.

Король слушал, не перебивая. Затем молчал какое-то время, наблюдая, как вечернее небо в прямоугольнике окна ненадолго становится цвета чистой голубоватой воды, в которую упало несколько капель крови.

– Очень хороший отчёт, советник Претос. Благодарю вас, – сказал Оланзо.

Голари удивлённо вскинул голову и не по уставу взглянул прямо в лицо короля, желая поймать насмешку или скрытое осуждение – но не увидел ни того, ни другого.

«Любое благодеяние от того, от кого не ожидаешь, кажется благодеянием вдвойне, нежели благодеяние человека добросердечного. Мудрый правитель должен использовать это, чтобы управлять приближёнными».

– К вашим услугам, Мэйлори, – спохватился советник.

– Можете идти. Доброго вечера, советник Голари. И не забудьте про доклад о Школе просветителей, – напомнил Оланзо.

Голари кивнул и поспешил откланяться. Он был счастлив покинуть королевские покои. Уже в дверях его поймал голос правителя:

– И будьте так добры, если вас не затруднит, пригласите ко мне принца.

Голари нашёл принца сидящим на низкой обитой зелёным бархатом скамейке в узком и длинном зале для ожидающих приёма у короля. Сэйлорис Таэлир был страшно бледен, его одежда была испачкана и разорвана во многих местах. Рядом с ним не было никого, но, выходя затем из зала ожидания, Голари увидел на входе нескольких хмурых охранников, которых не было, когда он приходил.

– Мэйлорис Таэлир... Сэйлори передаёт вам просьбу зайти к нему, – с поклоном неловко пробормотал Голари, пряча глаза от внимательного и неприятного взгляда.

²⁰ «Сэйлорис» (жен. «Сэйлирис») – уважительное упоминание в третьем лице наследника престола (аналогично «Его Высочество»).

– Благодарю вас, советник, что передали *просьбу* отца, – любезно, но чуть насмешливо отозвался принц и направился на аудиенцию к королю.

По всей вероятности, юный наследник престола играл в прятки с людьми Малума по-настоящему: выглядел он в точности как преступник, пойманный после побега из тюрьмы. Не хватало только нескольких живописных синяков и ссадин на лице, но даже у беглых принцев оставались свои привилегии.

Оланзо медленно оглядел вошедшего и отвесившего церемонный поклон принца, но зная, что его суровый королевский взгляд на сына не действует, сразу нарушил молчание, не предлагая, впрочем, принцу сесть:

– Дорогой сын мой, не соизволишь ли ты объяснить, где пропал всё это время?

– Я гулял по городу, Мэйлори. Всего лишь, – опустив глаза в пол, ответил Таэлир. Его голос был чуть хриплым: вероятно, он простыл, проведя ночь в каком-нибудь сыром подвале.

– А ты не мог предупредить меня? – с трудом сдерживая гнев, спросил Оланзо. – Или ты считаешь, что Птицеловам больше нечем заняться, кроме как разыскивать тебя, опасаясь покушения на наследника престола, пока ты изволишь прогуливаться?

Голос отца на поверхности отражал раздражение и злость, но за верхним слоем Таэлир уже научился узнавать спокойные волны бесконечной усталости и апатии, поэтому не мог воспринимать этот гнев всерьёз, а, напротив, мечтал хоть раз вывести отца из себя по-настоящему.

Оланзо снова с неудовольствием вспомнил о королеве Эйрил, поскольку он не мог даже сказать своему сыну что-то вроде: «Твоя мать чуть с ума не сошла от беспокойства, пока тебя не было», потому что это было очевидной неправдой; Эйрил только сказала, что Оланзо должен как можно скорее найти их сына. «У тебя ведь есть всё для этого, ты же король», – добавила она.

– Значит, больше нечем, – Таэлир поднял голову и посмотрел на Оланзо. Встретившись с суровым взглядом, который приводил в трепет советников, но принца совершенно не пугал, добавил, чуть улыбнувшись: – Хотя скоро у них должно прибавиться дел, судя по тем песенкам, которые твои подданные распевает про своего короля.

Разглядев нехитрую тактику принца, Оланзо улыбнулся в ответ:

– Надеюсь, что эти песенки остроумные. Тогда я только рад за своих подданных. И, кстати, если ты вдруг забыл – это и твои подданные тоже.

Таэлир усмехнулся, но промолчал, ожидая, когда отец выговорится и отпустит его. Хотя он и храбрился изо всех сил, но две ночи практически без сна и беспощадная погоня по узким торговым улочкам Тар-Кахола давали о себе знать железной, сбивающей с ног усталостью.

Оланзо тяжело вздохнул.

– Знаешь, после каждой твоей выходки я всерьёз жалею о том, что Эдуктий Первый под-писал Указ о повсеместном запрете телесных наказаний и ограничении родительской власти, – признался он.

– Ну, Эдуктий Первый был великим и мудрым правителем, Мэйлори, – отозвался принц. И, хитро прищурившись, добавил: – К тому же, насколько я знаю, в отношении членов королевских семей этот запрет действует уже более четырёх сотен лет.

– Верно, – кивнул король, – но я-то думал, что ты предпочитаешь не пользоваться привилегиями, предоставленными принцу. Во всяком случае, свои обязанности принца и сына ты игнорируешь вполне успешно.

Принц скривился и промолчал, что на языке Таэлира означало если не извинение, то признание причинённых им неудобств. И отец перешёл в наступление:

– Когда тебе исполнится девятнадцать, а у меня закончится терпение, смотри, женю тебя на какой-нибудь знатной зануде, чтобы она присматривала за тобой.

– Это будет неразумно, Мэйлори. Я вам не раз уже говорил, что меня не привлекают девушки и, тем более, семейная жизнь.

Король махнул рукой: продолжать взаимные попытки уязвить друг друга не имело смысла.

– Когда у меня закончится терпение, твои предпочтения не будут иметь никакого значения, – устало пригрозил Оланзо. – Ладно, Таэлир. По крайней мере посадить тебя под домашний арест пока ещё в моих силах. Два дигета, будь любезен, не выходи за пределы своих покоев.

– Как прикажете, Мэйлори, – равнодушно отозвался принц, но втайне был доволен: он не сомневался, что ему легко удастся сбежать из-под домашнего ареста. В общем-то, всю свою сознательную жизнь он только этим и занимался.

– Дашь мне слово, что не сбежишь, или приказать выставить охрану? – спросил Оланзо.

– Слово принца! – мгновенно отозвался Таэлир.

И всё-таки король не настолько плохо знал своего сына. Он покачал головой:

– Нет, мне нужно *настоящее слово* – слово Таэлира, моего непутёвого сына.

Оба замолчали.

– Такого слова у меня нет, – сказал, наконец, Таэлир. Король вмиг развалил его прекрасную комбинацию и забрал себе все козыри: теперь он знал, что Таэлир собирается сбежать, и утвердился в том, что принц не нарушает слова, данного от собственного имени.

– Хорошо, значит, охранять тебя будут Птицеловы, – улыбнулся король.

Сэйлорис про себя помянул Окло-Ко и повторил, уже без улыбки:

– Как прикажете, Мэйлори.

«Если правитель сверх меры самоуверен, то рано или поздно он ошибётся, и враги обнаружат его слабую сторону. Если правитель недостаточно самоуверен, то он сам становится своей слабой стороной».

Глава 2

2.1 Realibus

2.1.1 Alea jacta est²¹

Когда Тэлли увидела на пороге Унимо, дрожащего и испуганного, весь её гнев от того, что он явился так поздно и заставил её волноваться, исчез, растаял без следа, как лёд, брошенный в стакан горячего чая. Этот мальчик совсем не был виноват в том, что она лежала без сна, думая, что с ним что-то приключилось, что она подходила к окну и, щури глаза, всматривалась в лиловые сумерки до тех пор, пока тёмные фигуры людей не начинали появляться повсюду, дорисованные воображением в густевшей, как сметана в маслобойке, темноте, что теперь перед её взглядом снова пронеслись воспоминания – те, которые она так старательно и кропотливо зарисовывала мелкими узорами повседневной суеты все последние два года. Поэтому Тэлли только вздохнула и отправилась заваривать согревающий и успокаивающий чай из мяты, шалфея и листьев зеленики.

– Тэлли, ты не поверишь, я видел того флейтиста! – с порога воскликнул Унимо, возбуждённо размахивая руками. – Того, который хотел нас убить.

Тэлифо стояла, облокотившись на стойку, и в ответ только пожалала плечами:

– Я тоже его видела – он часто бывает в Тар-Кахоле, вроде бы он из Лесной стороны, но путешествует с тар-кахольскими бродячими музыкантами. Он, пожалуй, лучший флейтист Королевства.

Унимо непонимающе уставился на Тэлли, его серые глаза в чёрную крапинку удивлённо расширились:

²¹ «Жребий брошен», досл. «кости в действии» (лат.).

– И ты... и ты не хочешь узнать, почему он напал на нас?

Тэлли отвернулась, шумно поправляя в печи большой чугунный чайник, и не ответила. Унимо забрался на высокую табуретку перед стойкой и беспокойно забарабанил пальцами.

– Мята помогает от бессонницы и тошноты, шалфей и можжевельник – от большого горла и простуды, ромашка – от боли в животе, а зеленика и зверобой – от грустных мыслей. Запомни, может пригодиться, – сказала Тэлли, устраиваясь напротив Унимо за стойкой.

Ум-Тенебри молчал, нахмурившись, поскольку Тэлли опять играла в игру «не-могу-об-этом-говорить».

– А кстати, ты действительно хотел устроиться на работу в приют для сирот? – спросила Тэлли, и Унимо растеряно посмотрел на неё, почувствовав на мгновение, что у него нет друзей в этом городе. Возмущение накрыло его с головой.

– Откуда ты знаешь, ты следила за мной? – с горечью воскликнул Унимо, вспыхивая от воспоминаний о своём позорном бегстве от дома сирот.

– Много о себе воображаешь, лори, – холодно ответила Тэлли. Её зелёные глаза блеснули и на секунду стали похожими на те, которые Унимо видел ночью у костра. – Я каждое утро приношу свежих пирожков в приют к завтраку, как и сегодня, и матушка Жизейла рассказала мне о том, что приходил какой-то странный бледный юноша и хотел устроиться на работу, а получив отказ, так расстроился, что убежал со слезами на глазах. Несложно было догадаться, что это ты.

Слышно было, что Тэлли нарочно не смягчает свои слова – чтобы отомстить Унимо за мнительность.

– К сожалению, это правда, – опустив взгляд, мрачно сказал он. – Конечно, я не думал получить там работу, а просто стоял и смотрел, как дурак, на свой старый дом. Вспоминал своё детство. Но потом я пошёл в ратушу, откуда меня прогнали, и ещё в пять домов, где требовались писари, но у меня ничего не вышло, – сбивчиво закончил Ум-Тенебри и, решившись (холодная вода), быстро произнёс: – Тэлли, прости меня, я не думал, конечно, что ты следила за мной, и вообще... извини, пожалуйста.

Извинения всегда давались ему с трудом. Даже понимая, что неправ, Унимо предпочитал отмалчиваться, ожидая, что всё пройдёт и забудется само собой. Отец не умел долго на него сердиться, и младший Ум-Тенебри этим беззастенчиво пользовался. Однако, ради справедливости следует отметить, что Унимо старался, по возможности, не делать ничего такого, за что ему пришлось бы извиняться. Как оказалось, его метод работает без сбоев только в закрытой системе шейлирского дома.

Тэлли кивнула, принимая извинения:

– Не расстраивайся: сложно найти работу в первый же день. Но ещё у меня есть некоторые подозрения, что ты не знаешь, чего хочешь. А в этом случае найти что-то подходящее ещё сложнее. Но здесь у тебя всегда будут еда и ночлег, так что можешь не торопиться с поисками.

Унимо вздохнул и вынужден был признать: так оно и было. Он не знал, чего хотел, но догадывался, что не должности писаря в пыльном архиве – а ничего другого он не умел. Разве что наняться уборщиком в булочную. Если это будет булочная Тэлифо Хирунди – он согласен, но вряд ей действительно нужна помощь, а устраиваться на работу из жалости он не собирался.

Вскипел чайник, и хозяйка достала глиняные чашки, покрытые глазурью цвета морской волны, пирог со щавелём и орехами, сушёные яблоки и печенье с корицей. Унимо был ужасно голоден и, поблагодарив Тэлли, протянувшую ему кружку с чаем запаха солнечных предгорий, потянулся уже за пирогом, как вспомнил про часы.

– Совсем забыл! Надеюсь, они не... – Унимо сосредоточенно рылся в карманах своей вывернутой куртки и наконец, торжествуя улыбаясь, вытянул из кармана длинную железную цепочку, на которой висели чудесные часы со стрижом. – Это тебе, Тэлли!

Не так часто Тэлли преподносили подарки. То есть на главные праздники года ей дарили положенные всем безличные сувениры, немногие хорошие знакомые и те, кому она помогала, старались дарить ей что-нибудь полезное в хозяйстве, зная, как тяжело ей одной, без родственников в столице, управляться с булочной. Но такую нелепую, ненужную, но выбранную специально для неё и, вообще-то, великолепную вещь ей дарили впервые. Такой подарок мог бы вручить восторженный семнадцатилетний юноша своей возлюбленной – и ещё поэтому у Тэлли не могло быть таких подарков. Она улыбалась совершенно искренне, когда осторожно взяла часы, полюбовалась на то, как они смотрятся в её ладони, ощутила холодок металла и приятную тяжесть и повесила их на шею.

– Спасибо тебе! Они замечательные, – смущённо пробормотала Тэлли.

Когда они выпили по две чашки чая, с пирогом и печеньем, Унимо рассказал подробно о своей неудаче в ратуше и о вечере на площади Рыцарей Защитника – умолчал только о встрече с принцем, поскольку подумал, что это не его тайна и он не должен рассказывать об этом даже друзьям.

– А что собираешься делать завтра? – спросила Тэлли, когда он закончил рассказ.

Унимо молчал, не зная, как правильно сказать о том, что он решил для себя раз и навсегда, ещё когда слушал Кору Лапис на площади.

– Я бы мог продолжить искать работу и даже, возможно, в конце концов нашёл бы должность писаря в какой-нибудь пыльной конторе или лавке, – начал он, – а потом, например, накопить денег и попытаться поступить в Университет. Но я понимаю, что не хочу этого. То есть, знаешь, иногда «не хочу» – это просто каприз, когда лень прикладывать какие-то усилия. Но сейчас мне кажется, что я не хочу упускать какую-то возможность – пока ещё не знаю, какую. Мой отец... в письме, которое он мне оставил, он советовал мне слушать своё сердце – ну, то есть то, что так называют в стихах и рассказах, – улыбнулся Унимо.

– Необычный совет для отца, – ободряюще улыбнулась в ответ Тэлифо. – И что же оно говорит, твоё «так называемое» сердце?

– Оно говорит, что я должен узнать о том, о чём ты не можешь мне рассказать, а ещё говорит, что я должен узнать всё о магии, которой не существует, – выдохнул Унимо и осторожно взглянул на Тэлли.

– Какое у тебя... решительное и амбициозное сердце, – покачала головой Тэлли, и на лице её уже не было улыбки. – Но ты уверен, что ты правильно понимаешь то, что оно тебе нащёптывает? И что последствия его едва слышного шёпота непременно накроют всего тебя с головой?

– Да, тари Тэлли, и я готов прыгнуть в эту воду, – Унимо даже кивнул для убедительности.

Тэлли снова с сомнением покачала головой:

– Но ты ведь даже не знаешь, насколько там глубоко и холодно.

– Никогда не знаешь до того, как прыгнешь, – пожал плечами Ум-Тенебри. – А после это перестает иметь значение: ты просто плывёшь, пока не выплывешь или не утонешь.

– Кажется, вы с отцом стоите друг друга – по крайней мере по части сравнений и методов, – наконец кисло улыбнулась Тэлли, и Унимо мгновенно отозвался радостной улыбкой, понимая, что заполучил союзника на пути к своей мечте.

– Ты ведь сможешь мне? Ты говорила, что знаешь человека, который мог бы объяснить мне, что произошло в ту ночь, и объяснить ещё много всего, – ринулся в бой Унимо, чтобы скрыть свой озноб от ледяной воды принятого решения.

На этот раз Тэлли молчала, раздумывая. Она видела себя в возрасте Унимо, узнавала этот блеск в глазах и эту готовность сделать всё, чтобы... но она знала и то, что бывает потом. Что обязательно случается. Чего невозможно избежать. И липкие нити страха заставляли её плести мягкий защитный кокон вокруг чужой души, так радостно летящей в ловушку. «Ну уж нет, оставь свои воспоминания для сопливых мемуаров, будь любезна!» – мысленно при-

крикнула она на себя. Ей с трудом давалось признание того, что другие люди имеют право на собственные ошибки, что их судьба зависит от неё не больше, чем приготовление пирожков – от желания печи. Всё, что она может – это предостеречь и немного унять боль потом, когда предостережения будут отброшены.

Унимо смотрел на Тэлли с беспокойством, ожидая очередного «я не могу об этом говорить», но она сказала:

– Да, я знаю такого человека. И, честно говоря, если ты решил пойти по тому пути, о котором говоришь, он – тот, кто тебе нужен.

– Кто же он? – Унимо в нетерпении подался вперёд, чуть не опрокинув чашку с остатками чая.

– Форин Кастори, смотритель маяка на Исчезающем острове, – серьёзно ответила Тэлли.

– Исчезающий остров? Никогда о таком не слышал, – пробормотал Унимо, опасаясь, что этот остров существует там же, где магия и всё остальное, о чём нельзя говорить. Название тоже было подходящим для такой гипотезы. А значит, с тем, чтобы туда добраться, могли возникнуть большие проблемы. Впрочем, географию Королевства он тоже изучал не слишком прилежно, так что надежда на то, что этот остров всё-таки можно отыскать на карте, оставалась.

Правильно разгадав озадаченный вид Унимо, Тэлли усмехнулась:

– Не беспокойся, это совершенно реальный, только очень маленький, остров в океане, в Островной стороне. Исчезающим он назван потому, что остров появляется только во время высокого прилива, когда тонкая полоска суши, соединяющая его с материком, скрывается под водой. То есть остров то появляется, то исчезает, превращаясь в полуостров.

Унимо радостно улыбнулся: значит, до этого острова вполне можно добраться обычным способом.

– Хотя когда мы впервые обнаружили его, он не показался нам таким уж реальным, – добавила Тэлли.

Унимо напряжённо уставился на неё, ожидая продолжения. «Кто – мы? Как это – не таким уж реальным?» – звучало у него в голове.

– Пожалуй, я могу рассказать тебе эту историю, – помолчав, медленно произнесла Тэлли. – Она поможет тебе понять, стоит ли связываться с таким человеком, как Форин Кастори, и что тебя может ожидать. Только предупреждаю, что мне придётся изменить кое-что в этой истории, чтобы не нарушить данного мной слова. Немного исправить... ммм... место действия. Но на ходе событий это не отразится, – заверила Тэлли.

Унимо был так рад, что она решила хоть что-то рассказать, что согласно закивал головой и приготовился слушать.

Тэлли снова замолчала, чтобы подобрать подходящие слова, играя роль собственного цензора. Это было нелегко, потому что настоящая история всплывала в её воспоминаниях с такой поразительной яркостью, как будто это было вчера...

Когда Тэлли закончила свой рассказ, Унимо не мог сказать ни слова. В нём боролись самые разные чувства, и сильнейшим было, пожалуй, необъяснимое восхищение смотрителем маяка. И желание во что бы то ни стало побывать на Исчезающем острове. Хотя голос разума сухо напоминал Унимо, что поведение Форина Кастори нельзя было назвать безупречным, и он предстал человеком опасным и непредсказуемым, если не безумным.

– Это отличная история, Тэлли. Мне ещё больше захотелось отправиться на этот остров. Но знаешь... – взгляд Унимо стал немного (самую малость!) хитрым, – мне показалось, что ты... что тебе... что ты влюблена в смотрителя... или что-то вроде того, – храбро закончил Унимо.

Тэлли возмущённо взглянула на малолетнего наглеца, который вот так, между прочим говорит о ней, Тэлифо Хирунди, «влюблена»! Да что он понимает! Хотелось рассказать, что это по милости (точнее, по немилости) Форина Кастори она уже два долгих года (и, видимо, все

оставшиеся ей годы) обречена жить здесь, в этой ссылке среди пирожков и наивных горожан, с каким трудом она привыкала к этому, как дрессировала свою память и как хладнокровно убивала свои мечты, стремления и надежды всей жизни, – и всё это только по одному короткому повелению Смотрителя, брошенному между его великими делами. Но по его же воле она не могла ничего этого рассказать, так что приходилось теперь ещё выслушивать обвинения во «влюблённости» от этого желторотого лори.

– Вообще-то, это не твоё дело, но то, что ты имеешь в виду, произносятся эти слова – нет, – немного недовольно, но спокойно ответила Тэлли. И мстительно добавила: – Когда вырастешь, поймёшь.

Унимо только фыркнул, но возражать не стал. «Магии не существует», – вспомнилось ему почему-то.

– Кстати, если ты всё-таки доберёшься до смотрителя, я прошу и советую не говорить ничего обо мне, вообще не упоминать меня, – сказала Тэлли.

– Почему? Вы что, поссорились? – разочарованно спросил Унимо. Он-то надеялся, что рекомендация Тэлли поможет ему убедить смотрителя взять его в ученики и рассказать всё, что он знает. Но, выходит, ему придётся выдумывать что-то самому.

– Вроде того, – нахмурилась Тэлли, и стало ясно, что она не хочет об этом говорить.

– Тэлли, а как назывался тот фрегат? Ты не сказала, – напомнил Унимо, чтобы её молчание не затянулось.

– Не сказала? – растерянно спросила Тэлифо. – «Люксия», он назывался «Люксия».

Унимо едва не подпрыгнул на месте от такого – всё складывалось так, как и должно было. Значит, он сделал правильный выбор, раз всё вокруг, от мелких примет до больших знаков, так ловко собирается в большую мозаику.

Тэлли удивлённо посмотрела на него, и он пояснил:

– Сегодня на Стене Правды я видел объявление о том, что фрегат «Люксия» стоит сейчас в Мор-Кахале и набирает команду для годового плавания! Наверняка они будут проходить мимо Исчезающего острова, ну, или где-нибудь в Островной стороне точно!

– Это прекрасно, – скептическим тоном заметила Тэлли, – но ты уверен, что сможешь наняться на корабль, не имея ни малейшего представления о морском деле, и притом ещё убедить капитана высадить тебя в нужном месте, как будто это какой-нибудь парадный береговой парусник для катания богатых шейлиров?

– Я... я мог бы попросить капитана высадить меня где-нибудь поближе к острову – а там бы уже добрался по берегу или на лодке... я бы заплатил ему серебряными кольцами, – стал придумывать Унимо, пытаясь удержать так удачно сложившиеся кусочки мозаики.

– Капитан Просперо Костин никогда не берёт пассажиров, – покачала головой Тэлли.

В отчаянии, Унимо пытался придумать хоть что-нибудь, и тут неожиданно в голове у него возник план, который мог бы сработать:

– Тэлли, я знаю, что делать! В ратуше передо мной сидел старый матрос, который, как и я, не смог найти работу. Я тогда ещё подумал, что он мог бы устроиться на «Люксию». Если бы я его нашёл и предложил вместе пойти в Мор-Кахол, он мог бы рассказать мне основные вещи, чтобы я на первое время мог сойти за ученика матроса. А потом... потом я как-нибудь договорился бы с капитаном, чтобы он высадил меня.

– Унимо, что ты говоришь, ты хоть слышишь себя? Даже мне этот план кажется безумным. Узнав, что ты его обманул, капитан Костин может заковать тебя в кандалы и посадить в трюм на всё время плавания – на целый год! И ты ведь слышал, что я рассказала тебе о нашем с ним знакомстве.

– Вообще-то, во многом Айл-Форин был сам виноват, что так получилось, – заметил Унимо, но Тэлли озвучила его худшие опасения. Обманом проникать на корабль, капитан которого не отличается уравновешенностью и благоразумием, а в открытом море обладает абсолют-

ной властью над всеми, кто находится на корабле, было в высшей степени рискованно. Шанс на успех тоже был, к тому же Унимо почему-то казалось, что к нему капитан отнесётся лучше, чем к Тэлли и Фोरину, но всё равно голос разума надрывался от предупреждений.

– Я... я попробую завтра снова сходить в ратушу и найти адрес того матроса. Если не получится, значит, и говорить не о чём. А если получится – значит, такова воля судьбы, – торжественно заключил Унимо, и его серые глаза засияли.

– Точнее, своеволие одного безумного юного шейлира, – проворчала Тэлли, но в её взгляде явно просвечивала гордость за своего постояльца. – Я пойду завтра в ту же сторону, в Дом Радости²², так что можем пойти вместе.

– В Дом Радости? А зачем тебе в Дом Радости? – обеспокоенно спросил Унимо.

– Навестить друзей, – коротко ответила Тэлли, и Ум-Тенебри решил дальше не спрашивать.

Как и большинство тар-кахольцев, он относился к обитателям Дома Радости со смесью жалости, страха и желания никогда их не видеть с горячей убеждённости в том, что они такие же люди, как и все остальные, просто немного... непонятные, поэтому их нужно защищать и оберегать от окружающего мира.

– А теперь – спать, – распорядилась Тэлли, заметив, как медленно и часто Унимо моргает.

Он не стал возражать. Поднимаясь в свою комнату, Унимо слышал, как Тэлли, убирая посуду, напевала себе под нос старинную тар-кахольскую колыбельную, которую несколько раз пела его мать, но ему никогда не удавалось дослушать её до конца:

*– Скорей засыпай,
глаза закрывай,
не знай, не гадай,
не ходи, не смотри,
как там, за рекой,
зажигают огни,
ставят силки
и капканы
не на лис,
не на птиц,
а на тех,
кто ночами
ходит пить чай
с волками,
нарушая
покой окраин
тоскливым своим
молчанием.
«Не ходите
гулять ночами
за стеной городской», -
скажут потом,
если поймают их,
охотники-рыболовы,
отрубая ноги
бессмертной души*

*с красными башимаками,
без которых,
как ни пляши,
ни в Лесную сторону
не уйти,
ни до дома
дойти,
без которых
всего пути:
с мостовой,
по кривой,
в канаву...*

В ту ночь Унимо спал крепко и проснулся, когда лучи солнца уже ясно обозначали золотистую полоску на стене над его головой и даже на втором этаже чувствовался утренний запах свежее испечённых пирожков.

Когда они с Тэлли позавтракали и вышли из булочной, повесив большую табличку «Выходной», столичные улицы уже полностью проснулись и наполнились потоками спешащих по делам горожан. По дороге к ратуше Унимо рассказывал свой нехитрый план: он собирался заглянуть в Зал Поиска Занятий и спросить адрес одноглазого матроса, которому он должен вернуть забытую вчера трость – для убедительности по пути Унимо подобрал подходящую корягу. Тэлли не верила в успех этого плана, но пожелала Ум-Тенебри удачи.

Когда они добрались до площади Всех Дорог, Тэлли сказала, что будет ждать здесь под высокими дубами – их саженцы были когда-то подарком столице от Лесной стороны. «Не люблю этот птичий базар», – пояснила она, кивнув в сторону ратуши.

На этот раз Унимо быстро добрался до Зала Поиска Занятий. Очередь уже была большой, и он остановился в нерешительности: неужели придётся снова провести несколько часов в приёмной? Но теперь его ждала Тэлли, и он решился, хотя чувствовал себя крайне неловко: подкараулив, когда очередной проситель вышел, сердито нахлобучивая шляпу, Унимо раньше других юркнул к двери и обернулся с вежливой улыбкой: «Простите, пожалуйста, мне только спросить!» Не дожидаясь ответа, он ринулся в Зал Поиска Занятий, услышав за спиной: «Всем вам только спросить!», «Держите его!», «Лезут без очереди!» – но бежать следом и скандалить в Зале Поиска Занятий никто не решился.

– Доброе... опять вы, лори? – служащая, которая вчера выпроводила Унимо, была неприятно удивлена. Она с нетерпением ждала, что скажет навязчивый проситель, чтобы тут же вежливо выставить его или позвать охрану, если он будет упрямыться.

– Нет... да... тари, я хотел только спросить, – растерялся было Унимо, но тут же вспомнил заготовленную речь. – Вчера передо мной приходил матрос, помните? Он забыл свою трость в приёмной. Я побежал за ним – но было поздно. Вчера я уже не стал возвращаться, а вот теперь решил всё-таки сделать доброе дело. Мне кажется, что эта трость дорога ему, она не простая, а сделана из легчайшего и прочного дерева таго. Думаю, он ужасно расстроился, потеряв её. Но если бы вы были так любезны и сказали мне адрес, я бы вернул бедняге его трость, – Унимо для убедительности потряс перед изумлённой служащей узловатой корягой, надеясь, что она не станет проверять её на лёгкость.

Служащая, видимо, не сразу смогла вспомнить статью Устава Ратуши, которая подходила бы для забытых тростей. Но в конце концов она с победной улыбкой произнесла:

– Статья сорок шесть заключительной части Устава Королевской ратуши: «То, что проситель говорит о себе один на один служащим Короля, должно составлять секрет двоих, за

исключением случаев, когда его раскрытия требуют королевская необходимость или повеления квесторов».

– Так что же делать с тростью, тари? – криво улыбнулся Унимо, и служащая совершенно по-человечески пожалала плечами.

Выходя из Зала Поиска Занятий, Ум-Тенебри не мог скрыть разочарования: ещё бы, чуть только он обрёл, наконец, настоящую мечту, как тут же столкнулся с непреодолимым препятствием. Такой блестящий план нужно было оставить из-за какой-то ерунды. Даже поджидавшие у дверей просители не стали высказывать свои претензии: настолько несчастным он выглядел. Да и времени на то, чтобы получить очередной отказ, действительно, потребовалось совсем немного.

Унимо почти спустился к выходу, как вдруг в голове у него возник запасной план. Поскольку в ратуше терять ему было уже нечего, он повернулся и решительно направился обратно: нужно было найти библиотеку.

Библиотека Королевской ратуши оказалась на самом высоком этаже. Когда Унимо зашёл, только несколько посетителей сидели с книгами за столами в просторном зале, а у входа сучал молодой библиотекарь – видимо, направленный на практику студент Университета. Унимо успел подумать, разрешается ли библиотекарям читать во время работы, и если нет, то это, должно быть, ужасно жестоко.

– Доброе утро! Чем могу вам помочь... тар? – оживился библиотекарь, заметив посетителя.

Ум-Тенебри не был уверен, что не существует какого-либо внутреннего правила Ратуши, которое запрещает выдавать книги шейлирам («...у которых в собственности есть свои библиотеки», да), поэтому был рад, что библиотекарь не пытается выяснить его имя.

– Доброе утро! Тар библиотекарь, мне нужен всего лишь Устав Ратуши, – как можно любезнее улыбнулся Унимо, рассчитывая на быстрое исполнение такой простой просьбы.

– Устав Королевской ратуши? – раздражающе переспросил библиотекарь.

– Да, именно. Надеюсь, в библиотеке Королевской ратуши найдётся несколько экземпляров Устава Королевской ратуши? – нетерпеливо повторил Унимо, по привычке последнего дня ожидая отказ даже в такой простой просьбе.

Но библиотекарь только улыбнулся ещё шире и указал рукой на полку за спиной Унимо:

– Вот там вы легко найдёте Устав и все основные законы в редакции Зала Правил и Следствий, тар.

Пробормотав благодарность, Унимо взял с полки Устав в обложке из переплетающихся полосок ткани зелёного и пурпурного цветов и устроился в самом дальнем углу библиотечного зала.

Листая этот памятник искусства описания сложными словами простых вещей, Унимо горько пожалел о том, что не был внимателен на уроках Скрина. Возможно, тогда этот птичий язык показался бы ему более понятным. К тому же в Уставе отсутствовало оглавление в привычном смысле, и текст был разбит на бесконечные главы, части и параграфы, система которых ускользала от Унимо. Но упорство и азарт последнего шанса не позволили Ум-Тенебри отступить, и уже через три четверти часа он нашёл, что хотел. Поставив книгу на место, он попытался незаметно выскользнуть из библиотеки, но в дверях его догнал насмешливый голос библиотекаря:

– Надеюсь, вы нашли, что искали, тар?

– Да, благодарю вас, – не оборачиваясь, произнёс Унимо и со всех ног бросился вниз: Тэлли и так уже непростительно долго ждала его.

У выхода из ратуши сидел старик охранник. Видимо, это был ветеран войны с Илайским Королевством, которого отправили на эту лёгкую службу в качестве награды: на его форме

виднелись знаки сержанта Королевской гвардии. Он дремал, закрыв лицо форменной зелёной шляпой.

– Тар Королевский сержант, – кашлянул Унимо, приближаясь к нему.

Вздвогнув, старик открыл глаза и уставился на молодого просителя, которому взбрело в голову потревожить его сон.

– Что угодно, молодой тар? – немного ворчливо спросил охранник, как бы говоря: «Конечно, я понимаю, что по своим обязанностям должен разговаривать вежливо со всеми просителями, которым вздумается что-то спросить у заслуженного солдата, но не слишком ли ты наглый, юнец?»

Унимо ответил ему невозмутимо вежливо:

– Тар сержант, простите, что беспокою вас, мне на самом деле очень жаль, но я вынужден обратиться к вам, поскольку это предусмотрено в Уставе Ратуши. Пункт шесть раздела семнадцать части третьей Устава: «В случае, если кто-либо из подданных Шестистороннего Королевства или иностранных гостей по рассеянности или недосмотру забудет в Королевской ратуше вещь, которая может представлять ценность как вообще, так и исключительно для её обладателя, охране Королевской ратуши надлежит немедленно предпринять все меры для розыска хозяина вещи и, если потребуется, доставить означенную вещь в место нахождения одного, проявив всю возможную заботливость о её сохранности».

Охранник слушал Унимо, и даже его усы, казалось, возмущённо подрагивали.

– И что же вы потеряли, тар? – ядовито спросил он.

– Не я, тар сержант, – терпеливо пояснил Унимо, – а посетитель, который был здесь вчера. Одноглазый матрос, он потерял вот эту трость, – тут Ум-Тенебри протянул охраннику трость из «дерева таго».

Когда охранник даже не попытался поднять руку, чтобы взять протянутую трость, Унимо нетерпеливо встряхнул ей и продолжил:

– Я хотел сам вернуть трость посетителю, но служители Зала Поиска Занятий отказались сообщать мне, где я могу его найти. Поэтому будьте любезны взять у меня трость и доставить её хозяину, как того требует Устав.

– Вы что, правда думаете, что я буду бегать по городу за матросом с его тростью? – наконец рассердился охранник. – Этот Устав писали, верно, когда в ратуше был свой гарнизон охранников, чтобы бегать за каждым просителем! А теперь, как видите, я один.

Унимо сочувственно покивал, но руку с тростью не опустил:

– Понимаю, тар сержант, но соответствующая статья Устава не отменена и её толкование определённо указывает на вашу обязанность вернуть забытую вещь владельцу. И служительница была совершенно права, когда отказалась сообщать мне адрес просителя – ведь я не имею чести служить в охране Королевской ратуши. Так, хотел помочь, – Унимо небрежно пожал плечами и, поставив трость рядом с охранником, повернулся, чтобы уйти.

– Так вы что, согласны были сами передать эту трость? – недоверчиво переспросил охранник.

– Да, потому что старик матрос вчера запомнился мне, пока я ждал в очереди, и я представляю, как он расстроился, обнаружив пропажу. Но правила есть правила, я понимаю...

– Значит, если я узнаю адрес, вы передадите трость? – продолжал охранник.

Унимо всеми силами старался скрыть свою радость за невозмутимостью, даже добавил чуть-чуть беспокойства, протянув:

– Ну, я, право, не знаю... если вы не думаете, что это будет нарушением.

– Уверен, что нет. Будем считать, что я... эээ... делегировал вас действовать во благо Королевской ратуши! – с неожиданным энтузиазмом заявил сержант и со всей возможной в его возрасте поспешностью отправился в Зал Поиска Занятий узнавать адрес матроса, пока странный проситель не передумал.

– Не забудьте сказать, что этого требует Устав! – крикнул ему вдогонку Ум-Тенебри.

Сержант вернулся с победой: довольный своей хитростью, он сказал Унимо адрес старика и протянул обратно трость.

– Спасибо, тар. Королевская ратуша вас не забудет! – серьёзно заявил охранник, и Ум-Тенебри с трудом сдержался, чтобы не улыбнуться.

– Уж я надеюсь, – пробормотал Унимо и почти выбежал на улицу, где его полтора часа как ждала Тэлли.

Впрочем, Тэлифо ничуть не скучала: она устроилась на одной из лавочек под дубами и наблюдала, как воробьи купаются в лужах, оставшихся после ночного дождя, смывая с себя зимнюю пыль и грязь уныния. «Хорошо бы и люди так могли», – грустно думала она.

– Тэлли, у меня получилось, получилось! – воскликнул Унимо, подбежав и усевшись на скамейку рядом с ней.

– Ну-ну, это всего лишь адрес, – Тэлли попыталась немного охладить юного Ум-Тенебри, но не смогла скрыть улыбку.

На совете, проведённом в походных условиях под дубами площади Всех Дорог, было решено, не теряя времени, пойти к матросу, а в Дом Радости зайти на обратном пути. Как удалось выяснить разведке в лице Унимо, старика матроса звали Силур Бравир, он остановился в трактире «Шмелиный мёд» в старом трактирном районе Тар-Кахола, расположенном на левом склоне холма, на вершине которого стояла ратуша.

По улице Дорога Холма Тэлли и Унимо быстро спустились в район трактиров, где, спрашивая прохожих про «Шмелиный мёд», вышли к небольшому двухэтажному зданию с покосившимися воротами и прогнившей табличкой, которая подтверждала, что они не ошиблись. Во дворе трактира паслись козы, которые тут же перестали жевать длинные сухие стебли лебеды и с испугом смотрели на незнакомцев агатово-блестящими глазами. В Шестистороннем коз и коров держали только на молоко, так что часто старые козы свободно разгуливали, где им вздумается, в поисках своей смерти, но в самом Тар-Кахоле коз Унимо видел впервые. Должно быть, трактирщик решил, что держать коз будет дешевле, чем покупать молоко у деревенских жителей из окрестностей Тар-Кахола, которые каждый день привозили свежие продукты в город. Козы жалобно заблеяли, и на пороге появился хозяин трактира – сгорбленный старик с клюкой и длинной неухоженной бородой: в ней отчётливо виднелись жёлтые соломины и хлебные крошки.

– Мест нет! – рявкнул он с порога неожиданно громким для старика голосом.

– Тар, доброе утро и удачи вашему делу! – вежливо поприветствовал старика Унимо. – Мы ищем одного человека – матроса Силура Бравира, нам сказали, что он снял комнату в вашем трактире.

– А мне что за печаль, кого вы там ищете? – прокаркал трактирщик.

Спасая положение, в беседу вступила Тэлли. Она улыбнулась своей самой милой улыбкой и произнесла голосом сладким, как мёд:

– О, простите нас, почтенный тар, мой братишка, видимо, не так выразился. Мы ищем нашего дядю Силура – идём за ним с самой Морской стороны. Он остался нашим единственным родственником, – тут Тэлли скорбно покачала головой, давая понять, что этому предшествовали трагические события, описывать которое она, впрочем, не станет, чтобы сберечь время почтенного тара, – и вот наконец мы нашли его, чтобы отвести в наш дом, чтобы он не скитался больше по морям.

Злой старик всё ещё смотрел сердито, но исповедь зеленоглазой племянницы явно настроила его на большую снисходительность.

– Тут он, ваш Силур, – проворчал трактирщик. – Только сейчас вы вряд ли его добудитесь, судя по тому, сколько он вчера залил в себя вина. И, кстати, за последнюю бутылку так и не заплатил, – сверкнул глазами трактирщик.

– Мы заплатим, – быстро заверила Тэлли. – Только бы попасть к нему скорее! Мы так переживаем.

Унимо оставалось только кивать, играя роль глупого братишки.

– На втором этаже, первая комната слева, – буркнул старик. – И не забудьте напомнить про вино, иначе больше ни капли не налью ему! – добавил он уже вслед быстро поднимающимся по лестнице посетителям.

Тэлли решительно постучала в первую комнату слева, но никто не ответил. Потом постучала сильнее, потом постучал Унимо – ответа не было, но дверь, тихонько скрипнув, легко отворилась. В приоткрытую дверь Унимо и Тэлли с удивлением увидели, что матрос не спит, а сидит на единственном в комнате стуле, уставившись единственным глазом в одну точку, а по всему полу разбросаны пустые бутылки.

«Я сейчас», – шепнула Тэлли и спустилась на первый этаж. Вернулась она с бутылкой лёгкого фруктового вина и подносом с тремя бокалами.

Пока Унимо изумлённо наблюдал за её манёврами, Тэлифо распахнула дверь и вошла с небрежностью официантки трактиров средней руки, в которых официантками обычно были родственницы или подруги хозяина, и поставила поднос на подоконник, поскольку никакого стола в комнате не было.

– Подарок от заведения, – улыбнулась она, протягивая матросу бокал вина.

Силур удивлённо поднял голову – он явно не понимал, что происходит.

– Я... я заплачу, чуть позже... как только найду работу... как только я... – забормотал он, принимая протянутое вино. И тут же нахмурился: – Вас ведь прислал хозяин? Передайте ему...

– Нет-нет, тар! – запротестовала Тэлли. – Мы пришли к вам по своей собственной воле, потому что мой друг хочет с вами поговорить. Если мы пришли в неподходящее время, то можем уйти...

– Нет, всё в порядке, – Силур любезно уступил Тэлли единственный стул, перебравшись на кровать. И горько усмехнулся, разведя руками: – Теперь для меня, видите, всё время – неподходящее. А где же ваш друг?

Тэлли позвала Унимо, который стоял за приоткрытой дверью, и он нерешительно протиснулся в проход, встретив насмешливый взгляд ярко-голубого глаза. Унимо подумал, что матрос был не так стар, как ему показалось в Зале Поиска Занятий – его старили выражение лица, болезненная худоба и неаккуратная клочковатая борода, но глаз смотрел внимательно и цепко, несмотря на выпитое вино. У матроса в ушах болтались серебряные серьги-кольца разного диаметра – единственное, что украшало его неказистый вид.

– Тар Силур, меня зовут Унимо Ум-Тенебри, и я пришёл к вам за помощью, – начал Унимо.

– За помощью? – неприятно усмехнулся матрос, обнажив гнилые зубы. – Думаю, вы ошиблись дверью, почтенный молодой тар. Впрочем, если ваша прекрасная подруга для этого решила самолично принести мне вина, то я к вашим услугам, – не вставая, он отвесил шутовской поклон.

Унимо погасил вспыхнувшее раздражение. Он стал сомневаться, что действительно хочет путешествовать с этим человеком даже до Мор-Кахола. Но внутренний голос строго напомнил: ещё не хватало, чтобы из-за шейлирских капризов он отступился от своего решения.

– Тар Силур, у меня есть к вам просьба, и если вы согласитесь, то очень мне поможет. Дело в том, что мне нужно попасть на корабль – фрегат, который стоит сейчас в Мор-Кахоле и набирает команду. Мне нужно добраться до одного острова, до которого не ходит ни один другой корабль. Но капитан этого фрегата – Просперо Костин, – говорят, не берёт пассажиров, так что мне придётся попытаться устроиться матросом. Но я ничего не смыслю в морском деле, поэтому, если бы вы согласились пойти со мной, по дороге вы могли бы объяснить мне что-то основное, чтобы я мог хотя бы на первое время сойти за ученика матроса, – Унимо замолчал.

Матрос слушал его внимательно, чуть наклонив голову набок и улыбаясь. Тэлли беспокойно смотрела то на него, то на Унимо.

– Ого, ты вздумал провести самого Просперо? Да ты парень не промах! – хмыкнул Силур. – Ещё и меня хочешь в это втянуть.

– Но ведь капитан не узнает, что это вы помогли мне – в Мор-Кахоле мы можем разойтись и не подавать виду, что знакомы, – убеждал Унимо («Хотя, конечно, лучше будет, если мы устроимся на «Люксию» вместе, а вы назовёте меня своим учеником», – добавил он про себя, легкомысленно надеясь, что сможет договориться об этом уже по пути в Мор-Кахол).

Силур с явным удовольствием отпил немного вина: вероятно, Тэлли не поскупилась, и оно было куда лучше того, которым в долг потчевал его хозяин трактира.

– Интересно, что может заставить человека сделать это? Я имею в виду – прийти к подозрительному неприятному незнакомцу с таким авантюрным планом. С безумным планом на свой страх и риск пробираться на саму «Люксию»? Причина должна быть такая... существенная? – улыбнулся Силур, утомлённый долгой речью, и вопросительно уставился в лицо Унимо.

Ум-Тенебри взглянул на Тэлли, ища поддержки: в его планы не входило рассказывать почти не знакомому и, действительно, неприятному человеку про свои планы.

– Ммм... мне надо навестить кое-кого на Исчезающем острове, – решил он.

Но моряку, видимо, нужно было видеть все карты:

– Кого навестить? Там никто не живёт, насколько я знаю. Не хочешь – не говори, но тогда я с тобой не пойду.

Унимо не знал, что делать. Ему очень не хотелось доверять незнакомцу свою заветную мечту, но тот явно дал понять, что иначе им не договориться. Удовлетворение любопытства странного матроса было непременным условием этого договора, и нужно было либо платить, либо уходить. Почему-то Унимо был уверен, что соврать сейчас у него не получится. Он не готовился к этому.

– Я хочу попасть к человеку, который знает всё на свете, и научиться чему-нибудь необыкновенному. Это моя мечта, и это правда, – произнёс он.

Силур смотрел удивлённо, но в его взгляде уже не было насмешливости и высокомерия. Как будто он услышал то, что хотел услышать. Помолчав немного, он серьёзно кивнул:

– Хорошо, я согласен. До Мор-Кахола день пути – я как раз успею растолковать тебе морские премудрости. Но на самом деле, – усмехнулся он, – от матроса требуется только два умения: делать то, что говорят, и делать вид, что тебе всё нипочём, кроме дефицита выпивки.

Не ожидая такого ответа, Унимо удивлённо замолчал. Он не верил своей удаче. Но Тэлли и тут пришла на помощь:

– Отлично, вот и договорились, – радостно утвердила она.

Силур ещё раз сосредоточенно кивнул.

– Встречаемся завтра в шесть утра у Восточных ворот, – как будто опасаясь передумать, он добавил: – Всё, а сейчас идите-идите, мне нужно собираться и... собираться.

С этими словами он поднялся и оглядел грязную пустую комнату, как будто впервые её увидел. Унимо и Тэлли решили не злоупотреблять гостеприимством матроса и поспешили к двери.

– Спасибо за вино, прекрасная тари, – на прощание сказал он и добавил насмешливо: – До встречи, ученик матроса Унимо.

Когда Тэлли и Унимо покинули двор трактира – при этом взгляд коз был такой же удивлённый, а хозяин уже не казался таким сердитым и лично проводил их до ворот, задумчиво почёсывая бороду, – Унимо сдавленно зашептал:

– Тэлли, Тэлли, что это было?

Тэлифо ободряюще сжала его руку.

– Всё хорошо, Унимо, кажется, мир играет на твоей стороне, – сказала она.

«Но это вовсе не значит, что по твоим правилам», – обеспокоенно мысленно прибавила Тэлли, стараясь, чтобы её лицо не выражало ничего, кроме радости от победы своего юного друга.

2.1.2 *Credendo vides*²³

«Я говорю с вами, Айл-Защитник, и тут же замираю от мыслей о том, как это эгоистично и самоуверенно с моей стороны – отвлекать вас за границами слов Обряда. Поверьте, никогда бы не посмел я звать вас своими собственными словами, но что я могу ещё, Айл-Защитник? Только уповать на ваше великодушие. Больше всего на свете я хотел бы хранить в своём сердце надежду хоть раз вас увидеть... Они говорят, что это грех сомнения, но это не так! Я твёрдо знаю, что вы существуете. Но также я знаю, что вы человек, или были когда-то человеком – а скажи я им такое, они бы с презрением отвернулись от меня. Но это было бы не важно, если бы я только мог увидеть вас. Нет, не подумайте, они тоже верят в вас всем сердцем и всем разумом, они уважают вас и верно служат вам, но они не видят того дара, который вы нам дали. И я слишком слаб, чтобы изменить это. Но я буду пытаться», – увлечшись своими мыслями, кто-то бормотал вслух, стоя один в морозной темноте огромного Зала Обряда. За ночь все помещения Ледяного Замка, кроме спален, промерзли насквозь, а стены в Зале Обряда и вовсе покрывались тонким слоем инея. Причудливые узоры из мелких белых ледяных пластинок таяли, как в легенде о Сошествии Света, только в пять часов утра, когда служители зажигали яркие светильники из горного хрусталя и все обитатели Школы просветителей, как один, являлись на Утренний Обряд. Но до этого момента оставалось ещё несколько часов, и только неприкаянные беспокойные души бродили по замку, безвозвратно теряя драгоценные минуты сна.

Потрескивающую от холода тишину Зала Обряда дерзко нарушал Тео Гранций, в прошлом – сын богатого купца Морской стороны, а ныне – один из слушателей третьей ступени Школы просветителей Горной стороны Шестистороннего Королевства. Точнее будет сказать – лучший слушатель за многие годы, как считали почти все просветители. Хотя для многочисленных родственников Тео его выбор стать служителем Защитника был необъясним и на шкале опасных безумств располагался где-то между самоубийством и переездом в Синтийскую Республику.

Подданные Шестистороннего не были религиозны, но с уважением относились к вере и к её служителям. Немногие из них стали бы отрицать существование Защитника, но они как бы делегировали почётную обязанность богослужения тем немногим, кто может делать это со страстью и полной отдачей. Поэтому духовенство официальной религии в Шестистороннем напоминало скорее небольшой монашеский орден, лишённый очевидных привилегий, но обладающий огромным моральным авторитетом.

Обряды служения Защитнику являлись такими сложными и запутанными, требовали знания нескольких языков и множества древних законов и правил, кроме того, часто предполагали лишения и испытания воли служителей, а взамен предоставляли весьма призрачные преимущества, что желающих обучаться искусству хранения знаний о Защитнике всегда было мало. Поэтому во всём Шестистороннем Королевстве существовала только одна школа для будущих служителей Защитника – затерянная в холодных и безлюдных Ледяных горах Горной стороны Школа просветителей.

По иерархии служителей Защитника желающий идти по этому пути сначала становился *слушателем* и должен был несколько лет слушать все обряды, не пропуская ни одного (к слову, на каждый дигет года приходился отдельный обряд, поэтому неудивительно, что год уходил

²³ «Уверовав, увидишь» (лат.).

только на то, чтобы запомнить их все, да и то при должном старании), впитывая знания, необходимые для поддержания славы Защитника. Затем, если слушатель сдавал все экзамены, то где-то через четыре года он становился *хранителем* и получал право самостоятельно проводить обряды в любом соборе Королевства. В случае, если хранитель проявлял выдающиеся способности, мог увидеть что-то новое, соединить разрозненные сведения о Защитнике в единое гармоничное полотно, он становился *просветителем* и мог преподавать слушателям и хранителям, а также навсегда остаться в Школе просветителей, с её самой богатой в Шестистороннем библиотекой, что для многих само по себе было наградой.

Не имея влияния на дела Королевства, формальной власти в отношении его подданных и какой-либо поддержки со стороны короля, кроме уважительного отношения и невмешательства в дела служения Защитнику, просветители обладали значительной автономией в установлении своих собственных правил. Так, Совет просветителей Школы обладал верховной властью в отношении всех слушателей и хранителей – до тех пор, пока они не покинут навсегда путь служения Защитнику. Законы Королевства также распространялись на Ледяной Замок только в части, которая не противоречит внутреннему Уставу, принятому четыреста лет назад и с тех пор хранимому в неизменном виде.

Несмотря на суровые ограничения, которые сопровождали жизнь в Ледяном Замке (помимо бесконечной учёбы и мучительного холода, царившего в Ледяных горах большую часть года, отступая ненадолго только на летние месяцы, среди некоторых просветителей была популярна идея о недостаточности этих испытаний для проверки силы духа будущих хранителей, поэтому они то и дело придумывали дополнительные сложности, которые слушатели должны были преодолевать во славу Защитника, вроде ночных чтений Порядка Прославления или многократного подъёма на самую высокую башню замка), за два года Тео ни разу не пожалел о выбранном пути. Учёба давалась ему не только легко, но и приносила радость: казалось, что каждое новое знание приближает его к цели, к тому, чего он желает всем сердцем – понастоящему служить Защитнику. Он уже воспринимал Ледяной Замок как свой настоящий дом и любил его, со всеми служителями, многие из которых были очень странными для мира за стенами Школы, но здесь находили своё место и свою семью, объединённую верой и пройденными вместе испытаниями.

Но этой весной, в начале третьего года обучения, что-то случилось: Тео впервые было неуютно в огромном Зале Обряда, впервые он чувствовал себя одиноким и впервые страдал бессонницей: мысли, как волны ночного прилива, к вечеру становились больше, настойчивее и шумно накрывали Тео с головой, не давая уснуть, заставляя барахтаться в вязком, мутном иле непонимания. Не в силах лежать неподвижно и слушать мерное дыхание спящих, он выбрался из кровати, закутылся в одеяло и бродил по ночному Ледяному Замку, как призрак Замёрзшего Хранителя, стуча зубами от холода. Тео не мог больше оставаться с этими мыслями один на один – ему, призванному слушать, нужен был свой слушатель. И подходящим слушателем мог быть далеко не каждый – Тео мысленно усмехнулся своей притязательности. По правилам, он должен был рассказывать о любых сомнениях своему хранителю-наставнику, но это было невозможно потому, во-первых, что его хранитель-наставник уже месяц назад отправился в главный собор Дальней стороны с поручением от Айл-просветителя, а во-вторых и главных, что это было бы нечестно – взваливать на того, кто не может отказать в помощи, свою ношу. По здравому смыслу, в таких случаях принято разговаривать с друзьями, но Тео приходилось признать, что он вряд ли встретил бы понимание у своих друзей-слушателей: в отличие от него, они тратили всё время на изучение основного, и у них не оставалось времени для чтения дополнительных книг из библиотеки, а выводы Тео были пока ещё очень далеки от того, что можно легко представить тем, кто не знал всего, что он вычитывал долгими зимними вечерами. Его мысли пока напоминали озарение, которое происходит иногда, если постоянно сосредоточенно читать и напряжённо думать о чём-то, как случайный проблеск в конце тёмной

пещеры, по которому ещё нельзя выйти на свет, но который ясно указывает на то, что выход есть. Даже Мариона, знавшая больше других, не смогла бы понять. Но Марионе он тем более не мог рассказать ещё и потому, что она была склонна ему восторженно верить, а это опасно. Очень опасно.

Итого, у Тео оставался только один человек, с которым можно было поделиться своими тяжёлыми мыслями, не опасаясь при этом требовать слишком многого – просветитель Инанис Сервил. Этот человек был дорог Тео, его мнение имело для слушателя слишком большое значение, поэтому говорить с ним прямо – означало идти на риск. Следовало хорошо подумать, прежде чем говорить что-либо Инанису Сервилу, потому что если Тео ошибается, то он очень об этом пожалеет. Но другого варианта не было. Бродя по холодным коридорам своего сознания, Тео так и не отыскал другого пути и только уверился в том, что нужно рассказать кому-то из просветителей. Точнее, не кому-то – а именно просветителю Инанису Сервилу, которого, если бы он не был просветителем, Тео мог бы назвать своим другом. В том значении этого слова, которое означает глубокое понимание, ненавязчивую заботу и уважительное взаимопризнание. Но Инанис Сервил был просветителем, а значит – дружба в Ледяном Замке для него была делом почти запретным.

Окончательно замёрзнув от своих мыслей, Тео вернулся в спальню, стараясь не шуметь. Трое слушателей, с которыми он делил комнату, спали, натянув одеяла до носов и сжавшись в клубок – поза, к которой быстро привыкают все, заброшенные в Ледяные горы. Тео, выросший под южным морским ветром, который даже ночью не успевал остывать, долго не мог привыкнуть к тому, что спать нужно, укутавшись с головой и надев тёплые вещи, но теперь ему было странно представить, как может быть по-другому. Укрывшись колючим шерстяным одеялом, Тео пообещал себе, что завтра же расскажет обо всём просветителю Инанису, и с этой мыслью, впервые за дигет, быстро заснул.

Тем не менее ночные прогулки не могли оставаться безнаказанными: утром Тео чувствовал себя так, как будто его засунули в бочку с колотым льдом и хорошенько потрясли.

– Выглядишь, как что-то замороженное и потом размороженное, – поприветствовал его сосед по комнате Ройф, когда Тео выбрался в маленькую кухню-столовую, где они по очереди готовили еду.

– И тебе доброго утра, – кивнул Тео, наливая крепкого чая из горных трав и запихивая в себя ложку за ложкой горячую кашу. Есть совсем не хотелось, но стоило помнить о трёх часах предстоящего Утреннего Обряда.

– Вчера заходила Мариона, искала тебя, но ты уже отбыл на своё вечернее паломничество по пустым залам.

Тео рассеянно кивнул, занятый своими мыслями.

– Отчего судьба так несправедлива ко мне? – бормотал Валион, присоединившийся к невесёлому утреннему чаепитию. – Даже сны мне сняться только про Ледяной Замок, лишая меня тем самым единственной возможности путешествовать.

Тео сочувственно протянул товарищу кружку с горячим чаем.

После Обряда началась учёба, и только ближе к вечеру появилось немного свободного времени. Обычно Тео проводил его в библиотеке или пил чай с друзьями, замученными дневными занятиями, но на этот раз он отправился в ту часть замка, в которую редко заходил кто-нибудь посторонний – ту, где жили просветители. Холодные каменные коридоры, освещённые редкими настенными лампами, были пусты, навстречу уже не попадались шумные слушатели и задумчивые хранители. Звук шагов отражался от стен и звучал чуть впереди, словно забегаая вперёд.

Тео снова почувствовал себя неудобно: наглым выскочкой, который направляется отвлекать просветителя, пока его товарищи зубрят очередное Правило Обряда. Хотя вообще-то он не первый раз заходил в эту часть замка, к просветителю Инанису, на кофе и разговоры.

Поэтому он легко нашёл нужную дверь на верхнем этаже, куда никто не мог зайти случайно – и куда мало кто из слушателей согласился бы прийти по собственной воле.

Перед дверью из гладкого тёмного дерева с резными металлическими петлями Тео остановился на долю мгновения, которую он выделил себе для последних сомнений, а затем осторожно постучал и, услышав знакомое «Войдите», прикоснулся к ледяной ручке и решительно открыл дверь.

Просветитель Инанис сидел за своим огромным письменным столом, как всегда, занятый важными делами. Тео казалось, что у просветителя не было ни одной свободной минуты – и тем ценнее для него было то, что он всегда мог прийти к Инанису и рассказать о чём-то важном, поговорить о поэзии или просто помолчать за чашкой горячего кофе.

Просветитель был красив той строгой и утончённой красотой, которая во многих вызывает неприятные чувства, придавая образу человека невольное высокомерие. Его тёмные волосы и резко очерченные скулы делали Инаниса похожим на синтийца. Движения его, немного резкие, всегда как будто обозначали каждую точку пространства вокруг и определяли ей своё место, в том числе и тем точкам, которые составляли людей. Но самыми примечательными были глаза: цвета жжёной бумаги, способные пронизывать собеседника до самого дна и затем презрительно сужаться, если это дно было недостаточно глубоко или скрыто в мутной воде.

В ответ на приветствие Инанис привычно кивнул в сторону кресел у низкого столика, показывая, что ему нужно десять минут, чтобы закончить важное дело, которое невозможно было прервать. И Тео, как обычно, взял из огромного книжного шкафа в кабинете просветителя книгу на свой вкус – на этот раз это была «Тёмная материя» Эли Онира – и уютно устроился в кресле. Хотя в комнате горел камин и было довольно тепло, Тео почувствовал, что у него дрожат руки, и никак не мог сосредоточиться на словах в книге. Он боялся того, что хотел сделать. И хотя это никак не могло повлиять на его решение, страх рос в нём перед последней чертой, заставляя выдумывать всё новые аргументы, которые, на самом деле, Тео и так знал. Например, всем было известно, что просветитель Инанис Сервил – ревностный приверженец строгого следования всем, даже устаревшим, правилам Устава Школы. Шёпотом это объясняли легендой о том, что Инанис был младенцем подкинут в Школу и выращен просветителем Люмаром, поэтому он не знал иного дома, кроме Ледяного Замка. Возможно, так и было, но Тео, разумеется, никогда об этом не спрашивал. Так или иначе, но просветитель Инанис был хранителем дисциплины в Школе, чем вызывал страх и трепет у слушателей первого года, являясь для них как бы воплощением нового порядка, в который они так опрометчиво ввязались, променяв домашний уют на ледяные стены.

Как это ни странно, именно с вопиющего нарушения дисциплины началась их с Тео дружба. Со знаменитого «Библиотечного бунта», который устроил слушатель Гранций в первый же год своего обучения.

А началось всё, как всегда, с поэзии. Точнее, с того, что Тео не нашёл в библиотеке Школы – самой большой библиотеке Шестистороннего Королевства! – стихов своего любимого поэта Котрила Лийора. Да и вообще вся литература «описательного и приблизительного свойства» была в Школе помещена в особый раздел библиотеки, свободный вход в который был разрешён только хранителям и просветителям. Это объяснялось человеколюбивым желанием избавить слушателей от искушения отвлекаться от освоения огромного объёма знаний, необходимых будущим хранителям, на книги выдуманных историй и красивых слов. «Они не понимают, – возмущался тогда Тео, – что выдуманные истории нужны не меньше, чем история принятия Конкордата! И вообще, любые знания – это свобода, которую никто не вправе ограничивать!» Тео было мучительно находиться рядом с самой большой библиотекой и не пройти её всю, благоговейно оглядывая огромные, уходящие к высокому потолку шкафы, каменные полки и хитросплетения лестниц и резных перил, составляющие несколько этажей. Многие

слушатели разделяли возмущение Тео, но когда он предложил пойти к просветителю Инанису Сервилу, который ко всему был ещё бессменным смотрителем Школьной библиотеки, и попросить открыть все разделы библиотеки для слушателей, на него уставились с откровенным ужасом. Никто не поддержал идею делегации слушателей первого года, но Тео это не остановило – он пошёл один. Тогда он первый раз побывал в кабинете просветителя Инаниса, впервые поразился количеству великолепных книг в книжном шкафу и скромности остальной обстановки. Когда юный Тео, стоя перед просветителем, от одного взгляда которого дрожали даже хранители, с жаром доказывал необходимость доступа ко всем книгам библиотеки для всех, увидел прижизненное издание Лийора, прекрасно сохранившееся, в прочном переплёте, стоящее на полке личной библиотеки просветителя, он запнулся, изумлённый. «Вот вы ведь можете в любой момент взять и почитать гениального Котрила Лийора. Потому что он великолепен. А поэты библиотеки спрятаны в секретном разделе. Это несправедливо!» – сказал Тео. «Значит, ты считаешь, что у просветителей не должно быть никаких привилегий?» – с улыбкой спросил тогда Инанис. Кажется, вся эта история с возмущённым слушателем его забавляла, но он видел и что-то ещё, что не позволило ему просто выставить вон наглому ученика. «Должны быть, наверное, – пробормотал Тео, – но не в поэзии. В поэзии все равны!» Потом они незаметно перешли к обсуждению ранних стихов Лийора, который оказался любимым поэтом и просветителя Инаниса тоже. Тем не менее, несмотря на сходство поэтических вкусов, на прощание просветитель строго сказал, что порядок доступа в библиотеку установлен давным-давно и менять его нет никаких объективных причин.

Тео не оставалось ничего, кроме обращения к радикальным мерам: он стянул запасные ключи от хранилища запретных книг и объявил «тайные вечера свободной поэзии», состоящие в том, что с наступлением ночи он на два часа открывал дверь в секретный раздел, и все слушатели могли прийти, выбрать книгу и почитать при заговорщицком свете ручных ламп.

Секретный раздел оказался огромным, как будто всё, что было когда-то написано в Шестистороннем и за его пределами, было тут – стоило только хорошо поискать. А собрание старинной и современной поэзии Шестистороннего не поддавалось вообще никакому описанию: Тео тогда застыл на месте и несколько минут просто смотрел на бесконечные ряды книг, не веря своим глазам. В родительском доме у него была богатая библиотека, особенно для удалённого от Тар-Кахола городка Морской стороны: отец Тео, кроме того, что занимался морской торговлей, собрал самую большую в их городе библиотеку, выстроил для неё отдельный флигель и пускал всех желающих в любое время дня и ночи. Все удивлялись, как чудака Гранция до сих пор не ограбили, а он только отшучивался – и за всё время не пропало ни одной книги. Но даже для сына Гранция библиотека Школы казалась невероятной – невозможно было поверить, что все эти сокровища собраны здесь, они превышали предел допустимого под этим небом волшебства.

Сначала желающих посетить «тайные вечера» было совсем мало – несколько храбрецов, – но на третий день пришло уже довольно много слушателей, которые со страхом и восторгом брали в руки запрещённые днём книги, читали вслух любимые стихи, спорили шёпотом, и Тео чувствовал себя почти королём ночной библиотеки. А на четвёртый день кто-то рассказал о библиотечном подполье просветителям...

Этот кто-то знал, что во всём виноват Тео Гранций, что именно он вероломно украл ключи и дерзко и сознательно нарушал Устав Школы, так что на следующий день Тео вызвали к самому Айл-просветителю Люмару.

В кабинете старейшего просветителя – фактически, главы Школы, хотя формально все просветители считались равными, – кроме самого Люмара был просветитель Инанис Сервил, который буквально дрожал от бешенства. Просветитель Инанис допросил Тео с применением запрещённых в Королевстве пыток – ибо именно так следовало расценивать его неотрывный взгляд, который, казалось, прожигал Тео насквозь. К счастью, Тео удалось убедительно при-

знать в том, что он действовал один, без сообщников, и запрещённые книги читал в гордом одиночестве. Просветитель Инанис нахмурился, но такая правда его, видимо, устроила. Он обвинил Тео в нарушении десяти пунктов Устава Школы, среди которых: кража общего имущества Школы, тайное проникновение в библиотеку, неуважение к хранителям библиотеки и просветителям, создание угрозы уничтожения книг из раздела «приблизительного и описательного свойства». В своё оправдание Тео сказал только, что никогда не допустил бы, чтобы с книгами что-то случилось, признал, что методы его, возможно, были не самыми лучшими, но... – и вовремя замолчал, встретив пылающий гневом взгляд Инаниса. За все эти немислимые преступления по Уставу полагалось что-то вроде нескольких смертных казней или исключения из Школы, так что девять ударов плетью, которые назначил ему просветитель Инанис, должны были показаться ему очень мягким наказанием. Хотя вообще в Школе довольно редко применяли телесные наказания, особенно со времён старшинства просветителя Люмара, который был известен своим снисходительным отношением к нарушениям Устава слушателями-первогодками. Но даже просветитель Люмар не стал возражать, услышав приговор. Он всё время молчал, с интересом разглядывая Тео, и по его лицу, как всегда, нельзя было понять, насколько он разделяет негодование просветителя Инаниса.

Так или иначе, в тот же день Тео, лучшего слушателя первого года, безжалостно вышвырнули в подвалах замка, и потом он ещё пару дней валялся в школьной больнице, не в силах пошевелиться из-за боли в спине, но, как ни странно, настроение у него было хорошее. К тому же школьный врач – доктор Квид, один из немногих светских людей, живущих в замке, – сразу проникся сочувствием к своему пациенту – жертве варварства обитателей Ледяных гор. Оказалось, что доктор Квид, как и Тео, родился в Морской стороне, и к тому моменту, как слушатель смог покинуть больницу, они стали друзьями, беседуя о море, кораблях, тёплом лете и шумных портовых городах их родного края.

На второй день заточения навестить Тео пришёл сам просветитель Инанис. Он молча положил на тумбочку перед удивлённым слушателем книгу, пожелал не скучать и выздоравливать и ушёл. Это была та самая книга стихов Котрила Лийора, из личной библиотеки просветителя Инаниса, и, бережно открыв её, Тео прочитал:

«То, за что ты готов сражаться изо всех сил, уже принадлежит тебе, даже если ты не можешь этого увидеть».

«Изречения Защитника, записанные неизвестными», том 2, параграф 6.

Тео улыбался, осторожно держа в руках книгу. Это был, пожалуй, лучший подарок в его жизни.

А через месяц после этого случая особым распоряжением Люмара слушателям был разрешён доступ во все разделы библиотеки в каждый последний день дигета. Причём это распоряжение имело длинное обоснование со ссылками на Устав Школы, которое мог написать только настоящий знаток школьных правил...

Как раз с тех времён как-то само собой сложилось так, что Тео заходил к просветителю раз или два в дигет, и они пили кофе и говорили, в основном о поэзии и о книгах. Для обоих это были важные встречи, потому что оба они, на самом деле, проживали своё одиночество, осознанное и принятое каждым из них как благо, но всё-таки – одиночество.

– Кофе? – спросил просветитель, закончив дела.

Тео радостно кивнул. Горячие напитки, особенно кофе и шоколад, ценились в Ледяном Замке на вес золота. Долгими холодными вечерами или мучительным морозным утром невозможно было выжить без чашки чего-нибудь горячего и вкусного, поэтому даже чай из собранных недолгим летом горных трав быстро заканчивался. А кофе, привозимый в Шестисторон-

нее из Синтийской Республики, был только у тех немногих слушателей, кому родственники присылали посылки.

Инанис, как радушный хозяин, поставил на огонь кофейник, достал из шкафа две тонкие глиняные чашки, коробку тар-кахольского шоколадного печенья с лесными орехами и, разместив всё это на столике перед Тео, сел в кресло напротив, сплетя длинные тонкие пальцы перед собой.

– Как твоя учёба? – спросил просветитель, отмечая начало разговора. Он видел, что Тео что-то сильно тревожит – так, что он вряд ли дождётся, пока приготовится кофе.

– Всё хорошо, Айл-Инанис, – ответил Тео. С учёбой проблем у него не было никогда – возможно даже, если бы обучение давалось ему большим трудом, было бы лучше: он не отвлекался бы на всякие старые книги и не задавал бы себе вопросов не по программе. То есть не был бы Тео Гранцием.

– Просветитель Тирэм восхищён твоими эссе. Он уверен, что уже осенью ты сможешь сдать экзамен на хранителя – раньше всех остальных, – продолжал Инанис, вынуждая Тео перейти к разговору по существу: тревога слушателя передалась и ему, нужно было скорее узнать, в чём дело, и успокоиться или впасть в отчаяние.

– Просветитель Тирэм слишком добр ко мне, – с притворной скромностью сказал Тео. – Но, на самом деле, я боюсь, что скоро не смогу написать даже самого простого эссе. Поэтому и пришёл сегодня к вам.

Просветитель снял кофейник с огня точно в тот самый трудноуловимый и единственно подходящий момент, когда кофе уже вот-вот готов закипеть, но не закипел, и налил Тео целую чашку идеального для раннего вечера тяжёлого холодного дня напитка.

– Так что может помешать тебе написать ещё много гениальных эссе? – мягко напомнил Инанис, когда Тео маленькими жадными глотками выпил почти весь кофе.

Тео неглубоко вздохнул, покрутил в руках чашку, поставил её на стол, посмотрел в огонь и сказал:

– Если рассказывать с начала, то как раз при написании одного эссе я отправился в библиотеку искать рукописное издание Жизнеописания, поскольку у меня появились некоторые... ммм... сомнения в точности изложения.

– Ну конечно, как у тебя могли не возникнуть сомнения в правильности Жизнеописания, веками создаваемого лучшими просветителями Школы и вот уже шестьдесят пять лет как признаваемого окончательным и наиболее полным вариантом доступных нам знаний о воплощении Защитника, – ворчливо прокомментировал Инанис. Если бы перед ним был не Тео, просветитель серьёзно разозлился бы от такой наглости.

Тео только улыбнулся, прекрасно зная, что у него есть чем удивить самого просветителя, так что оправдания можно было оставить на потом. Сначала – о главном.

– Да, и поэтому я стал изучать первоисточники...

– Жизнеописание – это и есть первоисточник, – упрямо заметил Инанис.

Тео знал, что лучше не спорить. Инанис был сумасшедшим по части терминов.

– Да, то есть я хотел сказать, что начал читать те старые рукописные книги из раздела свидетельств, которые использовались при создании Жизнеописания, ещё на том забавном старокахольском, который похож на язык детей, когда они только начинают понимать, что всё на свете как-то называется, и дают то слишком буквальные, то слишком метафоричные имена.

Инанис поморщился от такого вольного сравнения, но перебивать не стал.

– Кстати, это имеет большое значение – составители Жизнеописания, очевидно, при сборе материалов мыслили на современном им языке, что было ошибкой, – Тео начал увлекаться и забегать вперёд. – Так вот, я прочитал около ста рукописей, сравнивая их с окончательным текстом, и понял, что в результате... ммм... излишне правильного перевода исчезла очень важная деталь. То есть я бы даже сказал – основная деталь, которая, как искра, зажи-

гает лампаду, другую, третью, пока не становится светло. А саму искру в темноте никто бы не заметил. И потом, когда свет уже разгорелся – её тоже не видно.

Просветитель Инанис усмехнулся: он всегда считал манеру Тео говорить излишне словозатратной, но, когда понял, что Тео, в отличие от большинства людей, всегда говорит осознанно, думая о каждом слове, переписал её из недостатков в особенности.

– В общем, у меня появилось предположение, что Защитник был человеком, – вдруг быстро и скомкано проговорил Тео, доставая из кармана лист бумаги. – Вот, тут я выписал цитаты рукописей, с указанием авторов и страниц. Например, вот это: «И взял он себе тело человека, но никаким именем называться не пожелал» – везде переводят так, как будто Защитник создал себе человеческое тело, чтобы не пугать людей своим истинным обликом. Но ведь старокахольское выражение «взять себе человеческое тело» означало сначала просто «родиться», а «никаким именем называться не пожелал» – это старая канцелярская формулировка записи сирот. То есть получается, что Защитник родился, и что он был сиротой.

Тео замолчал и со страхом посмотрел на просветителя. Лицо Инаниса было непроницаемо, словно каменная маска замковых барельефов.

– Дай мне твои записи, я их изучу. Так сложно аргументированно тебе возразить, – мрачно сказал тот, протягивая руку за бумагой, которую Тео держал перед собой. – Но сейчас объясни мне, зачем ты это делаешь? Ты хочешь прославиться, во что бы то ни стало, или любой ценой уличить просветителей в ошибке? Чего ты хочешь?

Внутри Тео тоскливо поник тот слушатель, который восхищался гениальным просветителем Инанисом, ловил каждое его слово и радовался даже нечастому насмешливому одобрению. Но теперь Тео был уже другим – он так же чувствовал боль от слов Инаниса, но шёл с этой болью дальше, не останавливаясь.

– Нет, просветитель, я просто хочу знать правду, – сказал Тео.

– Не используй слова «просто» и «правда» в одном предложении, это во-первых! – зло оборвал его Инанис. – А во-вторых, правду не знает даже Защитник. А ты хочешь знать. Ну, давай, вперёд! Может, гениальный Тео Гранций докажет нам, наконец, что Защитника не существует, и мы, сирые и убогие, разойдёмся наконец по домам, заниматься полезными делами, когда великий слушатель явит нам всю *правду*.

Тео очень редко плакал – точнее, никогда. Даже в детстве, когда он падал и до крови раздирали коленку, мама приучила его не плакать. Даже когда он прощался с родителями, прощался навсегда, потому что Тео – любимый сын переставал существовать, он не проронил ни слезинки. Даже во время унижительного, жестокого и несправедливого наказания за «Библиотечный бунт», даже после, когда остался один в палате – он не плакал. Но теперь ему хотелось свернуться под одеялом и завывать, как воют маленькие горные волки в особо суровые зимы, когда пища заканчивается и они своим звериным чутьём остро, как запах, понимают, что до весны им не дожить.

Но сейчас ему нельзя было плакать, как никогда. Сейчас ему надо было собраться и говорить, попадая в каждое слово.

– Вера в Защитника никогда не была основана на отрицании поиска правды, – сказал Тео.

– Ты хочешь поучить меня, на чём основана наша вера? – холодно осведомился просветитель.

– Я хочу только сказать, что не делал ничего, что позволило бы усомниться в моей вере в Защитника, – парировал Тео.

Инанис молчал, отведя взгляд в огонь. Тео тоже смотрел в пламя камина, надеясь, что глаза щиплет именно от его яркого света. Где-то в раскалённых углях их взгляды встречались, перегорали и становились золой.

– Я не посмел бы сомневаться в твоей вере, Тео, – мягко сказал просветитель, – но прошу тебя честно спросить себя, зачем ты делаешь то, что делаешь. Действительно ли твоя цель чиста

и достойна Защитника? Не увлекаешься ли ты самим процессом поиска, что так естественно для острого ума вроде твоего? Не держишься ли ты, наконец, высокомерно по отношению к своим товарищам, не так щедро одарённым? Я ничего не утверждаю, но лишь прошу тебя подумать.

– Я подумаю, просветитель, – пробормотал Тео и вдруг вскинул голову и посмотрел прямо в глаза Инаниса. – Но только и вы скажите мне, почему те, кто приходят сюда за ответами, так легко их получают? Почему они приходят и говорят: «Моя жизнь бессмысленна, давайте я буду славить Защитника» – и остаются? Приходят и говорят: «Меня никто не понимает, но уж вы-то должны, потому что мы с вами верим в одного Защитника, а я, так уж и быть, выучу все эти сложные обряды»? Или даже: «У меня всё так хорошо, что я не знаю, чего желать. Наверное, мне нужно благодарить за это Защитника. Научите меня, как». Неужели вы сами не считаете себя выше их? Неужели вы правда думаете, что здесь везде стоят знаки равно, что тот каменщик, который таскает камни, и тот, который строит самый прекрасный собор, делают одно и то же?..

– Всё во славу Защитника, – сказал Инанис, таким тоном, каким произносят формулы Обряда, и Тео понял, что разговор окончен.

Он поклонился просветителю и вышел, впервые не допив кофе.

Инанис ещё долго сидел и смотрел в огонь, хотя у него было много дел и просветитель Люмар просил его зайти, «если будет время» (старейший просветитель Люмар по возможности всегда формулировал свои приказы подчёркнуто необязательно, что придавало им ещё большую значимость).

Просветитель Инанис был всерьёз обеспокоен признанием Тео. У него было такое ощущение, как будто в старом рассохшемся деревянном доме дети зажигают спички, одну за одной, и рано или поздно дом обязательно загорится, хотя никто не делает это специально и все будут очень удивлены.

Просветитель Люмар искренне обрадовался Инанису, когда тот пришёл в его кабинет на самом верху Башни Просветителей, усадил гостя поближе к огню и налил чашку горячего шоколада. Люмар прекрасно помнил, как он, ещё при прежнем старейшем просветителе Нетвере, нашёл у ворот Ледяного Замка корзину с маленьким пищащим свёртком и испуганно отнёс его просветителям. В свёртке оказался недавно рождённый мальчик, которому от родителей или от тех, кто о нём заботился, досталось только тёплое шерстяное одеяло. «Что делать, придётся нам вырастить его, во славу Защитника, – сказал тогда старейший просветитель и, лукаво улыбнувшись, добавил: – поручаю это тебе, просветитель Люмар. Думаю, это будет для тебя испытанием, достойным имени Защитника. И я уверен, что ты справишься». Люмар тогда почти впал в искушение отчаяния – хорошо, что среди просветителей были две женщины, которые помогали Люмару, пока ребёнок был мал. А потом оказалось, что у ребёнка, названного Инанисом Сервиллом, внимательные глаза, пылливый, проницательный ум и прекрасная память, так что, слушая обряды, он уже к шести годам сам по себе научился старокахольскому, и больше всего на свете он любил книги и горячий шоколад... .

– Что-то случилось, Айл-просветитель? – спросил Инанис, наблюдая, как Люмар пристально смотрит на него, чуть улыбаясь.

Волосы просветителя Люмара уже побелели, глубокие морщины, словно горные тропы, пролегли по его лицу, но ничто в нём не было признаком слабости, каждая деталь его облика была наполнена величием.

– Извини, Инанис, я просто вспомнил, как в детстве, лет в семь или восемь, ты сидел в этом же кресле, пил шоколад и с восторгом рассказывал, что уже можешь легко читать на старокахольском.

Инанис не мог не улыбнуться, хотя даже приятные воспоминания почему-то вызывали в нём беспокойство. Как будто его детство принадлежало кому-то другому, как будто всё это

ему когда-то рассказали, как сказку на ночь. Впрочем, Инанис никогда не сожалел о том, что не знал своих родителей. Лучшего дома, чем Ледяной Замок, он не мог бы и пожелать, а его способности идеально подходили к обучению в Школе просветителей, так что тот, кто принёс его к стенам Замка, сыграл не самую плохую роль в судьбе будущего просветителя Инаниса.

– Теперь эта способность не вызывает во мне того восторга, – грустно улыбнулся Инанис.

– Да, теперь ты взрослый серьёзный просветитель, – вздохнул Люмар. – К тому же чем-то не на шутку обеспокоенный – так, что даже забыл принести мне королевские грамоты за последние пятьдесят лет.

Инанис, который никогда ничего не забывал, досадуя на себя, резко поднялся:

– А ведь правда, забыл. Простите, Айл-просветитель, я сейчас схожу и принесу их – они остались у меня на столе...

– Нет, – остановил его Люмар, – подожди. Это не срочно. Сейчас мне нужно знать, что тебя так тревожит.

Просветитель Инанис остановился и, взглянув на Люмара, в который раз подумал, что старейший видит всё, что происходит в Школе, как будто с вершины горы рассматривает долину в солнечный день.

– Меня беспокоит Тео. Он... слишком много на себя берёт. А при его уме это может быть очень опасно. Для него самого, я имею в виду, – Инанис говорил медленно, с трудом подбирая слова.

– Тео, значит, – кивнул Люмар, как будто он тоже об этом думал. – Опасаешься, что повторится история с библиотекой?

– Нет, совсем нет, – покачал головой Инанис. – Думаю, будет что-то совсем другое, не связанное с нарушением Устава, но гораздо, гораздо хуже.

Люмар удивлённо посмотрел на своего воспитанника. Если уж Инанис говорит, что может случиться что-то хуже нарушения Устава, то это должно быть что-то действительно ужасное. Надо было подумать об этом, и Люмар мысленно поместил образ Тео в раздел, где хранились важные для жизни Школы дела. Этот талантливый ученик был ему очень близок – возможно, потому, что он немного напоминал Инаниса в детстве. Но гораздо более самоуверенный и решительный. Это редкое сочетание ума и упрямой смелости делало Тео действительно опасным для самого себя. Нужно было подумать, как осторожно направить его на безопасную дорогу, не разбудив дремлющий пока дух противоречия.

– Я подумаю об этом, – сказал Люмар, и Инанис почувствовал, как будто гора свалилась с его плеч. Нет, конечно, он не перестал беспокоиться из-за Тео, но если Айл-просветитель обещал о чём-то подумать, то это означало, что он предпримет всё, что возможно.

– Хотя в последнее время мои мысли занимает одно внешнее обстоятельство – а это, как ты знаешь, сильно отвлекает, – после молчания тяжело проговорил Люмар. Казалось, что с этими словами морщины на его лице проступили яснее, а от улыбки не осталось никакого следа.

Инанис внимательно и обеспокоенно смотрел на старейшего просветителя. Немного было на свете проблем, с которыми Люмар не мог бы справиться, а если его что-то беспокоило – значит, это должно было быть что-то вроде катастрофы.

– Поэтому я и просил тебя собрать все королевские грамоты – думаю, мы должны подготовиться, – продолжал Люмар.

– Подготовиться к чему? – осторожно спросил Инанис, не выдерживая молчания, чувствуя себя снова маленьким мальчиком в кабинете взрослого и умного просветителя.

– Думаю, что скоро новый король потребует от нас платы за все века независимости и невмешательства в наши дела, а нам нечем будет заплатить, – сказал просветитель Люмар, и его голос вдруг зазвучал решительно и резко: – Точнее, я никогда не готов буду заплатить ту цену, которую он наверняка назначит. А ты знаешь, что бывает в таких случаях?

Инанис в ужасе смотрел на Айл-просветителя. Он прекрасно понимал, о чём тот говорит, хотя довольно редко думал об этом, привыкнув выставлять границы мира по стенам Ледяного Замка. Всё остальное существовало как будто в умозрительной проекции, которую нужно было иногда включать в формулы для правильного расчёта, но в реальности Школы не имеющую заметного влияния.

– Вижу, что ты понимаешь, о чём речь, – горько усмехнулся Люмар. Его голос стал жёстким и глухим, как удары тревожного колокола. – И мне, вполне вероятно, понадобится твоя помощь, скорее всего, за пределами Школы, что, я знаю, очень для тебя неприятно, но такая необходимость может возникнуть. Впрочем, конечно, пока это ещё только мои предположения.

«Предположения!» – в отчаянии подумал Инанис. На его памяти *предположения* Люмара всегда становились самой настоящей реальностью. Так что глупо было надеяться, что в этот раз будет по-другому.

За окнами Башни Просветителей догорал холодный весенний закат, и ярко-красный свет уходящего солнца, предвещая новые морозы, подсвечивал снежные склоны Ледяных гор, размытая и без того зыбкую здесь границу между землёй и небом.

2.2 Realiora

2.2.1 Diagnosis ex juvantibus²⁴

Отодвинув тяжёлый канализационный люк, на мостовую спящего Гар-Кахола выбрались двое: Морео Кошачий Бог и Великий Врачеватель Грави Эгрото. Оба они были с ног до головы перепачканы ржавчиной, следами седой плесени и подземельной слизи. Врачеватель тут же стал отряхиваться, но довольно скоро понял тщетность таких действий. Морео, для которого городская канализация последние три года была домом, насмешливо наблюдал за действиями своего спутника. Профессор, Великий Врачеватель, глава Дома Радости выглядел довольно необычно после своего ночного путешествия в поисках Морео. Но Кошачий Бог, при всей своей бравате, и вовсе выглядел как рыба, выдернутая на берег одним ловким движением опытного рыбака. Несмотря на то, что он, сам не зная зачем, принял предложение Грави помочь собирателям знаний, он всё равно чувствовал неуверенность и страх, когда пришлось выбираться из уютного подземелья и идти к незнакомым людям, которые, как и он, могли жить в реальнейшем, в отличие от беспомощных убийц котят. Долгое время он был настоящим королём своего подземного царства, и никто не мог оспорить его право распоряжаться собой и другими по-своему. А теперь он вынужден был безропотно идти за Грави. Впрочем, безропотно – не обязательно...

– Прогуляемся? – предложил Грави, с наслаждением взглянув на безоблачное ночное небо с яркими, умытыми дождём звёздами, особенно прекрасное после каменного потолка канализации, на котором можно было разглядеть только узоры плесени.

– Как скажешь, ты ведь меня куда-то ведёшь, – пожал плечами Морео, всем своим видом показывая, что он гораздо охотнее прогулялся бы по подземелью, а ещё лучше – остался бы там, окружённый своими бессловесными друзьями, чтобы никто его не трогал.

Грави привык к тому, что пациенты не хотят лечиться. Точнее, что им приятно считать, что они не хотят, и на результат лечения им плевать, и делают они что-то только для родственников, любимых или навязчивого доктора, от которого никуда не деться. Врачеватель Эгрото настолько часто встречался с этим, что в своём докторском блокноте уже внёс это в раздел «особенности поведения больных, не связанные напрямую с симптомами болезни».

Они прошли через площадь Рыцарей Защитника, вышли на ярко освещённую улицу Весенних Ветров – Морео, непривычный к яркому свету, поморщился. Навстречу попадались

²⁴ «Диагностика на основании пользы от лечения» (лат.).

редкие прохожие – в основном влюблённые парочки или хмурые закутанные в плащи мужчины, работающие допоздна на каких-то очень важных работах.

– Мы можем свернуть куда-нибудь в тень? – спросил Кошачий Бог.

Идти по городу в реальнейшем ему было тяжело: любой свет казался в несколько раз ярче, а шум – громче.

– Конечно, можем, – кивнул Грави. – Нам нужно спуститься к озеру, так что мы можем свернуть на улицу Горной Стороны.

Соответствуя своему названию, улица Горной Стороны находилась в тени ярко освещённых соседних центральных улиц, была немногочисленной и тихой. Традиционно это была улица торговцев книгами – то и дело из темноты выплывали таблички с названиями вроде «Пыль времён» и призывно темнели полки с книгами от пола до потолка за широкими окнами. С высокого дерева, напоминающего прислонившегося к стене великана, от шума шагов маленькой стремительной тенью сорвалась летучая мышь.

Улица Горной Стороны вела вниз, к озеру, и воздух становился всё более свежим. Из переулков вдоль стен пробирался туман, похожий на стаи пушистых белых горных волков.

Морео глубоко вдохнул воздух, наполненный сыростью, и почувствовал себя гораздо лучше. Глаза его вдруг блеснули азартом настоящего охотника реальнейшего, и если бы Грави не шёл беспечно немного впереди, то он бы заметил эту перемену. Но Великий Врачеватель, решив, что уделил достаточно внимания несговорчивому пациенту, шёл, занятый своими мыслями. Он думал о своих пациентах из Дома Радости, разнося замеченные им недавно детали их состояния по соответствующим графам своих мысленных записей. Занятый этой работой, Грави не сразу понял, что больше не слышит за собой пружинистых шагов Кошачьего Бога. Он обернулся и тут же почувствовал, как будто горячая темнота коснулась его лица, обожгла глаза – так, что он мгновенно ослеп. И уже после этого его очки, теперь уже бесполезные, с жалобным звоном неправдоподобно медленно упали на мостовую и разбились на чёрные осколки...

Морео выбрал самую тёмную часть пути – ту, где улица Горной Стороны петляла перед холмом, с которого уже шла прямая дорога к озеру. Он неприятно сощурился и понял, что врачеватель ведёт его в Дом Радости. Он чувствовал также, что Грави Эгрото не врал ему, когда говорил о собирателях знаний, которые ждут его помощи. Но это был Дом Радости, Окло-Ко его заберут, и Кошачий Бог не позволит хитрому врачевателю так просто заточить его с безумцами! Морео ясно видел, что Грави расслабился после своей победы: врачеватель думал, что дело сделано, но у охотника на этот счёт было своё мнение. Кошачий Бог изо всех сил представил темноту городской канализации, всю без остатка – так, что на мгновение у него самого потемнело перед глазами. Но он был привычен к темноте, к тому же мог видеть кошачьими глазами.

– Кажется, мы немного заблудились? – издевательски прошипел Морео у самого уха ослепшего Грави.

Великий Эгрото выглядел вполне беспомощно: он напоминал подслеповатого старика, который не может найти свои очки. Сначала он протянул руки вперёд, как будто надеясь разогнать эту кромешную темноту, но потом понял, что это бесполезно, и просто стоял неподвижно, шире расставив ноги, чтобы не упасть.

– Ну что, врачеватель, может, для начала вылечишь себя? – продолжал Морео, скользя тенью вокруг Грави. Голос Кошачьего Бога окружал доктора, звучал с разных сторон, и от этого начинала кружиться голова. – Или ты решил, что можно просто привести меня в Дом Радости, как новый дешёвый организм для твоих опытов? Если я и привык общаться с теми, кто слабее меня, то ты, вероятно, привык общаться с безропотными безумцами. Но я не такой. Нет, я совсем не такой, слышишь?

Грави всё не отвечал – он стоял, сосредоточенно смотря перед собой пустыми остановившимися глазами. Он думал, как выбираться из этой ловушки, чувствуя подкатывающую к горлу тошноту от голоса охотника.

– Что же ты молчишь? Скажи что-нибудь, ты ведь так хорошо умеешь убеждать! – воскликнул Морео, и в голосе его слышалось раздражение. Он хотел поиграть со своей жертвой, но с Грави было не так интересно. – Я хочу, чтобы ты говорил со мной!

Врачеватель почувствовал липкие, пропахшие кровью нити чужого страха и отчаяния, которые стали опутывать его, подбираясь к горлу.

– Ты... отличный охотник, – выдохнул он и покачал головой, – но ты болен, ужасно болен.

Морео только расхохотался в ответ.

– Добрый доктор хотел вылечить меня, – пропел отвратительным тонким голоском Кошачий Бог. – Добрый, добрый доктор. Но доктору следует всё-таки признать, что есть случаи, которые нельзя вылечить. Я хочу, чтобы даже Великий Врачеватель это понял.

Ядовитые слова попадали в кровь Эгрото – он уже чувствовал эту слабость и дуновение неподвижного ветра, который размывал силуэты представляемых вещей в его голове, лишая этой последней связи с миром. Так подступало безумие.

Врачеватель увидел вдруг длинный тёмный коридор с рядом закрытых дверей. Из-за некоторых из них слышались крики, стоны, шорохи, скрипы, смех. Грави осторожно шёл по коридору, прислоняясь к холодной каменной стене, прислушиваясь, осторожно переставляя ноги, шаг за шагом. Весь пол был усыпан невидимым мусором, и Грави приходилось напрягать все свои силы, чтобы не упасть. Остановившись перевести дух, он оказался возле двери, за которой была тишина. Сначала врачевателю очень захотелось открыть эту дверь и отдохнуть от беспорядочных звуков, которые лезли в его голову со всех сторон, но потом он резко отшатнулся и побежал прочь, не обращая внимания ни на свою слепоту, ни на завалы мусора под ногами, ни на оглушительный хохот, который преследовал его. Он не оборачивался, но чувствовал, что дверь открылась – и то, что было заперто в ней, вырвалось на свободу.

И всё-таки Грави не зря был Великим Врачевателем и давним обитателем реальнейшего. Он остановился и медленно досчитал до пяти, вспоминая свои собственные теории и записи и стараясь представить плотно закрытую дверь. Но было поздно: вся ненависть, всё раздражение, вся брезгливость, которые когда-либо вызывали в нём люди, тут же разом нахлынули на него снова, сбивая с ног. Он всегда знал, что опасно относиться ко всем людям хорошо, считая это своей обязанностью – подавлять любое неподобающее врачу чувство, знал, что это рано или поздно припомнится врачевателю, но всё не находил времени придумать защиту. Воистину оружейник без оружия. Да он и не думал, что какой-нибудь охотник сможет оказаться сильнее.

Отплёвываясь от чёрной воды ненависти, слушая издевательства Морео где-то далеко на поверхности, Грави-игрок и Грави-врач решали дилемму о врачебной этике. Грави-игрок справедливо упрекал Грави-врача в том, что это по его милости они оказались в такой ситуации, и тому, кто так много времени проводит в реальнейшем, неплохо бы научиться слушать своего игрока хотя бы иногда. На что Грави-врач справедливо возражал, что без него не было бы вообще никакого реальнейшего. Наконец Грави-игрок сказал: «Он напал на тебя со спины, подло, как и подобает хищнику. Он сначала согласился пойти с тобой, обманул тебя, а потом напал. Если ты не будешь сопротивляться, ты повредишь реальнейшему». Не то чтобы Грави был очень возмущён поступком Морео или очень заботился о законах реальнейшего, но всё это, вместе с желанием выжить, перевесило чашу весов в сторону игрока. К тому же Грави-врач нехотя признал, что для этого пациента, возможно, это тоже последний шанс вернуться из той темноты, в которую он сам себя загнал. Собрав все свои силы, Грави вынырнул на поверхность неподвижной, маслянистой воды.

Морео-хищник чувствовал себя победителем. Справиться с доктором оказалось не так сложно. Конечно, охотнику в реальнейшем не подобает нападать со спины, без предупрежде-

ния – но выбора у Кошачьего Бога не было. Это был всё-таки не убийца котят, а сам Великий Врачеватель. Был, да сплыл.

Морео моргнул – и внезапно оказался в своём старом доме у Западных ворот Тар-Кахола. Доме, который он собственноручно сжёг три года назад. В панике Кошачий Бог вскочил и огляделся: в окне разливались мёдом тёплые поздне-весенние сумерки, в комнате были разбросаны листки бумаги с обрывками стихов, одежда, на столе стояли собранные вечером цветы – лиловые фрезии. Он собирался идти к ней, стоять под окном и ждать, когда она выглянет и засмеётся, и скажет, как всегда: «Ну что ты опять там стоишь, иди чай пить!» То есть, конечно, она не могла ничего сказать, потому что она была кошкой. Точнее, стала именно в этот день. Ровно три года назад...

Морео сел на кровать и схватился за голову. Внезапно он почувствовал, что не один в комнате – но, быстро оглянувшись, никого не увидел. Тот, кого не было в комнате, приказал ему пойти и посмотреть на себя в зеркало. Морео повиновался и в ужасе отпрянул от своего отражения: и как он мог хотя бы подумать, что в таком виде можно показаться ей на глаза? Из зеркала на него смотрела ухмыляющаяся морда охотника. Три года Кошачий Бог не видел своего отражения, отворачиваясь даже от мутной воды канализации.

– Может быть, из-за этого она и превратилась в кошку – поняла, что ты всё равно, рано или поздно, станешь охотником? – послышался насмешливый голос. – Может быть, та старая маска – благородного рыцаря – была, на самом деле, слишком хороша для тебя?

Морео резко обернулся, но никого не увидел. Схватив зеркало со стены, он размахнулся и бросил его об пол. Зеркало разлетелось на множество кусочков, которые сияли в последних лучах закатного солнца.

– Ну что ты так переживаешь, успокойся, – посоветовал невидимый доброжелатель. Предусмотрительно невидимый, поскольку, если бы Морео мог увидеть его, он легко перегрыз бы ему горло. – У тебя есть такой шанс – иди к ней, поговори, расскажи, как живёшь теперь. Не многим удаётся проделать такое.

– Да пошёл ты! – закричал Морео, закрывая лицо руками.

– Я хочу как лучше. Всё ради пациентов – такое у меня правило. Хочу, чтобы ты мог ещё раз обнять её. Разве не об этом мечтают все влюблённые? – этот мягкий голос, конечно, принадлежал Грави Эгрото.

Морео даже не смог удивиться, как тому удалось выбраться из-под затопившей его с головой темноты. Кошачий Бог сполз по стене на пол рядом с кроватью и спрятал лицо в руках, сотрясаясь от бесшумных рыданий. Казалось, что на каком-то большом приборе его жизни за ненужностью выключили звук.

– Забери меня отсюда, куда угодно забери, пожалуйста, – слышалось бормотание Морео.

– Это всего лишь прошлое. Твоё прошлое. Чего ты так боишься? Я не понимаю, – продолжал Эгрото, расхаживая по комнате. От взмахов его плаща разлетались исписанные глупыми стихами листки. – Одна моя пациентка – там, в Доме Радости, который ты так презираешь, – как-то сказала, что любовь – это когда после смерти человека ты живёшь так, будто он жив. Впрочем, я ничего не понимаю в любви. И она, думаю, тоже. Мы ведь все там немного не в себе. Иногда даже очень. Разумеется, тебе там не место. Здоровым, сильным людям, да ещё и таким ловким охотникам в реальнейшем – не место в Доме Радости. Прости, что потащил тебя к нам. Признаю, что это была моя ошибка.

Слова врачевателя всё звучали, постепенно сливаясь с миром, становились уличным шумом, который стих, как только наступила ночь.

Почувствовав тишину, Морео поднял голову и увидел на полу след от луны, большой жёлтой луны, висящей прямо напротив окна. Кошачий Бог поднялся, стирая грязными рукавами слёзы, бегущие по щёкам, отчего на его лице остались чёрные полосы, напоминающие кошачьи усы. Он подошёл к окну и вдохнул свежий тёмный воздух с ярким запахом лунного

света. Точно такой же запах был у того воздуха в городском саду, где он бродил, не находя себе места от какого-то необыкновенного чувства, давящего изнутри, как росток дуба на твёрдую оболочку жёлудя. Тогда он совершенно случайно забрёл в реальнейшее. И увёл за собой её. И реальнейшее поглотило их обоих – каждого по-своему. Хотя был шанс, очень маленький шанс, что они могут остаться невредимыми. Но он ничего не смог сделать. «А если она ждёт, когда ты её спасёшь? Или не читал в детстве сказок про драконов и принцесс в заколдованных пещерах и башнях, а, Морео?» – этот голос принадлежал уже не врачу-врачевателю. Тот, кажется, ушёл насовсем, оставив Кошачьего Бога в том прошлом, в котором ему настоящему не оставалось никакого места.

Морео лёг на пол под окном, прямо в лужу лунного света, свернулся в клубок и закрыл глаза. Если бы он бы Собачьим Богом, он бы тихо заскулил, но он был Кошачьим Богом, поэтому он только лежал неподвижно, отсчитывая удары своего сердца и мечтая о том, чтобы все девять жизней прошли как можно скорее.

2.2.2 *Licentia poetica*²⁵

На Тар-Кахол медленно опускались долгие весенние сумерки, которые удлиняли тени и размывали контуры вечерних городских зарисовок. По улице Весенних Ветров быстро шли двое: статный высокий юноша с длинными светлыми волосами и закутанная в тёмно-синий плащ девушка небольшого роста, лицо которой скрывал широкий капюшон.

– Что ты чувствуешь здесь? – спросил юноша, повернув голову к своей спутнице, так что серебряные колокольчики в его волосах коротко звякнули.

– Я чувствую, как тысячи слов подкарауливают меня в переулках, хватают меня за руки, как нищенки у собора Защитника, я чувствую, как гудит в моей голове огромный колокол, как, несмотря ни на что, прекрасен этот город, сколько здесь цветов, линий, запахов, звуков, которые только и ждут, чтобы я подарила им вечную жизнь, а ещё чувствую досаду на то, что ты отвлекаешь меня.

– Ну прости меня, – обезоруживающе развёл руками Сорел. – Но вообще, я имел в виду не Тар-Кахол.

Кора вздохнула – она ещё помнила себя, когда только начинала свои путешествия в реальнейшем. И удержалась от язвительного замечания.

– Я поняла, – коротко сказала она.

В голове звучали слова, постоянно, на разные голоса, как будто она сбежала из Дома Радости. Так что для того, чтобы слышать за этим шумом внешний мир, ей приходилось прилагать немалые усилия.

– На самом деле, я хотел у тебя кое-что спросить, – сказал Сорел.

«С этого и надо было начинать», – ворчливо подумала Кора, но тут же снова одёрнула себя: невозможно требовать от человека, чтобы он сразу понял все правила.

– Со мной тут на площади недавно познакомился один человек – с виду, обычный горожанин, всё восторгался стихами, расспрашивал, потом мы пошли в таверну, выпили...

– Точнее, он тебя угостил, – многозначительно заметила Кора.

Сорел только улыбнулся.

– Ну, потом мы ещё несколько раз встречались в тавернах, я читал ему стихи, он восторженно слушал. Нет, ну а что такого? – защищаясь, спросил Сорел, заметив взгляд Кору Лапис. – Я считаю, что если человек хочет меня угостить, то не мне ему запрещать. Тем более, что он получает от этого гораздо больше удовольствия, чем я. Можно подумать, у тебя нет поклонников.

²⁵ «Поэтическая вольность» (лат.).

Кора неопределённо хмыкнула, но ничего не сказала.

– Но потом я почувствовал что-то, знаешь, какой-то слишком внимательный взгляд, даже когда он пил, то всегда так внимательно слушал, ловил каждое моё слово. А потом так осторожно стал забрасывать камешки: про вечера поэзии, про то, как его привлекает всё тайное, про то, что поэты, как он сказал, больше всех страдают от несовершенства земного мира. В общем, есть у меня подозрение, что он из птичниковых выкормышей.

– Мышей, – задумчиво отозвались Кора.

– Что? – не понял Сорел.

– Ничего. Приводи своего поклонника вечером в дом, там и проверим, что за зверь.

– Ты серьёзно? – удивлённо спросил Сорел.

– Тут только «серьёзно» и можно, я же тебе говорила, – вздохнула Кора, – а сейчас я хочу погулять в одиночестве.

Сорел молча откланялся, оставляя в воздухе мелодичный перезвон колокольчиков.

До вечера Кора бродила по городу, как солнечная тень: она любила гулять по Тар-Кахолу в реальнейшем, поскольку никто её не узнавал. Ближе к вечеру она вышла на улицу Весенних Ветров, свернула в переулок Мастеров и оказалась на площади Морской Стороны, за которой постепенно начиналась «тёмная» часть города, самая удалённая от королевской резиденции и ратуши.

Тар-Кахол, в отличие от большинства столиц, не имел славы криминального города: преступления против горожан совершались достаточно редко, и воспринимались как неприятная случайность. И то, что в «тёмных» кварталах вероятность такой неприятности немного повышалась, составляло знание, подобное тому, что у озера ночью может быть холодно, поэтому стоит захватить плащ. Тем не менее именно в этой части столицы оседало большинство бродяг, мелких воришек, уличных артистов и музыкантов. Здесь была своя атмосфера, ночь почти не разнилась ото дня, в отличие от предсказуемого распорядка «благопристойных» районов, постоянно слышалась музыка, крики, завывания бродячих собак и мяуканье кошек.

И именно в этой части Тар-Кахола был самый знаменитый «поэтикс» – дом для чтения стихов. Он находился в огромном заброшенном недостроенном особняке, который имел дурную славу дома с привидениями, и бродячие поэты успешно этой славой пользовались, как плащом-невидимкой, для своих собраний.

Кора Лапис не спеша подошла к «Поэтиксу». Уже наступили сумерки, и Тёмный город как будто ворочался, вздыхал и расправлял плечи, погружаясь в свою привычную среду. В темноте дом приобретал причудливые очертания, напоминая постоянно меняющую форму чудовище, с которым, по легендам, сражался Защитник.

Кора постучала в едва различимую дверь четырёхступным дактилем, дверь тут же открылась, и внутренняя темнота с жадностью поглотила её.

Здание казалось пустым. Но Кора уверенно направилась по крутой лестнице на второй этаж, не глядя переступая пустоту на местах сгнивших ступеней. На втором этаже был большой зал с колоннами, по углам которого, как пауки, прятались тёмные силуэты. Длинные трубы масляных ламп на стенах не могли вытеснить всю темноту, гости которой заходили в особняк без стука. «Рад видеть Вас, принцесса», – прошептал кто-то Коре. Она вздрогнула, узнавая голос своего главного партнёра и противника здесь. «Приберегите слова для поединка, Айл-мастер», – шепнула Кора в темноту и направилась на поиски Сорела. В середине зала она замерла на секунду и двинулась в сторону едва слышного звона колокольчиков. Сорел, необычно напряжённый, стоял в углу, вместе с незнакомым Коре человеком. Из-под тени капюшона можно было разглядеть только аккуратные усы и тонкие губы, сжатые чуть более плотно, как будто удерживающие неуместную насмешливую улыбку.

– Кора, познакомься, это лори Нимеон, из Дальней стороны. Он услышал твои стихи на площади и был поражён, сказал, что это лучшее, что он слышал в столице.

Вежливая улыбка.

– Кора Лапис, – кивнул Кора.

Вторая вежливая улыбка. Сорел многозначительно уставился на Кору, но это было излишне: она и так прекрасно поняла, что это тот самый человек, который вызвал его подозрение. Теперь Кора точно видела, что подозрения оправдались: в реальнейшем было очевидно, что этот человек пришёл не слушать стихи. С отвращением она чувствовала, что он вообще не любит стихи. Точнее, ему всё равно. Значит, он явно пришёл что-то разнюхать, использовать их. Но он за это поплатится. Теперь уже Коре пришлось скрывать хищную улыбку, чтобы не вспугнуть дичь раньше времени.

– Сорел, первый поединок твой? – спросила Кора, и тут же выражение лица её приятеля стало серьёзным, черты лица заострились: Кора знала, что Сорел изо всех сил прячет от неё свой страх.

По традиции новички выступали первыми. Противником Сорела был насмешливый Квиррел, по прозвищу «шут». Он мог бы легко стать шутком при дворе самого взыскательного короля – настолько тонкими и изысканно-ядовитыми были его шутки, – но развлекал обычно только толпу городских босяков. Если бы в реальнейшем можно было бы шутить всерьёз, никто не сравнился бы с Квиррелом, но в поэзии он был новичком. Впрочем, это всё равно был очень сильный противник. «Удачи», – шепнула Кора и ободряюще улыбнулась Сорелу, когда его вызвали на арену, а зрители притихли в ожидании первой крови. Сорел, всегда такой самоуверенный и даже заносчивый, выглядел, как испуганный ребёнок.

– Поединок, тари? – спросил лори Нимеон. – Поэтическое состязание, в котором зрители решают, кто победит? Я прошу прощения, что задаю такие вопросы, тари, я первый раз в столице – человек, можно сказать, дикий, – тут он улыбнулся такой изящной улыбкой, что Кора поняла: по крайней мере титул этого шпиона настоящий. Что же, тем приятнее будет проучить его.

– Вы правы, лори, всё так и есть, – вежливо улыбнулась Кора.

И она даже не солгала, чего в реальнейшем не позволялось: со стороны человека в реальности всё должно было выглядеть именно так.

Затем она подошла чуть ближе и стала с беспокойством вглядываться в центр зала, поскольку настоящие правила поединков были далеки от того, что представлял себе лори Нимеон. Впрочем, как таковых правил почти не было, кроме правила о том, что победитель поединка вызывает любого из присутствующим на следующий поединок, а выбранный не может отказаться. Поэтому случайных людей здесь не было. Также по неписаному правилу поэты выбирали поэтов, но слушатели здесь тоже были сильнейшие – другие не выдерживали. В остальном действовали правила реальнейшего. А сочинять стихи в реальнейшем было почти невозможно, поскольку требовалось верить в каждое своё слово, в каждую запятую, иначе ни одно слово просто не могло прозвучать. А верить – означало быстро и крепко пришивать каждое слово к тонкой ткани настоящего, и в этом занятии часто было не до красоты слога, так желанной поэтам. Но если ты не мог ничего сказать в реальнейшем, то в реальном не мог зваться поэтом, как бы изящны и точны не были твои рифмы.

Каждый поединок заканчивался непредсказуемо: проигравший мог вообще исчезнуть, измениться настолько, что его не узнают даже друзья, сойти с ума (то есть то, что так называли в реальном), могло случиться *вообще что угодно* – и зрители-слушатели тоже рисковали. Но в этом и был азарт.

Сорел и Квиррел вышли в центр зала (Коре всегда казались лишними эти церемонии), и Мастер провозгласил:

– Вы стоите на эшафоте. Вас осудили, кажется, за пьяную драку. Возможно, вы даже убили человека. Вашей шеи вот-вот коснётся грубая пеньковая верёвка, и мир навсегда уйдёт из-под ног. Но пока вы видите перед собой толпу пьяных ожиданием зрелища лиц...

Кора закрыла глаза и сглотнула: Сорел выглядел на эшафоте совсем ребёнком. Он беспомощно оглядывался под огнём сотен взбудораженных ожиданием скорой смерти взглядов, в воздухе остро пахло злорадным любопытством.

«Ну же, Сорел, ты можешь», – думала Кора, хотя прекрасно знала, что выступающие надёжно защищены от посторонней помощи.

Сорел нервно откашлялся, что подействовало на толпу, как запах барсука в норе на гончую. Кора закрыла глаза ещё раз.

*– Хм... Принесите, пожалуйста, мне
табуретку для вдохновения,
и я расскажу вам историю
одного знакомого гения –
печальную,
но короткую.*

*Когда он был маленьким, –
ростом примерно
с крупного дога, –
то больше всего на свете
мечтал научить попугая
говорить свободно
на трёх языках,
стихами и прозой,
придумал даже свой собственный
авторский метод для этого –
а тот попугай за неделю
взял да и помер.*

*С того самого времени
я опасаюсь о чём-то
мечтать серьёзно.*

*Хорошо, что теперь
уже поздно.*

Толпа зрителей улыбнулась в хищном ожидании, но кто-то принёс табуретку: Кора, не открывая глаз, услышала короткий деревянный стук, когда все четыре ножки опустились на пол. Сорел улыбнулся и легко забрался ногами на табуретку, становясь выше всех. Посмотрел в тёмный потолок и словно сощурился от лучей невидимого солнца. Резко звякнули колокольчики.

*– Посмотрите: я выше вас всех,
я словно король на троне.
Скоро смогу передать привет
самому Котрилу Лийору,
лучше которого
нет никого на свете,
и вряд ли будет.*

*Помните, что он сказал,
про тех, кто его осудит?*

*Я знаю, что скоро болтаться мне,
на радость вранам, на страх детворе.
Покрошите хлеба под ноги –
от вас не убудет.*

*Чтобы птицы склевали мои глаза
не сразу.*

*Чтобы я мог подольше
смотреть на вас, любоваться,
как ваше стадо
разбредается по домам.*

*Как вы обсуждаете,
что приготовить на ужин
и с кем сейчас
готовится воевать ваш король.*

*Будете вспоминать драчуна,
что болтается нынче с петлёй
на шее. «И поделом, – скажете, –
вот я-то бы никогда...», –
а я буду просто
смотреть на вас свысока,
пока
добрые птицы
не выключают мне
глаза.*

*Любители падали
в этом мире всегда
получают своё.*

*Вокруг меня – настоящее вороньё,
и я знаю, что наступает финал,
но это меня не пугает.*

*Я знаю, что все вы скоро
завидовать будете мёртвым –
тем, у кого вместо глаз
тёмное дно колодца.*

*Когда обернусь я в огромного ворона
и чёрным крылом навсегда
закрою от вас
солнце!*

Кора резко открыла глаза: темно. Ещё раз: снова темно. Ещё и ещё. Вместе с ужасом она испытывала огромную радость и гордость за своего друга. «У тебя получилось, Окло-Ко тебя не забери никогда! Хотя ты и рисковал, как мальчишка», – хрипло улыбалась она, карабкаясь в темноте. Но пора было выбирать: Кора обратилась в сокола и взвилась в высь, в самую темноту, где летела до тех пор, пока не увидела солнце и не почувствовала запах горящих перьев. Открыла глаза, ещё раз, и ещё...

Кора огляделась: другим зрителям приходиться в себя было тяжелее. Кто-то, цепляясь за стену, спускался вниз. Кого-то держали за руки у открытого окна. Лори Нимеон испуганно озирался и нелепо дёргал Кору за рукав. Но она, не обращая на него внимания, быстро прошла через пустую середину зала к табурету, на котором всё ещё застыл Сорел, и протянула ему руку.

– Спускайся, ворон, – усмехнулась она, – не представляю даже, как тебе удалось поверить в такое безумие. Больше так не делай.

Сорел соскользнул вниз с эшафота и крепко обнял Кору, и она услышала нежное позвякивание колокольчиков прямо у своего уха.

– Как трогательно, – раздался знакомый холодный голос. – Тебе повезло, мальчишка. А сейчас, если позволите, мы всё-таки выслушаем другую сторону.

Сорел и Кора поспешно отошли в тень стены и замерли. Спорить с Мастером не было сил. К тому же, действительно, пора было уже выслушать Квиррела, который тем временем уже выбирался в центр зала – огромный и бородатый, он напоминал боцмана на торговом корабле.

Квиррел удивлённо посмотрел на табурет, как будто не видел недавнего представления, затем чуть подвинул его и сел, смотря под ноги.

Зрители уже пришли в себя и снова обступили эшафот. Толпа привычно замерла в ожидании жестокого зрелища. Но Квиррел, казалось, не обращал внимания на зрителей. Многие из них привыкли видеть его в шутовском облики и ожидали очередной остроумной выходки.

*– Как всегда, мне повезло:
я чувствую себя уверенней
с этой петлёй на шее,
честное слово.*

*Два раза меня уже вешали –
и всё безуспешно.
Верёвка не выдерживала
моего веса.
Или моей удачи.
Или, скорее всего,
пенька дешёвая,
купленная на сдачу
палачами-скрягами,
оказывалась негодной.*

*Я не хочу никого обвинять,
прошу за меня помолиться –
тем, кто верит.*

*И пожертвовать мне свой пояс
или ремень, или галстук,*

*или подвязку -
кто что может.
Ну же, смелее! Что же вы?
Неужели вам жалко?
Представляете, каково это:
третий раз оказаться в яме
под эшафотом.
А потом эти гуманисты
вытащат меня – и скажут:
«Второй раз нельзя
вешать, такая традиция», –
им наплевать, что меня
с каждым разом
остаётся всё меньше.
Так что теперь я живой
только на треть всего.
И справиться с этим мной
под силу даже ребёнку.*

*Ну, кто хочет побыть палачом? Смелее!
Вы ведь знаете: я осуждён справедливым судом.*

*Только предупреждаю: если опять
оборвётся верёвка, я легко
любого из вас задушу
одной левой.*

Кора улыбнулась: она всегда радовалась, когда поединки заканчивались вничью. А Квиррелу действительно повезло: кажется, как-то в реальном он был приговорён к смерти, но в последний момент помилован. Иначе он не смог бы произнести в реальнейшем такие слова – никто бы не смог, даже Кора. Как бы там ни было, проигравших в этом поединке не было, и все вроде бы остались живы и даже при своём уме.

Кора посмотрела на улыбку Сорела и поняла, что не зря считала его своим другом: он улыбнулся успеху соперника в реальнейшем, а это дорогого стоило. Тем не менее для новичка это было слишком, и Кора потащила своего друга на первый этаж, где, после долгих блужданий, можно было найти что-нибудь выпить.

Вечно спящий бармен налил им апельсинового сока с каплей солнечного света, и они, устроившись на высоких стульях, зажмурились, чтобы увидеть рассвет на побережье Островной стороны. Крики чаек и мерное дыхание океана. Солёное спокойствие и кисло-сладкая радость...

Кора очнулась от тревожного звона колокольчиков: следовало вернуться. Они могли пропустить все поединки, но теперь наверняка Мастер остался один и уже обводит оставшихся зрителей и поэтов своим колючим взглядом в поисках жертвы.

– Я уж думал, ты сбежала, наша бесстрашная Кора Лапис, – громогласно приветствовал её Мастер, как только она ступила на верх прогнившей лестницы, – но рад, что ошибся. Мы тут немного развлеклись, и вот теперь моя очередь выбирать себе жертву. То есть соперника, я имел в виду.

Мастер был единственным здесь, кто мог позволить себе язвить в реальнейшем. Кора вжалась в стену и почувствовала едва уловимое ободряющее прикосновение Сорела к своему холодному, как лёд, запястью.

– Я выбираю тебя, Кора Лапис, – произнёс Мастер.

И ей не оставалось ничего другого, кроме как выйти в центр уже почти опустевшего зала. Краем взгляда она заметила, что лори Нимеон всё ещё здесь: видимо, он не мог вернуться к тем, кто его подослал, ни с чем. Это означало, что ставки для неё в этом поединке удваивались.

– Дорогая Кора, я столько раз побеждал тебя, что на этот раз хочу дать тебе шанс, – прозвучал издевательский голос. – Ты знаешь, что я ненавижу стихи о любви. Поэтому сегодня у тебя, кажется, появилось небольшое преимущество. Потому что наша тема – любовь несчастного трубадура к даме сердца.

«Ты знаешь, мерзавец, что я не пишу о любви», – с ненавистью подумала Кора, но в голове у неё тут же сдвинулись и пришли в движение огромные плиты, заставляя перепрыгивать ручьи лавы и бежать на вершину вулкана: сегодня она не могла проиграть.

– По правилам, ты первый! – торопливо проговорила Кора. Она смотрела на Мастера, не отводя взгляда.

– О, не переживай, я знаю правила. И тему эту придумал только что. Но и ты помни, что мне в этом случае достанутся все козыри: ты не можешь использовать ничего из того, о чём скажу я.

Кора только кивнула. Мастер и сам никогда не писал стихов о любви – это правда, – поэтому он был слишком занят непростой и для себя самой задачей, чтобы заметить, как странно на него смотрит Кора. «Ну что же, ты сам выбрал свою смерть, я не буду тебя жалеть», – подумала она.

Луна повисла прямо под потолком. Нежный пьянящий аромат жасмина разлился в воздухе – и никто пока не догадывался, что это запах пыли осыпающихся стен. Зазвучала музыка, далёкая и щемящая. На этом фоне неприятный, скрипучий голос Мастера проступал ещё резче.

*– Ступайте, Айлири, уж лучше молиться в храме –
всё меньше вреда от этого будет, право.
Вы мне желанны, как рыцарю – смерть бою,
но то, что сейчас говорю я – себе не прощу.*

*И вам не прощу никогда, поэтому лучше
бегите и прячьтесь, ищите яму поглубже.
Не спрятаться вам всё равно от мести моей:
я вас утоплю, повешу, сожгу на костре.*

*Я вас поцелую, а после выставлю вон –
за то, что посмели вы думать, что я влюблён,
за то, что так нежно сияют ваши глаза,
за то, что ваш профиль так тонок в рамке окна.
Вы просто воровка печальных, красивых слов:
вам кажется, я сейчас говорю про любовь.
Но вы глубоко ошибаетесь, милая лири –
по счастью, любви не бывает в реальнейшем мире.*

Кора смотрела и видела на верхнем этаже башни девушку с длинными волосами, которая испуганно вглядывалась в темноту ночного сада. «Кто вы?» – как можно тише прошеп-

тала Кора. Но девушка в башне услышала и, ответив: «Я не знаю. Я просто оказалась здесь, этот человек привёл меня», указала на Мастера, увидев его тень между деревьев. «Неплохо, Мастер, – подумала Кора, – очень неплохо. Но ты небрежно замаскировался».

Мастер продолжал говорить, и в его голосе уже звучала настоящая ненависть, когда девушка в башне под неотрывным взглядом Кору стала бледнеть, исчезать, а вместо неё Кора вдруг увидела своё отражение, вскрикнула и, не удержавшись за стену башни, полетела в кусты, больно оцарапав руки.

– Ай-ай-ай, как жаль, – притворно сочувственно произнёс Мастер, когда Кора поднялась на ноги посреди тёмного зала, – но подсматривать нехорошо, принцесса.

Кора зло взглянула на своего противника. У неё было совсем мало времени, чтобы решиться, но она опять заметила в глубине зала лори Нимеона, и это добавило ей смелости.

*– Ты знаешь, Мастер, лучше многих,
что тот, кто выше всех чертогов
своей вознёсся головой –
тот легче попадает в сети
своих придуманных миров
и кружит там, подобно сому:
холодный, скользкий и немой.*

*Не в силах совладать с собой,
ты оставляешь за чертой
привычного тебе порядка
всё то, что не проходит гладко,
всё то, что прямо пред тобой –
и оттого невероятно.*

*Как у поэта нет стихов,
как у портного нет портов,
как у студента нет долгов,
а у ростовщика – врагов,
как нет при короле льстецов,
так у тебя – любовных слов.*

*Ты говоришь мне: «Ненавижу»,
я слышу: «Ты моя любовь».*

*И я тебе отвечу вновь:
ты величайший из богов,
что нынче правят этим миром,
но зря испытываешь силы
мои – мне больше повезло:
я просто птица в небе синем,
и если ловкий птицелов
меня когда-нибудь поймает,
я просто перестану петь,
и никогда он не узнает
того, что можно подсмотреть
лишь осторожно наблюдая.*

Переведа дыхание, Кора с тревогой огляделась: ни башни, ни Мастера не было, она осталась одна в ночном саду, под огромной жёлтой луной.

– Кора, ты победила! – Сорел едва не сбил её с ног, обнимая.

– Будет тебе, будет, – проворчала она.

Её радость омрачалась исчезновением Мастера. Жестокость не была её сильной стороной, и она даже в реальнейшем умудрялась испытывать угрызения совести. Тем не менее нужно было завершить то, ради чего она пожертвовала Мастером и немного собой. Кора оглядела публику, поредевшую, как город после чумы, и сказала хриплым голосом:

– Кажется, я победила. Поэтому могу выбрать себе противника.

В зале прошелестел удивлённый шёпот: все знали, что здесь больше нет достойных противников Коре Лапис. Но возражать никто не посмел.

– И я выбираю того, кто назвался лори Нимеоном из Дальней стороны, но кто он на самом деле – мы сейчас узнаем.

Лори Нимеон выдал себя тем, что растерянно оглядывался, как будто не узнавая своё выдуманное имя и рассчитывая, что сейчас кто-то из зрителей выйдет вперёд вместо него. Тем временем остальные почувствовали интересную развязку вечера и со смехом вытолкнули лже-Нимеона вперёд. Кора быстро подошла, взяла своего бледного, как свежий творог, противника за руку и выдернула его за собой в реальнейшее. Капюшон слетел с его головы, и кто-то среди зрителей негромко присвистнул. Но Кора видела этого человека впервые: неприметная внешность, волосы не светлые и не тёмные, черты лица правильные, глаза бесцветные, но умные.

– Вот теперь мы поговорим, лори, – сказала Кора.

Надо было признать, что он держался неплохо для человека, против воли попавшего в реальнейшее.

– Что вам от меня нужно? – лори Нимеон попятился к стене под горящим взглядом этой маленькой странной женщины.

– Для начала я хочу, чтобы вы сказали своё имя и кому вы служите, – приказала Кора. И добавила, наблюдая, как пойманный в ловушку человек пытается незаметно достать кинжал из своего высокого сапога: – Здесь вы не сможете сделать ничего, чего я не хочу. Не сможете убежать. Так что отвечайте, я не буду повторять.

– Меня... я шейлир Лейтери, служу в Обществе Королевских Птицеловов, в Зале Словесных Злоупотреблений, – с ненавистью проговорил лори Лейтери.

– Так и знала, птичник, – презрительно заметила Кора.

– Что вам от меня надо? – повторил Лейтери.

– О, не паникуйте так, лори, – издевательски улыбнулась она. – Я всего лишь хотела узнать, что вам понадобилось на нашем скромном вечере поэзии. Вы ведь не любите стихи, правда?

– Терпеть не могу, – с отвращением кивнул птичник.

– Значит, вы хотели что-то разноухать здесь и доложить своему начальству? – спросила Кора и тут же добавила: – Можете не отвечать.

Лейтери посмотрел на неё с ненавистью.

– Думаю, вам будет что рассказать. Но, раз уж вы попали в наш клуб, я хочу попытаться привить вам любовь к поэзии. Хочу, чтобы вы прониклись искусством рифмованных слов, – ласково проговорила Кора.

Здесь Лейтери предпринял вторую попытку сбежать, но только растянулся на полу, разбив себе нос, так что из него полилась кровь. Он достал белый шёлковый платок, приложил его к лицу – и на платке тут же расцвели причудливые алые цветы.

– Аккуратнее, лори, – пропела Кора. – Но вот нам как раз и тема для начала: придумайте мне пару строчек про кровь. Только без рифмы «любовь», умоляю вас.

Лейтери непонимающе уставился на Кору. Кажется, он уже понял, что от этой безумной ему так просто не отделаться. Стараясь не думать о том, почему кинжал, припрятанный в сапоге, исчез, почему при попытке уйти рядом с ним вырастает невидимая стена, а в груди растёт и волнами подбирается к горлу непонятная тошнота, Королевский Птицелов мучительно соображал, что делать.

– Ну же, это просто, – подбадривала тем временем Кора. – Стихи – это просто ритмичная речь. Как полк солдат на марше – так вам, наверное, будет понятнее. Слова идут в одном ритме, иногда сбиваясь, иногда устраивая переключку созвучными словами – рифмами – вот это и есть стихи.

– Я... я не могу. Я никогда не сочинял стихи, – выдавил Лейтери.

– А вы попробуйте, – не унималась Кора. – Всё когда-то бывает в первый раз, верно? Вот я никогда раньше не разговаривала всерьёз с настоящим птичником. Но, похоже, вы действительно не можете. Тогда я вам помогу. Вот, например, можно сказать так: «Кровь – это жизни изменчивый жаркий поток». Дальше?

Лейтери оглушительно задумался. С его лица впору было рисовать картину медленного пробуждения мысли в каменном изваянии.

– «Кровь из раны без остановки течёт», – сказал он, и тут же кровь из разбитого носа, которая почти остановилась, начала идти с новой силой.

Платок из белого превратился в красный, а кровь всё не останавливалась. Лейтери в ужасе закричал, закрывая нос рукавом своего щегольского костюма, полами плаща – но всё было тщетно.

– Ты задумала убить его? – встревоженно прошептал Сорел над ухом Кору.

Она недовольно оглянулась, но ничего не сказала. Другие зрители застыли, как мыши при виде ядовитой змеи.

Птичник ещё некоторое время корчился на полу, истекая кровью, когда Кора произнесла – перед тем как, взяв Сорела за руку, выйти из «Поэтикса» в беспокойную ночь Тёмного города:

*– Облечённые властью обречены:
приручённые ими псы
не знают пощады,
терзая ногами своих хозяев.*

*Наречённые смертными именами,
пойманные во лжи, шпионы,
охотники за головами,
топчущие цветы со зла –
им по этой тропе не пройти:
облучённые светом седьмой луны
упадут они замертво в яму –
в ту, которую рыли для.*

*Когда-нибудь, но пока
ваша кровь – седьмая вода,
так пусть ночь не оставит следа,
кроме шрама в душе – на память.*

Глава 3

3.1. Realibus

3.1.1. *Divinum opus sedare dolorem*²⁶

Дом Радости находился в нижней части Тар-Кахола, достаточно далеко от центра, в низине Кахольского озера. Белое здание просвечивало сквозь густые заросли сирени, высокие стволы лип и дубов. Даже ранней весной, когда голые ветки деревьев и кустов ещё дрожали по ночам и только готовились покрыться крошечными и словно политыми сиропом листьями, в этой части города было прекрасно. Унимо любил гулять здесь, по старым сказочным аллеям, выходить на берег огромного озера, закаты на котором могли сравниться даже с морскими, вдыхать этот терпкий воздух живой земли, который почти не чувствуется в центре города. И хотя Унимо был горожанин всем сердцем (или, скорее всего, благодаря этому), такие острова проявленной природы по соседству с камнем мостовых всегда радовали его.

Окрылённый видимым успехом своего безумного плана, Унимо с энтузиазмом вызвался сопроводить Тэлли в Дом Радости. Он чувствовал, во-первых, свой долг перед Тэлли, которая так помогла ему в неприятной встрече с матросом, а во-вторых, чувствовал беспокойство оттого, что она пойдёт в такое место одна. «Нимо, спасибо, конечно, но тебе вовсе не обязательно меня сопровождать, – заверила его Тэлифо. – И вообще, Дом Радости – такое место, куда никто не должен идти по любой другой причине, кроме собственного желания». Желания такого Унимо не имел, но предпочёл об этом умолчать, сделав вид, что недоверие Тэлли его обижает. «Я всё-таки пойду, если ты не против», – упрямо повторил он, и Тэлифо только махнула рукой. Она уже успела узнать об упрямстве Ум-Тенебри достаточно, чтобы не пытаться спорить.

И вот они стояли у невысокого забора, за которым виднелись небольшие белые здания Дома Радости, похожие на загородные дома Морской стороны.

– Тэлли, ты что, не скажешь мне, что делать, как себя вести? Я, честно говоря, никогда... не бывал в таких местах, – запаниковал Унимо перед входом.

Тэлли не смогла удержать улыбку «ну-я-же-тебе-говорила», но сказала:

– Веди себя как обычно, как ещё. А вообще, таким вопросом ты уже возносишь себя над этими людьми, как будто ты настоящий слишком хорош или слишком сложен для них, так что им непременно нужно подsunуть подделку.

– Во все нет, – ответил Унимо, но задумался и решительно замолчал, показывая, что готов встретиться с неизвестностью.

Тэлли ободряюще кивнула ему, смягчая свою отповедь, и, взяв Ум-Тенебри за руку, шагнула за ворота.

Привратник узнал Тэлли, и они обменялись приветствиями, как старые знакомые.

За воротами Дома Радости Унимо увидел людей, которые гуляли, сидели на земле под деревьями или на скамейках. Только по их затуманенным взглядам, замедленным движениям и отсутствию попыток общаться друг с другом можно было понять, что это не просто горожане, решившие отдохнуть в тихом парке, а пациенты городских душевных врачей.

Тэлли уверенно зашагала к одному из трехэтажных домов, которые соединялись друг с другом и с выходом за ворота уютными узкими тропинками. Унимо старался не отставать от неё, замечая, что тревожно оглядывается, как будто ожидая нападения, и злясь на свою мнительность.

Вблизи здание больницы выглядело совсем как обычный дом («А ты что ожидал?» – строго спросил себя Унимо). Дверь была открыта, и Тэлли с Унимо почти уже вошли, как кто-то окликнул Тэлифо, заставив её вздрогнуть. Голос был спокойный и мягкий, а обернувшись, Ум-Тенебри увидел высокого человека средних лет с небольшой аккуратной бородой и чёрными очками слепого, щадящего взгляды окружающих. Вероятно, это был один из местных

²⁶ «Божественное дело – успокаивать боль» (лат.).

обитателей – так же бесцельно и одиноко бродил он в саду. Но Тэлли отчего-то смотрела на него с наспех скрытым страхом.

– Рад, что ты здесь, Тэлифо, – приветливо произнёс он.

Но Тэлли, казалось, вовсе не была так же рада встрече: она вся подобралась, как будто ожидая нападения.

– Приветствую вас, Айл-врачеватель, – сказала она с поклоном, давая понять, что ей не терпится уйти, но из вежливости она должна подождать ещё немного.

– Ты давно не заходила, я начал уже беспокоиться, – снова мягко сказал «врачеватель».

Унимо подумал, что таким тоном, наверное, разговаривают с больными, и с тревогой посмотрел на Тэлли. Она сказала со скрытым раздражением (видно было, что она очень старается сохранить почтительный тон, но это даётся ей нелегко):

– Я была в прошлом дигете, Айл-врачеватель Грави. Если позволите, я пойду, а то мы немного торопимся, – тут она взяла Унимо за руку, и он подыграл ей, согласно кивнув.

– Конечно-конечно, – задумчиво отозвался Грави. – Не смею вас задерживать.

Когда они зашли в дом, а врачеватель остался снаружи, Унимо, разумеется, сразу спросил:

– Кто это?

– Великий Врачеватель Грави Эгрото, – вздохнув, ответила Тэлли.

– Он доктор? – изумился Унимо.

– Да, и очень хороший, – нахмурилась Тэлли и пробормотала себе под нос: – Теперь вот притворяется слепым, надо же.

Но пока они поднимались по лестницам на третий этаж и шли по длинному коридору, встречая медленно идущих навстречу местных обитателей, которые даже не смотрели в сторону пришедших, погружённые, казалось, в свой мир, где-то далеко за пределами этих стен, Тэлли всё-таки рассказала ещё немного о докторе Грави Эгрото.

– На самом деле, он лучший в Королевстве специалист по душевным болезням. Ну, то есть по сравнению с остальными: хотя бы некоторые из его пациентов излечиваются. Он разработал метод «включённого наблюдения» и применяет его здесь, в Доме Радости. Тут врачи живут вместе со своими пациентами, так же гуляют, едят, общаются или молчат – но всё вместе с ними. Так что неопытный человек, вроде тебя, даже не отличит врача от пациента.

– Неужели правда? – воскликнул Унимо, прикидывая, сколько из тех людей, которых они встретили, были врачами.

– Да, – улыбнулась Тэлли, останавливаясь у двери в самом конце коридора, у окна, заштрихованного снаружи тонкими ветками весеннего дерева. – А если тебе непременно нужны инструкции, то ты – мой друг, они – тоже мои друзья, я вас представляю, а дальше вы вправе вести себя как хотите.

Унимо кивнул в ответ на эту странную инструкцию, и Тэлли постучала в дверь, окрашенную в цвет мятного мороженого. Стук был необычным – скорее всего, привычный друзьям Тэлли и сообщающий им, что пришла именно она.

– Войдите! – послышался хриплый голос из-за двери.

Тэлли открыла дверь, и Унимо увидел просторную светлую комнату, обставленную, впрочем, довольно скромно. По углам располагались четыре кровати: две из них пустовали, на одной кто-то лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок, а на четвертой сидел, видимо, тот, кто отозвался на стук. Он выглядел как злой волшебник на картинках новых изданий тар-кахольских городских сказок: не молодой и не старый, с резкими чертами лица, большими глазами цвета воды Кахольского озера в ясный день, светлыми волосами – не длинными и не короткими. И при этом он выглядел очень несчастным. Унимо даже поразился, насколько этот странный холодный тип выглядел несчастным. Впрочем, если бы не это, то Ум-Тенебри, после рассказов Тэлли, подумал бы, что перед ним врач: ничего безумного в его облике не

было. Впрочем, Унимо ещё много раз предстоит убедиться в том, что грань между безумием и не-безумием весьма тонка, к тому же всегда проходит по-разному, как граница между Морской и Островной сторонами.

Едва взглянув на вошедших, этот человек тут же отвернулся к окну, как будто пришли не к нему. Но Тэлли такое поведение, кажется, не смутило – она подошла к его кровати и положила на тумбочку пакет с пирожками, который прихватила ещё утром из булочной.

– Пирожки с зеленикой, тут на всех хватит, – сказала она. И добавила, подойдя ещё ближе: – Привет, Верлин.

– Привет, – отозвался он, не поворачивая головы.

– Познакомься вот, это Унимо, мой друг, – сказала Тэлли, и на этот раз Верлин обернулся, окинув младшего Ум-Тенебри презрительным взглядом, но ничего не сказал.

Унимо сдержал своё возмущение, вспомнив, что этот человек болен.

– Твой друг думает, что я сумасшедший, – спокойно произнёс Верлин, отвернувшись к окну, а Унимо в панике взглянул на Тэлли. Ему казалось, что он всё испортил. Но Тэлифо была невозмутима.

– Конечно, мой дорогой Верлин, что ещё думать, когда в первый раз оказываешься в сумасшедшем доме, – сказала она. – Вспомни хотя бы себя в первый день здесь.

Унимо было неловко, он думал только о том, как бы быстрее убраться отсюда. В его жизни опыт посещения больниц ограничивался походом к своему другу Майти, который как-то умудрился заболеть настолько тяжело, что его отцу пришлось срочно везти его в лучшую тар-кахольскую больницу, а потом, когда Майти стал уже выздоравливать и к нему начали пускать посетителей, перепуганный Унимо заявился с целой корзиной апельсинов и чувствовал себя настолько неловко, что не смог остаться с лучшим другом дольше пятнадцати минут. С тех самых пор он запомнил этот особенный запах, который обитает в любой, даже самой чистой и дорогой больнице – запах притаившейся за углом смерти, смерти, шаркающей в белых больничных туфлях. Смерти в запахе картофельного супа и яблочной запеканки. И даже апельсины сразу стали пахнуть ей. Поэтому Унимо был рад, что больше ему ни разу не приходилось бывать в больницах.

– Пойдём-ка найдём Долору и посидим где-нибудь в тихом месте, – предложила Тэлли.

– Тишина! – горько усмехнулся Верлин, немного оживившись. – Скажи мне, где в этом галочьем гнезде обитает тишина?

– Вот здесь, – Тэлли с улыбкой легко постучала по своей голове. – В любое время и в любом месте.

– Хорошо тебе, – проворчал Верлин, – у меня там полным-полно шумных летучих мышей. А уж ночью...

Он досадливо махнул рукой, но тем не менее поднялся, чтобы пойти в «тихое место». Унимо с удивлением переводил взгляд с Тэлли на этого странного человека и никак не мог сообразить, что за игру они ведут.

Верлин накинул какой-то тёмный плащ, хотя было не настолько холодно, и они втроём вышли из комнаты, аккуратно прикрыв дверь. Тот человек, который лежал на кровати и изучал потолок, за всё это время не сделал ни одного лишнего движения, но при этом не оставался неподвижным, а просто вёл себя так, как будто был совершенно один.

– Это любимый доктор нашей комнаты, – с нехорошей улыбкой сказал Верлин, когда они шагали по коридору. – Кажется, мы все немного утомили его. Если не свели с ума, – тут усмешка светловолосого красавца стала совсем уж неприятной.

– И где же мы найдём Долору? – раздражённо спросил Верлин, шурясь от яркого предвечернего солнечного света на крыльце дома. – Может быть, ты знаешь, где её искать, всеведущая Тэлифо?

Тэлли усмехнулась.

– Я могу *помочь* тебе найти её, – многозначительно сказала она. – Помнишь, Форин говорил, что каждого можно найти там, куда влечёт его представление о том, что важно. Хотя обычно именно с этим у многих людей и возникают проблемы – они почти никогда не видят, что важно для другого человека, даже прожив с ним полжизни. С Долорой тут сложностей никаких.

– Думаешь? – удивился Верлин.

– Ну, что самое важное для Долоры? Или ты забыл? – продолжала Тэлифо, запутывая клубок волшебных ниток всё больше.

– Нет, конечно, но я не представляю, где найти самую большую печаль здесь – разве что везде, – театрально оглянулся Верлин.

– Ну надо же, – проворчала Тэлли, – ты не все свои слова растерял за ночь. Мог бы и побыстрее догадаться. А поскольку торопиться нам некуда, то мы успеем обойти всё.

Тэлли оглянулась испуганно, ожидая увидеть в саду Грави, но его, к счастью, уже не было.

Они шли по дорожкам сада, и Унимо вдруг остро почувствовал, как пахнет весенняя земля: каким-то тёмным обещанием счастья. И хотя в свои годы он уже знал, что это обещание всегда к зиме так и остаётся невыполненным – но здесь, среди деревьев, которые готовы вот-вот опериться и взлететь, это было прекрасно.

– Долоре повезло: здесь отличное место для того, чтобы собирать скорбь, – сказала Тэлифо, и Унимо удивился, насколько по-разному может восприниматься людьми одно и то же место.

В свои годы он ещё не знал, что они с Тэлли чувствовали тогда примерно одно и то же. Но даже Мастер Слов не может выразить свои чувства так, чтобы другой понял их хотя бы наполовину. Даже на четверть.

Долора сидела под деревом, прямо на прохладной ещё подснежной земле. Она просто сидела и смотрела на свои руки в старом чёрном пальто, которое изрядно протёрлось и выгорело на солнце.

– Долора, привет! – сказала Тэлли, и они с Верлином сошли с дорожки и подошли к ней.

Унимо остался стоять в стороне, не отрывая взгляда от этой женщины. Ему вдруг показалось, что она – злая колдунья, которая только и ждёт, когда путники сойдут с тропы и заблудятся. Унимо сам удивился, какие нелепые мысли приходят здесь ему в голову. И одна мысль была ещё на редкость глупой: «Я схожу с ума».

Долора подняла голову и посмотрела на тех, кто нарушил кокон её уединения. Унимо был уверен, что никогда прежде не видел таких грустных глаз. Они были цвета осенних листьев – какими они безропотно падают на подмороженную первыми холодными ночами землю. И ещё они были огромными. Или показались такими юному Ум-Тенебри – как показалось, что Долора смотрит только на него, её глаза заслоняют собой небо, переливаются через край, как кленовый сироп с блюдца рассеянного ребёнка, и вот уже он завяз в них и не может оторвать взгляд, как бы ему ни хотелось. Но ему, кажется, и не хотелось, потому что эти грустные глаза как будто что-то открывали ему – он словно видел весь мир с высоты птичьего полёта, мир, окрашенный в тёмные цвета, страдающий и не знающий покоя...

Вдруг Унимо увидел перед собой спину Тэлли и удивлённо заморгал.

– Найди себе другой объект для практики, хорошо? – сердито сказала Тэлифо. – Это мой друг.

– Ничего ему не будет, твоему другу, – устало сказала женщина, поднимаясь и отряхивая землю со своего длинного пальто, которое придавало ей сходство с чёрной птицей.

Она выглядела не молодой и не старой – возраст как будто терялся, без остатка растворяясь в её странном облике. Вокруг глаз были морщины, но когда она смотрела прямо, то их не было видно, поскольку казалось возможным смотреть только в её огромные печальные глаза.

Несмотря на мрачный вид, она казалась доброй. Унимо внезапно почувствовал, что зря сравнивал её с ведьмой.

Теперь они шли уже вчетвером, и Ум-Тенебри вслушивался в разговоры троих друзей, стараясь понять, кто они такие. Но их слова было очень сложно понять: он снова чувствовал себя маленьким мальчиком – сыном хозяина дома, которому разрешено сидеть со взрослыми и слушать разговоры отцовского клуба подпольных интеллектуалов, но никто не будет стараться говорить так, чтобы он понял. Или когда попадаешь в компанию ребят, которые знают друг друга с детства, – например, соседи по загородному дому его друга Майти – и, как бы все ни старались показать, что ты тоже свой, всё равно чувствуешь эти невидимые нити, на которых, словно на причудливом музыкальном инструменте, они играют музыку своего разговора. А ты становишься просто слушателем.

Долора повела всех в укромное место сада, «куда никогда не заходят местные, потому что оно находится на пересечении трёх тропинок, что считается дурным знаком», – пояснила она со смехом. Это место оказалось действительно безлюдным, и даже длинная широкая скамейка была пуста. Тэлли с Верлином расположились под деревом (Верлин пожертвовал своим плащом, чтобы Тэлли не замёрзла), а Унимо и Долора устроились на скамейке (потом Унимо подумал, что Тэлли тогда сделала так специально, чтобы Мастер Скорби не могла смотреть ему в глаза). Из своей бездонной сумки Тэлли достала термос, в котором оказался горячий травяной чай с мятным сиропом, и они по очереди пили из маленькой металлической кружки, сначала, по зимней привычке, грея руки. В какой-то момент со стороны ближайшего дома донеслись страшные крики, переходящие в вой, так что Унимо, державший в это время кружку, чуть не уронил её. Остальные же не обратили на это никакого внимания.

– Кстати говоря, – небрежно сказала Тэлли, – Унимо собирается завтра уезжать. И не куда-нибудь, а к Айл-Форину.

Верлин, который как раз поднёс к губам чашку с чаем, поперхнулся, Долора оторвалась от созерцания своих рук и посмотрела на Тэлли.

– Что? – хрипло спросил Верлин.

– Ты стал плохо слышать, Мастер Слов? Неудивительно, ведь поэтам куда больше нравится говорить, чем слушать, – неожиданно язвительно заметила Тэлли.

Унимо не знал, что и думать: он сердился на свою подругу за то, что она рассказала о его планах, и не мог понять, зачем она это сделала, но больше всего был напуган их реакцией на эти слова.

– А что такого? – впервые за прогулку произнёс он.

– Что такого? – насмешливо переспросил Верлин. – Отправляясь к самому Айл-Форину, вы говорите «что такого»?

– Ну да, конечно. Что в этом такого? Я хочу, чтобы он научил меня тому, что знает. Что в этом необычного?

– Видите ли, Унимо, – вступила в разговор Долора, – мы все отчасти – его ученики, поэтому так реагируем. Не обращайтесь внимания.

– Не обращать внимания? – воскликнул Унимо. – Возможно, у вас так принято, но вообще-то, это не очень вежливо! Ничего не сказать, но дать понять человеку, что он дурак и совершает какую-то глупость, которую он всё равно не поймёт.

Верлин и Долора отреагировали одновременно.

– У кого это – у нас? У психов? – это Мастер Слов.

– А зачем позволять себе чувствовать себя дураком? – это Мастер Скорби.

Тэлли помалкивала, как экспериментатор, соблюдая чистоту наблюдения.

– У вас – у вас троих, я это имел в виду, – дипломатично ответил Унимо, впрочем, излишне убеждённо, и это выдавало, что «у вас, психов» он тоже невольно подумал. – Я ведь

ничего не знаю про вас, кроме того, что вы, видимо, давно знакомы. А чувствую себя дураком – ну, потому что совершенно не понимаю, что происходит и о чём вы говорите.

– Вот вам совет на будущее, – наставительно сказал Верлин, – задумываться о том, что, может быть, чего-то не понимаешь или не слишком умён, стоит как раз тогда, когда всё кажется простым и понятным.

– Я запомню, – пробормотал Унимо. Весь его пыл исчез, и теперь ему хотелось только, чтобы его оставили в покое, извинив эту вспышку раздражения.

И тут заговорила Тэлли:

– Унимо, прости меня, если тебе не хотелось об этом говорить. Но я хочу помочь – и, возможно, когда-нибудь ты поймёшь, что это для меня значит. Я хочу, чтобы в этом городе были ещё люди, которые действительно могли бы помочь тебе. После того как ты отправишься в своё путешествие, и, особенно, если ты успешно достигнешь цели, таких людей останется совсем мало. И, кстати, мои друзья умеют хранить секреты.

Ум-Тенебри всё ещё сидел нахмурившись, но слова Тэлли подействовали на него, как травяной чай на усталого путника. Он хотел верить её словам, и этого было достаточно. Верлин и Долора наблюдали молча.

– Хорошо, да, я понял. Я верю, что ты желаешь мне добра, Тэлли, ты и так уже столько мне помогла. Но просто всё это так неожиданно, и я многого не понимаю. Прошу прощения, если я сказал что-то не то, – медленно проговорил Унимо, вспомнив свою шейлирскую вежливость.

Верлин усмехнулся, но сказал серьёзно:

– На самом деле, мы просто страшно завидуем вам. Поэтому так ведём себя. В качестве компенсации могу предложить предельно честно ответить на вопросы, которые, вижу, так и вертятся у вас на языке. Сразу предупреждаю, что не на все, но на те, на которые возьмусь отвечать – отвечу как можно более честно. То есть как в реальнейшем, да. Насколько смогу здесь подобрать слова, конечно – здесь слова часто оставляют меня. Представляете, иногда забываю совсем простые вещи: вот, например, сегодня забыл, как называется эта кислая ягода, компот из которой нам обычно дают на полдник...

– Я тоже отвечу на ваши вопросы, – сказала вдруг Долора.

– И я, – добавила Тэлли.

Унимо удивлённо обвёл взглядом эту странную компанию. Опять какие-то игры. Десятки мыслей носились в его голове, причудливо переплетаясь друг с другом. Ему хотелось знать так много вещей, и в то же время он боялся разрушить ту конструкцию будущего, которую создал у себя в голове со вчерашнего дня и которая пока оказывалась вполне устойчивой. То, что он не знал почти ничего о своём предполагаемом будущем, вовсе не печалило его. Скорее, наоборот, он боялся узнать что-то такое, что ему совсем не понравится – как вид того матроса, с которым ему предстояло завтра отправиться в Мор-Кахол. Но раз он всё равно не понимает правил – почему бы не попробовать сыграть?

– Хорошо, – сказал Ум-Тенебри. – Тогда скажите мне, почему вы здесь, в Доме Радости, вы ведь... не больны?

– А вы случайно не доктор? Или сомневаетесь, уж не рехнулись ли вы сами, раз не можете сходу распознать психов? – не удержался Верлин и тут же сам себя перебил, примирительно поднимая ладони: – То есть хорошо-хорошо, если это действительно тот вопрос, который вас интересует больше всего, то у меня, например, где-то в их карточках записан диагноз «дислексия», а у Долоры – «резистентная депрессия». Читайте, что сейчас у нас период ремиссии, если вам так спокойнее. Если не знаете какое-то из этих слов – посмотрите в словаре, мне лень объяснять.

Для убедительности он даже зевнул, и Унимо решил, что он хочет скорее услышать другие вопросы.

– Что такое реальнейшее? – спросил он.

– Это слова... очень много слов. И все они не на своих местах, но можно попытаться немного упорядочить их. Даже не знаю, как объяснить. Слишком сложно, – покачал головой Верлин.

– Это бездна скорби, тёмное-тёмное бесконечное небо, космос. Это когда думаешь о том, что жизнь в этом мире когда-нибудь – и, по настоящим меркам, очень скоро – прекратится, и везде, где бы она ни начиналась – прекратится, а потом забудешь о том, что ты когда-то, ещё в детстве, уже смирился с этим.

– Это люди, много людей, которым нужна помощь. Всегда нужна помощь, а ты иногда можешь им помочь, а иногда – нет. И тогда ты чувствуешь себя полным ничтожеством, тогда ты ненавидишь всех этих людей.

Унимо внимательно посмотрел на Тэлли, пытаясь понять, что она имеет в виду. Он слышал, что все они говорят правду, и что он должен как-то обдумать всё это. Возможно, он поймёт позже.

Верлин тоже посмотрел на Тэлли:

– Тебе ведь нельзя об этом говорить? – удивлённо спросил он.

– Да, конечно, – преувеличенно резко сказала она. – И что, пожалуешься Айл-Форину? Ты-то ведь можешь не только говорить.

Верлин казался смущённым:

– Нет, что ты... я вовсе не... я просто не думал, что ты...

Поскольку Мастер Слов не нашёл слов, чтобы продолжить, Унимо решил задать следующий вопрос:

– Чему может научить меня Айл-Форин?

– Всему, чему ты захочешь научиться, – без промедления ответила Тэлли.

– Согласится ли он учить меня?

– У нас тут не клуб оракулов, – отозвался Верлин.

Унимо задумался. Ему казалось, что спрашивать больше не о чем. Точнее, нет ничего, что он хотел бы узнать прямо сейчас. Но нельзя было упускать такую возможность. Мельком взглянув на Тэлли, он спросил, смотря на Верлина:

– Айл-Форин – хороший человек?

– Что за дурацкие вопросы, – пробормотал Верлин.

Но Долора ответила:

– Если следовать вашему вопросу буквально, тому, что вы в него вкладываете – то, вероятно, нет. Совсем нет. Но, на самом деле – да, он очень хороший.

– Понятно, – саркастически усмехнулся Унимо, отдавая должное такому прекрасному ответу.

На самом деле, его вопрос был подготовительным для следующего.

– Почему Айл-Форин и Тэлли поссорились? – спросил он, и Тэлифо впервые посмотрела на него ненавидящим взглядом, от которого у него почти потемнело в глазах и неприятно заныло где-то в солнечном сплетении.

– Из-за того, что она нарушила правила реальнейшего, – нехотя сказал Верлин.

– Из-за того, что Тэлли слишком хорошо к нему относилась, – это Долора.

– Тэлли, не злись на меня. Я хотел помочь тебе – точнее, хотел узнать, смогу ли я помочь тебе. Ты не сердись? – спросил Унимо, понимая с ужасом, что это выглядит как самая примитивная месть, хотя он совсем этого не хотел. – Тэлли, пожалуйста...

Тэлли красноречиво промолчала, поднимаясь на ноги. Все поднялись следом за ней и побрели в сторону зданий Дома Радости, которые уже светились окнами в упавших на сад фиолетовых весенних сумерках.

Когда Унимо с Тэлли уже выходили из Дома Радости, они снова встретили врачевателя Грави Эгрото.

– Был рад убедиться, что ты здорова, тари Тэлифо, – учтиво сказал он, приподнимая шляпу. – Хотел бы, чтобы ты заходила к нам чаще.

Тэлли от этих простых слов передёрнуло, и она вышла за ворота так быстро, что Унимо с трудом поспел за ней.

К булочной они подошли уже в полной темноте. Ближайший фонарь находился за пару кварталов, так что Тэлли долго искала в своей сумке ключ и пыталась открыть замок.

Унимо, окружённый враждебной темнотой, чувствовал себя ужасно: ему казалось, что он страшно виноват перед Тэлли, с которой ему вот-вот предстояло проститься, может быть, навсегда.

Но когда они молча поужинали и стали пить чай, Тэлли вдруг засмеялась и сказала:

– Ну что, как тебе понравился Дом Радости? Не страшно?

Унимо облегчённо вздохнул и рассказал всё, о чём думал во время их разговора с Верлином и Долорой.

Так они болтали до самой полночи, пока Тэлли не сказала строго, что Унимо пора спать, поскольку завтра его ждёт важный день.

3.1.2 *Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas*²⁷

Первый советник короля Голари Претос, профессор логики и древних языков, в условленный час вошёл в зал преподавателей кафедры логики и грамматики столичного Университета. Он очень хотел остаться незамеченным, но это ему не удалось: казалось, вся кафедра собралась специально, чтобы его поприветствовать, и даже сам ректор Мэлл – полный, добродушный на вид профессор грамматики – пожаловал к приходу Первого советника.

– Я не покривлю душой, если скажу, что вы, дорогой друг – самый успешный из ныне живущих мастеров нашей скромной гильдии торговцев звёздами и морскими раковинами! – излишне торжественно провозгласил ректор Мэлл, когда нескладная фигура Голари появилась в дверях.

Выражение страдания на лице профессора логики и древних языков только усилилось, когда остальные профессора со смехом затянули старинную величальную песенку «Когда наш храбрый друг отправился служить королю». Ни слова не говоря, он с мрачным видом налил себе чая и уселся в свободном кресле, взяв в руки недавно отпечатанный «Вестник Тар-Кахольского университета».

– Вот, полюбуйте, друзья: трёх дигетов не прошло, как нашего коллегу назначили Первым советником, а он уже сторонится нашей компании, – насмешливо заметил маленький и едкий профессор математики Нумт.

– Смеею заметить, что вы сами, мои драгоценные коллеги, настояли на том, чтобы я предложил свою кандидатуру. И поэтому мне странно видеть на ваших лицах это, не побоюсь такого слова, злорадство, – ответил Голари, поднимая свой вечно уставший взгляд от «Вестника».

– О, ну что вы, профессор, – мягко сказала лири Даннис, высокая, статная дама – профессор логики, – мы вовсе не имели ни малейшего желания вас уязвить. Вы же знаете, как учёные бывают неловки и непоследовательны в выражении простых человеческих чувств. Мы действительно гордимся вами и собрались здесь исключительно в вашу честь. Представляю, как утомительна эта королевская служба, – сочувственно заметила она, ласково оглядывая всего Голари пронизательными зелёными глазами.

²⁷ «Пусть недостаёт сил, следует всё-таки похвалить за добрую волю» (лат.).

– Вы правы, лири, – смущаясь, пробормотал Голари, – очень утомительна. Поэтому прошу коллег проявить снисхождение и извинить мою нелюбезность.

«И оставить меня в покое», – мысленно добавил Голари, но коллеги, напротив, принялись изливать на него все свои поздравления, советы и пожелания. Когда этот поток наконец иссяк, ректор Мэлл подошёл к Голари и вполголоса многозначительно заметил:

– Вы теперь – наша надежда, профессор Голари. Гарант соблюдения правил, так сказать.

Профессор Претос испуганно посмотрел на ректора, но тот только широко улыбался своей улыбкой сытого кота.

– Но я всего лишь советник, и вы сами прекрасно знаете, что полномочия принадлежат Совету, куда вы изволите входить, а Первый советник всего лишь...

– Да-да, конечно, – махнув рукой, перебил ректор и повторил: – Мы очень рассчитываем на вас.

Возможно, Голари показалось, и его замутнённое непрерывным напряжением нескольких дигетов сознание подвело его, но тогда он мог бы поклясться в том, что после этих слов ректор подмигнул ему.

Не успев даже прочитать названия статей в новом «Вестнике», Голари поспешил откланяться, ссылаясь на важные дела, и его поспешный уход слишком напоминал бегство. Но Первого советника действительно ждали дела: ему нужно было лично подготовить доклад о Школе просветителей, – поэтому он поспешил в Королевскую ратушу, в Зал Всеобщих Донесений.

В Ратуше, которую он раньше недолюбливал за суетливость и многолюдие, теперь ему показалось гораздо спокойнее, чем в Университете: охранник и служащие почтительно приветствовали его, никто не задавал лишних вопросов, все готовы были исполнить любое из поручений Первого советника.

Голари распорядился принести себе в кабинет ежедневный доклад на сегодня, всё, что можно найти в архивах о Ледяном Замке, чёрный кофе с корицей, и никого не принимать – он занят.

Долгое время профессор просто смотрел в окно, через которое, поскольку его кабинет находился в одной из самых высоких башен, было видно только небо. Башенные ласточки, почуяв весну, иногда пролетали стремительными росчерками, как будто примеряясь к свежепокращенному весеннему небу.

Голари чувствовал, что устал от своей службы, не успев ещё вполне в неё вникнуть. Он чувствовал себя постаревшим и больным. Он дорого отдал бы, чтобы никогда больше не видеть никого: ни профессоров-хранителей правил, ни короля, ни тар-кахольцев, которые идут себе беззаботно через площадь Всех Дорог где-то внизу башни. Но никакой другой дороги у него не было.

Тяжело вздохнув, Голари принялся изучать всё, что ему принесли о Ледяном Замке, пролистывая совсем уж древнюю историю и сосредоточиваясь на деяниях ныне правящего Айл-просветителя Люмара.

И всё же не из-за своего шейлирского титула Голари стал профессором логики: довольно скоро он уже составил первичный анализ реального места Школы просветителей в системе управления Шестистороннего Королевства, формальных и фактических пределов автономии, отсутствия подчинённости наместнику Горной стороны, влияния просветителей на подданных Королевства – и множества других факторов, а свои выводы кратко и ёмко изложил в записке, адресованной Сэйлори («Так, чтобы даже король мог понять», – ворчливо и не без самодовольства подумал Голари). Затем, взглянув на часы, он с новым вздохом стал собирать бумаги для ежедневного доклада королю, а потом вышел, забыв шляпу и почти не притронувшись к остывшему кофе.

Никем не узанный, Первый советник быстро добрался до Королевского дворца. Стража не сразу пропустила его: они не верили, что Первый советник пришёл пешком. После уни-

зительной процедуры подтверждения личности его пропустили, со множеством извинений, разумеется, но неприятный осадок остался. Как нахохлившаяся птица, Голари быстро шёл по коридору, поэтому не сразу заметил какое-то странное тревожное оживление во дворце: по коридорам шаталось в разы больше Птицеловов, чем обычно, мелькали напряжённые лица.

У королевской приёмной тоже было больше людей, чем всегда. Первый советник скромно расположился в комнате для посетителей и стал ждать, слушая обрывки разговоров. Впрочем, ничего узнать так и не удалось: большая часть посетителей состояла из птичников, а они, что ни говори, умеют держать язык за зубами даже в Королевском дворце

Наконец, с опозданием на пятнадцать минут, из приёмной вышел слуга и попросил Первого советника пожаловать к Сэйлори.

Когда Голари вошёл к королю, он увидел, что обстановка в приёмной не совсем обычная: шторы были задернуты, на столе стояла большая лампа. И Сэйлори был не один: в том кресле, в котором обычно сидел Голари, теперь устроился Малум, начальник Королевских Птицеловов. Малум сделал не очень настойчивую попытку уступить своё место Первому советнику, но король очень быстро кивнул в ответ на приветствие Голари и велел открывавшему дверь слуге принести ещё одно кресло. Первый советник не подал виду, что уязвлён таким отношением: по придворному этикету, Малум, фактически, конечно, обладавший большой властью, но не имевший даже титула шейлира, должен был приветствовать Первого советника стоя, не говоря уже о том, что должен был уступить ему место.

– Простите, профессор, что заставил вас ждать, но ночное происшествие в Тёмном городе требует срочного реагирования, – сказал Сэйлори. Таким тоном, которым говорят «простите», совсем не чувствуя себя виноватым. Впрочем, король говорил таким тоном почти всегда.

Голари понимающе склонил голову и застыл с выражением вежливого ожидания: он ждал, что король расскажет о происшествии, которое взбудоражило весь дворец.

– А... как я понимаю, вы, профессор, ещё ничего не знаете? – с притворным удивлением сказал Оланзо, переглянувшись с Малумом, и Голари в очередной раз почувствовал неприязнь к этому «королю-птичнику», как его шёпотом называли в Шестистороннем.

– Всё верно, Мэйлори, я прибыл сразу из ратуши, и мне пока ещё никто не сообщил о происшествии, – смиренно отозвался Голари, слегка склонив голову. Но тут же выпрямился и посмотрел на Малума неожиданно вызывающе: – А судя по количеству Королевских Птицеловов во дворце, у тара Малума вряд ли нашёлся бы свободный человек, чтобы меня проинформировать, как того требует Устав.

Король нахмурился, но он не мог не признать, что Первый советник умело указал начальнику Королевских Птицеловов на его место и в то же время дал понять королю, что не намерен терпеть совсем уж несправедливые обвинения. Ни одна мышца не дрогнула на лице Малума, – напротив, его улыбка стала ещё более любезной, – но Оланзо прекрасно знал, что птицелов открыл список заметок с названием «Первый советник Голари».

– Малум, расскажи лори Голари о происшествии – несомненно, второй человек в Королевстве должен об этом знать.

– Тут, в общем-то, и рассказывать особо нечего, если не вдаваться в подробности: минувшей ночью в одном из заброшенных зданий Тёмного города напали на одного из моих людей. Да так, что он до сих пор не может до конца прийти в себя – врачи говорят, что он больше не годится для службы, – небрежно поведал Малум.

Голари удивлённо приподнял брови:

– Его ранили? Известно ли что-либо о нападавших?

Малум снисходительно улыбнулся, как всегда, когда штатские строили из себя детективов: всё равно они задавали не те вопросы.

– Можно сказать, что ему нанесли очень серьёзные повреждения, хотя применение какого-либо оружия не выявлено. Предположительно нападавшей была женщина, известная в городе как бродячая поэтесса Кора Лапис.

– Кора Лапис? – простодушно удивился Голари.

– А что, вы с ней знакомы? – тут же спросил король.

Первый советник помимо воли стал оправдываться в присутствии этих двух птичников:

– Нет, конечно нет. Но её стихи знают, наверное, все в Тар-Кахале. Я видел её однажды – такая миниатюрная женщина. В голове не укладывается, как это она могла напасть на Птицелова? Может, это какая-то ошибка?

Малум нахмурился. Ему не нравилась перспектива очередной байки про его службу: на этот раз наверняка будут говорить, что офицера Птицеловов с лёгкостью победила женщина.

– Возможно, у неё были сообщники, – веско сказал Малум, – и к тому же она использовала какое-то тайное средство – может быть, яд. Пока врачи не могут ничего сказать. Сама Кора Лапис, судя по всему, скрылась: мои люди обыскали весь Тар-Кахол, но не нашли её.

– Я приказал объявить Кору Лапис в розыск и назначить награду за информацию о ней, – сказал король. – То, что она личность довольно-таки известная, может сыграть нам на руку.

Голари посмотрел на собеседников и всё-таки решил высказать своё опасение:

– Но, Мэйлори, это может вызвать... некоторое недовольство среди подданных... ну, то есть я хочу сказать, что, не зная, как было дело, люди могут решить, что это необоснованное преследование... – Первый советник сбился и замолчал под тяжёлым взглядом короля и насмешливым – Малума.

Профессор мысленно попросил себя успокоиться и не лезть не в своё дело. Всё равно его голос никто не станет учитывать.

– Вот вы, лори Первый советник, и позаботитесь о том, чтобы подданные поняли нас правильно и с подобающим подданным усердием принялись исполнять просьбу своего короля. На этом, я полагаю, мы закончим обсуждение нашего плана, действуйте, со своей стороны, как считаете нужным, – Оланзо благосклонно кивнул начальнику Птицеловов. – Пожалуй, время перейти к ежедневному докладу.

Не успел король договорить, как в приёмную осторожно постучали. Появившийся на пороге перепуганный слуга сообщил, что Сэйлорис просит немедленной встречи с Сэйлори и, в противном случае, «грозится ворваться силой», – с ужасом произнёс королевский слуга.

Король откинулся в кресле с невозмутимым видом.

– Ну что ж, пусть Сэйлорис войдёт, – распорядился он.

Лампа на столе короля, хотя и была почти полностью укрыта стеклом, отозвалась на сквозняк от открытой слугой двери, и тени на стенах дёрнулись, будто в каком-то странном танце.

Переступив порог приёмной своего отца, принц Таэлир застыл в нерешительности. Видимо, он не ожидал, что его примут так скоро и, как всякий, настроенный на долгое сопротивление, чувствовал беспокойство от неправдоподобно лёгкой победы. Но, вспомнив о цели своего вторжения, юный принц решительно шагнул вперёд, поклонился отцу, Малуму и Голари, которые встали со своих мест, чтобы приветствовать наследника (Голари искренне желал, чтобы король поскорее попросил их выйти).

Принц Таэлир, видя, что отец не торопится отсылать своих советников, нерешительно произнёс:

– Мейлори, я хотел бы говорить с вами наедине. Лори Голари, тар Малум, надеюсь, вы извините нас.

Пока Сэйлори и Сэйлорис смотрели друг другу в глаза, состязаясь в этой почти детской игре, Голари с любопытством оглядел принца: юному наследнику было семнадцать лет, и

выглядел он одновременно и старше и младше своего возраста. Крупные черты на узком лице с острыми скулами напоминали больших кукол городского кукольного театра или бродячих актёров с их ярко покрашенными чёрными глазами на белых лицах. Тёмные волосы нарочито небрежно падали на лицо. Чёрная, расшитая серебряными каплями рубашка была спрятана под старым, истёртым тёмно-зелёным плащом. Всё в этом мальчике было сплошное противоречие.

– Ты действительно думаешь, что двое высших лиц Королевства, явившихся во дворец по делу, должны убираться по первому твоему слову, чтобы мы могли насладиться семейным общением? – тем временем спросил король.

Принц смутился, но тут же вскинул голову и запальчиво произнёс:

– Дело, по которому я пришёл, не относится к семейным, оно касается того происшествия, которое привело сюда половину штата Королевских Птицеловов.

– В таком случае говори, у меня нет секретов от моих приближённых, – сказал король, жестом приказывая Голари и Малуму сесть.

Хотя это была не совсем правда, он всегда мечтал сказать эту фразу. «Всегда, когда это только возможно, показывайте своим советникам, как велико ваше доверие к ним. И никогда не испытывайте ни к одному из них даже десятую часть того доверия, которое вам удастся показать», – поучала «Книга правителя стороны Штормов».

Таэлир всё ещё стоял, поскольку никто не позаботился о том, чтобы принести ему кресло. Плотнее сжав губы на слишком узком подбородке, он, видимо, решил, что терять ему уже нечего.

– Кора Лапис ничего не сделала, нельзя объявлять на неё охоту, это нечестно! И незаконно, – сказал принц, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно.

Короля всё это, казалось, забавляло.

– Приятно видеть, что ты, наконец, немного заинтересовался государственными делами, – сказал Оланзо.

– Так вы... отмените это, да? Розыск Кору Лапис? – спросил Таэлир, и надежда в его голосе даже Голари показалась наивной.

– Конечно, нет, – сказал король. – Если бы ты видел немного дальше того, что происходит в твоей голове, ты бы знал, что Кора Лапис – опасная государственная преступница, она напала на офицера Королевских Птицеловов, который находился при исполнении своих обязанностей. Так что всё законно. Верно, лори Голари?

От неожиданности Голари вздрогнул и пробормотал что-то неопределённое. По правде говоря, он не мог пока давать заключение о законности, поскольку не успел изучить всех обстоятельств дела. Но поспешно возражать самому королю тоже не стал.

– Она ничего не сделала! Кора Лапис ничего ему не сделала, этому Птицелову, – сказал принц дрогнувшим голосом.

Король чуть склонил голову набок – его тень за спиной сделала то же самое, с видимым удовольствием наблюдая занятную сценку.

– Я понимаю, дорогой мой, что эта девушка – твоя любимая поэтесса. Хотя я и не понимаю ничего в поэзии, но, наверное, её стихи действительно неплохие. Но это не значит, что я должен из-за твоего каприза отменять справедливый приказ. Верно ведь, лори Первый советник, что все подданные Королевства равны перед лицом королевского правосудия? Нет исключения... ну, скажем, для любимых поэтесс наследного принца, я прав?

На этот раз Голари с готовностью кивнул. Король уже откровенно издевался, но это было их дело, семейное королевское дело.

Принц отступил назад, с ненавистью оглядев всех троих. Малум, как всегда, казался невозмутимым.

– Так знайте же, что ваши подчинённые просто слабаки! – зло сказал принц в лицо начальнику королевской секретной службы. – Этот офицер испугался простых стихов. Его никто и пальцем не тронул – Кора просто прочитала свои стихи! Я был там и всё видел, и я всем расскажу...

Тут принц сбился, заметив, каким взглядом смотрят на него отец и Малум. Одинаковым взглядом ищейки, напавшей на след.

– Так-так, ты, значит, был там? – уточнил король.

Принц угрюмо молчал, ещё не понимая, что произошло.

– В таком случае, Мэйлори, думаю, необходимо добавить к списку обвинения ещё и покушение на особу королевской крови, – деловито заметил Малум.

– Да-да, – кивнул Оланзо, – и теперь к тому же у нас есть свидетель.

Принц застыл на месте – Голари в какой-то момент даже решил, что он может наброситься на своего отца или выкинуть что-либо подобное, столько тихой ярости было в его взгляде.

– Вы что же, не слышите меня? Я говорю, что Кора Лапис ни в чём не виновата! – воскликнул он.

– Не надо кричать, мы тебя прекрасно слышим, – поморщился король. – И хотя ты сбежал из-под ареста и шатался непонятно где, я рад, что теперь у нас есть человек, который может подтвердить слова офицера.

– Так вы не будете объявлять её в розыск? – устало спросил Таэлир.

– Тому, кто не делал ничего дурного, незачем скрываться от правосудия, – тут же ответил король. – А о том, что ты видел, ты расскажешь на Королевском суде.

Принц с ненавистью посмотрел на отца:

– Не расскажу, – и повернулся, чтобы уйти. Но когда принц уже подошёл к дверям, его остановил голос отца.

Такой ровный и спокойный королевский голос:

– Может быть, тебе *придётся* рассказать.

– Придётся? – обернулся принц. – Вы что же, прикажете меня пытать, отец? Уверен, что птичники были бы только рады такому приказу.

Малум едва заметно улыбнулся – репутация его службы давно уже не задевала его. Рассказы о птичниках приписывала им то, что они никогда не делали, но не касались того, чем они действительно были опасны. Создать такую репутацию было сложно, но она защищала их, как выкованный мастерами Горной стороны защитный жилет защищал тело от случайных пуль.

– Нет, зачем же, – ещё более спокойно возразил Оланзо. – Мы же не чужие люди, уверен, мы сможем договориться. Если твоё свидетельство будет единственным, что сможет снять ужасное обвинение с этой девушки – думаю, ты не станешь отказываться.

Принц ничего не ответил, шагнул к двери, но уже на пороге обернулся:

– Попробуйте сначала поймать её.

Когда принц исчез, Оланзо и Малум долго сидели молча, что-то обдумывая, видимо, выверяя в своих птичниковых мозгах, как бы получше использовать ошибку принца, а Голари просто тоскливо смотрел на занавешенные окна и ждал момента, в который можно будет уйти. Задумавшись, он вздрогнул, когда король заговорил. Плохая привычка для Первого советника – задумываться в присутствии короля.

– Так что с докладом о Ледяном Замке? – спросил Оланзо.

– Ммм... Мэйлори, я проанализировал все доступные сведения за двести лет, вот краткая справка – но по любому из тезисов могу представить дополнительную информацию, если таковая потребуется.

Профессор протянул королю бумаги, стараясь, чтобы его рука не дрожала.

– Хорошо, я почитаю вечером. Спасибо, – неожиданно благосклонно кивнул Оланзо. – А пока скажите мне, что вы сами думаете о Школе просветителей?

Голари не ожидал такого вопроса. Он мог перечислить все приказы просветителя Люмара в хронологическом порядке, но не мог предположить, что королю будет интересно его мнение. К тому же это было самое опасное – высказывать своё мнение.

– Судя по тем сведениям, которые мне удалось получить, хранители, просветители и слушатели Ледяного Замка ведут весьма уединённую жизнь, их связь с внешним миром происходит, по большей части, за счёт хранителей, направляемых в храмы по всему Королевству. Просветители ведут себя довольно осторожно, точно соблюдают свои правила и обязательства по Конкордату. Почти никакие слухи и скандалы не касаются служителей Защитника, у поданных хранители, как правило, вызывают уважение.

Голари замолчал, ожидая, что король уточнит, что именно его интересует. Поскольку Оланзо молчал, то Первый советник спросил:

– Мэйлори, может быть, вас интересует что-то определённое? Я мог бы...

Король усмехнулся – и Голари с неприязнью отметил, что эта улыбка тут же отразилась на непроницаемом лице Малума.

– Да, лори Голари, меня, в сущности, интересует только один вопрос: можем ли мы рассчитывать на служителей Защитника как на союзников, если это будет необходимо?

Первый советник не смог скрыть удивление: для чего королю понадобились союзники – служители? Сложно представить себе просветителей, охраняющих, к примеру, границы с Синтийской Республикой вместе с королевскими солдатами.

– Думаю, что да. Конечно, можете, Мэйлори, ведь существует Конкордат...

Оланзо досадливо махнул рукой:

– Да-да. Но мне бы хотелось убедиться в этом. Поэтому я решил направить в Ледяной Замок своего человека. Королевского посланника, официально – чтобы засвидетельствовать верность принципам Конкордата и своё почтение просветителям, а дополнительные распоряжения я дам непосредственно самому посланнику. Вас, лори Голари, я попросил бы подготовить этот визит – с соблюдением всех этих формальностей и согласований.

– Да, Мэйлори, – кивнул профессор. – А кого прикажете направить? Кого-то из Зала Представителей?

– Нет, я выберу из людей Малума и сообщу вам о своём решении. Разумеется, официальные бумаги должны быть на кого-нибудь из Ратуши, и чтобы просветители ничего не заподозрили. Поручаю это вам обоим, – сказал король, устало проводя рукой по голове и давая понять, что совещание окончено. – Малум, и не забудь уже сегодня распорядиться, чтобы к утру листовки с розыском Кору висели на всех углах Тар-Кахола.

Малум отсалютовал по-военному, Голари церемонно поклонился. У входа Малум любезно, но с едва заметной усмешкой, пропустил Первого советника вперёд.

Оставшись один, король долго смотрел на свет настольной лампы, затем машинально взял в руки доклад о Ледяном Замке и, не дочитав, с неожиданной злостью отбросил его в сторону.

В это время на другом конце дворца Таэлир, дрожащий от возмущения и гнева, шёл в сторону покоев своей матери. Он не стал бы искать помощи королевы, если бы у него была хоть какая-то надежда найти помощь где-то ещё. Но из-за характера и положения принца друзей у него не было.

С самого раннего детства Таэлира, ещё когда его мать была всего лишь молодой женой шейлира, она мало интересовалась жизнью сына – точнее, ровно столько, сколько требовали приличия для того, чтобы казаться заботливой матерью. Она улыбалась и гладила его по волосам, но в глазах её всегда была скука, стоило ей хоть ненадолго остаться с сыном наедине. Потом, когда Таэлир подрос, а Эйрил стала королевой, она и вовсе отодвинулась от него на

расстояние светских манер. Он никогда не говорил с матерью о том, что было для него действительно важно.

Но теперь идти было некуда. И принц, повинувшись какому-то безотчётному порыву, решил попросить помощи у своей матери. «Ведь это она привела меня в этот мир. Но она ни разу не показала мне, для чего, или хотя бы, что она просто рада тому, что я есть», – горько и запоздало думал Таэлир, идя по длинному коридору в покои королевы, украшенному тошнотворными картинами-сценками придворной жизни в кремовых тонах.

Одна из фрейлин королевы присела в почтительном реверансе, но решительным заговорщицким шёпотом заявила принцу, что у королевы «утренние процедуры омоложения», с таким видом, как будто это были дела государственной важности. «Мне нужно срочно увидеть Мэйлири, это очень важно для меня, просто передайте это», – терпеливо объяснял Таэлир, уже проклиная себя за эту дурацкую затею и за то, что приходится объясняться, чтобы просто увидеть свою мать. «Утренние процедуры – вечером?» – успел машинально удивиться принц.

Так или иначе, королева приняла его только через полчаса, каждую секунду которых Таэлир нервно измерил шагами в небольшой приёмной. И когда он предстал перед прекрасными голубыми, как весеннее небо, глазами Мэйлири, его порыв стал казаться ему ребяческим и безнадёжным. Но просто развернуться и уйти не позволяли ни приличия, на которые наследник никогда, впрочем, не обращал особого внимания, ни, что было более важно, маленькая надежда хоть раз увидеть в глазах матери интерес к его, Таэлира, настоящей жизни.

Видимо, «утренние процедуры омоложения» были действительно эффективны, поскольку королева выглядела прекрасно. Для своих лет, и вообще – она выглядела, как женщина, которая знает, что её задача – вызывать восхищение, покорять и очаровывать. Она знала, что придворные дамы ждали от неё безупречного стиля в нарядах, а придворные шейлиры – безупречного цвета кожи и высокомерного и властного, но в то же время женственного и осознающего свою красоту взгляда. И она не жалела времени и сил на то, чтобы быть идеальной королевой. В особо тяжёлых ситуациях: например, когда надо было отказываться от пирожных с кремом к утреннему кофе, часами сидеть неподвижно с питательными маслами на лице и шее или не позволять себе неженственно злиться на бесчувственного мужа, – она ощущала себя почти мученицей.

– Здравствуй, дорогой мой, – сказала королева, благосклонно взглянув на принца, удивлённая его неожиданным визитом, но рассчитывая потратить совсем немного времени на выполнение материнских обязанностей. – Как ты поживаешь? Отец говорит, что ты не слишком хорошо ведёшь себя в последнее время. Позавтракаешь со мной? Сейчас принесут кофе.

– Мама, я... пришёл попросить тебя о помощи, – принц решил покончить с этим делом сразу. – Одна моя знакомая... известная поэтесса, её зовут Кора Лапис... в общем, отец считает, что она напала на Птицелова, но это не так. Отец велел объявить её в розыск. Я могу за неё поручиться, могу дать слово – но отец мне не верит. И... возможно, ты могла бы попросить отца хотя бы прислушаться ко мне, – сказал Таэлир.

Его голос звучал как никогда искренне – и будь королева хоть немного внимательнее к своему сыну, она поняла бы, как важна для него эта просьба, раз он сменил удобной насмешливо-светский тон на тон настоящего разговора – того, в котором приходилось запинаться и с трудом подбирать слова.

– Ты что, влюблён в неё, в эту девушку? – нахмурившись, спросила королева.

Принц вспыхнул в возмущении от хода мыслей своей матери, но быстро взял себя в руки и произнёс:

– Нет, мам, вовсе нет.

– Тогда я не понимаю, в чём тут дело. Если она действительно не виновата, как ты говоришь, Королевский суд разберётся, с ней ничего плохого не случится. В любом случае странно, что ты так заботаешься о судьбе малознакомой тебе девушки, в которую ты даже и не влюблён.

Так что я не вижу причин обсуждать этот случай с Сэйлори. И к тому же ты ведь знаешь, что женщинам не пристало вмешиваться в государственные дела, – добавила королева.

– Ещё бы, конечно, ведь именно ты ввела это в моду, – не сдержавшись, пробормотал принц.

– Что ты имеешь в виду? – холодно уточнила королева.

– Ничего, приятного завтрака, мама, – сказал принц, заметив, как у двери нерешительно застыла служанка с подносом, на котором дымился кофейник.

Не дожидаясь ответа, он стремительно вышел, чуть не сбив с ног девушку с кофе и фруктами.

Когда Голари, зайдя по делам в ратушу, возвращался домой в сумерках, он заметил, что Птицеловы с завидной оперативностью уже приступили к делу и развешивают всюду объявления с портретом Кору Лапис. «Разыскивается за вознаграждение, по подозрению в преступлении против Королевства, жительница Тар-Кахола, известная как поэтесса Кора Лапис», – сообщалось в объявлении, с которого грустно, но чуть насмешливо щуря свои тёмные, почти чёрные глаза, улыбалась любимая городская поэтесса.

.2

Realiora

3.2.1 Qui ventum seminat, turbinem metet²⁸

– Форин, пожалуйста, не так быстро, я не успеваю! – хрипло взмолилась Тэлифо, обращаясь к своему спутнику, который шёл впереди по тропе из Тар-Кахола в порт Мор-Кахол. Её горло пересохло от жары и быстрой ходьбы по пыльному тракту.

Форин не обернулся, но стал идти чуть медленнее. Когда они взобрались на последний холм перед тем, с которого открывались уже морские просторы Мор-Кахола, он вдруг резко остановился – так, что Тэлли чуть не налетела на его спину, – и сказал, что самое время немного передохнуть.

Оказалось, что Форин Кастори хотел ещё раз проверить все детали плана.

– Ты, я вижу, всё ещё сомневаешься? – тяжело взглянув на Тэлли, спросил он.

Как ужасно неудобно, что здесь нельзя врать. Ну, по крайней мере, не с её, Тэлли, уровнем. Даже умалчивать, недоговаривать, обращать в шутку – ничего из этих прекрасных приёмов, которые так милосердно упрощают жизнь. Когда люди славят искренность, они, видит Защитник, не ведают, о чём говорят.

Тэлифо вздохнула.

– Да, – только и сказала она.

Даже просто находиться здесь рядом с Фоорином было тяжело, как будто идёшь по дну, под толщей воды, или забираешься высоко-высоко в горы, туда, где трудно дышать, где кружится голова. Воля Фоорина заполняла всё вокруг, не оставляя никому ни единого шанса. Но только здесь Тэлли чувствовала себя живой – только здесь хоть что-то происходило.

– В таком случае я хочу услышать твои предложения о том, что нам делать, – холодно произнёс Форин, прикрыв глаза и откинувшись на нагретую солнцем и такую тёплую, что она казалась пульсирующей, кору каштана.

Предложений у Тэлли не было. Ноющая боль в голове – такая, как будто виски сдавливают руками какой-то цирковой силач, – мешала сосредоточиться и подобрать слова даже для простого ответа.

²⁸ «Кто сеет ветер, пожнёт бурю» (лат.).

– Если бы ты перестала сомневаться, было бы легче, – сказал Форин. – Давай попробуем ещё раз, ладно?

Тэлли кивнула – попробовать она была готова сколько угодно раз, пока не потеряет сознание. Требовалось всего-то сломить свою волю – то есть, конечно, признать необходимость того плана, который придумал Форин, как своего собственного. Поверить в то, что этот план единственно возможный и необходимый. «Необходимый», – подумала Тэлли и представила огромную серую стену, которая простиралась, насколько хватало взгляда. Не было необходимости идти вдоль стены, чтобы понять, что её *не обойти*. Можно было только забраться по ней и прыгнуть на другую сторону. Тэлли провела рукой по поверхности стены – она было прохладная и гладкая, как те камни, которыми выкладывали фонтаны в Тар-Кахоле, но камни стены были неестественно ровными, без какой-либо малейшей трещины или выступа. Тэлли запрокинула голову и увидела, что высота стены около пяти пар шагов, и впала в отчаяние: ей ни за что не забраться по такой стене без помощи! Тэлифо оглянулась назад, но увидела только равнину, на которой росла ярко-зелёная трава, настолько ровная, что, казалось, весь штат королевских садовников поработал над ней. «Не смотри назад, смотри вперёд!» – сердито шепнул кто-то у самого уха. Тэлли вздрогнула и посмотрела вперёд: ничего не произошло, перед глазами была всё та же глухая стена. Но присмотревшись, она увидела, что от серого пространства стены отделилась пеньковая верёвка, измазанная в золе, и повисла прямо перед её лицом. Верёвка уходила до самого верха стены, но того, кто держал её с другой стороны, видно не было. Тэлли осторожно прикоснулась к верёвке, ощутив её пористую, шершавую прочность. Она дёрнула за верёвку – и тут же отлетела и упала на спину, больно ударившись затылком. Стало ясно, что проверять невидимого помощника на надёжность не следовало. Она встала, взяла в руки верёвку и поставила ноги на стену. Забираться было невероятно сложно: верёвка сразу же до крови содрала кожу на ладонях, а ближе к верху стены уже становилась красно-серого цвета после того, как Тэлли перехватывала её и двигалась дальше. Ботинки то и дело соскальзывали с гладкой поверхности стены, и Тэлли повисала на разном расстоянии над землёй, думая только о том, как бы не разжать горящие руки...

– Как я уже говорил, я не вижу другого пути для нас, после того, что мы сделали в Шестистороннем, – спокойной и размеренно говорил Форин, как будто зачитывал написанное. – Сторонники старого порядка развесили листовки с нашими портретами по всему Тар-Кахолу. А в Мор-Кахоле, я знаю, каждому капитану выдают такую листовку на руки с инструкцией о том, что нужно делать, если эти подозрительные люди попросят взять их на борт. И вознаграждение там обещано такое, что мало кто сможет от него отказаться. Конечно, справиться со мной они не смогут. И тебе, пока ты со мной, тоже ничего не грозит. Но ради безопасности Шестистороннего нам всё равно необходимо исчезнуть на какое-то время. Сейчас все хотят узнать, как именно пришла к власти новая династия скромных шейлиров Озо. И если хоть один из любопытных будет достаточно сильным, чтобы увидеть нас, и достаточно сообразительным, чтобы провести элементарные логические связи, он сможет узнать много интересного об особенностях местного престолонаследия. И тогда безобидные Озо недолго будут править, им на смену придут куда более опасные, хорошо знающие вкус власти люди. И тот хрупкий порядок, который я устанавливал несколько лет, рухнет, и придётся всё начинать заново. А это мне уже наскучило. Поэтому мне нужно отправиться в Синтийскую Республику и остаться там на какое-то время. А ближайший путь туда – по морю. Ты, если хочешь, можешь остаться, но я хотел бы, чтобы ты тоже уехала. Так будет разумнее.

Форин выглядел утомлённым такой длинной речью.

– Я знаю, – тихо сказала Тэлли, – и я хочу поехать с тобой. Я не хочу только, чтобы мы принуждали капитана взять нас. Это неправильно.

– Я так понимаю, ты никогда не делаешь ничего неправильного? И никого никогда не принуждала? – резко спросил Форин, и Тэлли снова почувствовала, как воздух вокруг неё сгущается, мешая дышать, как вырывается из рук верёвка...

– Я... нет, то есть для себя – нет. Для себя я такого не делала, никогда, – пробормотала Тэлли.

– Понятно, – вздохнул Форин. – Тогда сделай это для меня. Точнее, просто не мешай мне, пожалуйста. Прошу тебя.

Тэлифо вздрогнула и посмотрела на Форина. Никогда она не слышала, чтобы он кого-то о чём-то просил. Значит, ему действительно это нужно было. Значит, она должна...

Забравшись на самый верх, Тэлли села и посмотрела вниз, на другую сторону, которую не было видно из-за стены. Внизу виднелась такая же стриженная трава и равнина, настолько похожая, что если бы закрыть глаза и покружиться, стоя на стене, то Тэлли не смогла бы сказать, с какой стороны она забралась. Пока эта идея не стала слишком заманчивой, Тэлифо оттолкнулась от привычной уже гладкой каменной поверхности и полетела вниз, к земле. Полёт был недолгим и завершился хрустом в ноге и ожидаемой вспышкой боли, от которой Тэлли на мгновение даже ослепла.

– Неплохо, – услышала она в белой пустоте голос Форина. – Только в следующий раз будь аккуратнее.

К счастью, у Тэлли не было сил что-либо отвечать. Она молча и страшно сосредоточенно поднялась из-под каштана и побрела по дороге, заметно прихрамывая на левую ногу. Форин Кастори так же молча пошёл следом: теперь детали плана можно было не обсуждать, всё и так должно было получиться.

С вершины холма, на который они поднялись, открывалось, как всегда великолепное, море. Залив Сольар, омывающий юго-восточное побережье Шестистороннего, простирался до самого горизонта, справа и слева обрамлённый скалами. Вода залива казалась серебристо-серой – того самого цвета, который поэты сравнивали с цветком эдельвейса в свете луны. Такой эффект создавали волны, зажатые в тисках скал, всегда бурлившие, как вспененный лимонад, но не представляющие серьёзной опасности для кораблей – до тех пор, пока они находятся под покровительством Сольара. Но стоило им только выйти в океан, как их тут же подхватывало сквозняком северо-восточных ветров.

– Ты видела море раньше? – неожиданно спросил Форин, когда они, не сговариваясь, застыли на вершине холма, рискуя привлечь внимание немногочисленных обитателей Мор-Кахола.

– Конечно, – удивлённо ответила Тэлли и обернулась. Если бы это не был Форин, и вокруг не был бы сгустившийся мир реальнейшего, она подумала бы, что в глазах её учителя плещется восторг – такого же цвета, как бесконечное, убегающее к горизонту море. – А ты разве нет?

– Нет, я вижу Море впервые, – бросил Форин через плечо, уже шагая в сторону Мор-Кахола.

И Тэлли ничего не оставалось, кроме как, хромая, стараться поспевать за ним. «Никогда не видел море! – подумала она. – Что ж, это многое объясняет».

В Мор-Кахоле величественный вид, который открывался с холма, разбивался на множество морских деталей, которые шумели, ударяли в нос, слепили глаза: запах рыбного рынка, откуда ежедневно увозили рыбу для жителей Тар-Кахола, крики чаек и глухие удары волн о причалы, ругань матросов и солнечные лучи, растворённые в морской воде, которая сияла расплавленным серебром в конце каждой из немногочисленных улиц.

Мачты кораблей, устремлённые ввысь, с аккуратно укатанными парусами, стояли, словно лес, над низкими зданиями Мор-Кахола – их было видно отовсюду. Два фрегата и четыре торговые шхуны стояли в порту, не считая рыбацких баркасов. Один фрегат готовился к отплытию: на нём суетились матросы, на мачте в спешке доделывали такелаж фор-бом-брамселя.

Это была «Люксия» – самый большой частный фрегат в Шестистороннем, – её всегда можно было узнать по самым высоким мачтам более тёмного, чем обычно, цвета. Капитан «Люксии» Просперо Костин имел славу чудака, и, после того как несколько раз отказывался участвовать в королевских морских парадах, он быстро впал в немилость у новой династии Озо. Впрочем, и сам Просперо Костин предпочитал не задерживаться в портах Шестистороннего. Как, впрочем, и в любых других. Говорили, что после дигета на берегу он становился непредсказуемым и то впадал в лихорадочную активность и заставлял матросов перезаводить весь бегучий такелаж, то запирался в комнате какого-нибудь трактира и не выходил оттуда несколько дней, вызывая беспокойство хозяев, которые боялись, как бы их заведение не снискало дурную славу.

В команде Костина было несколько «офицеров» и матросов, которые не менялись из плавания в плавание, и множество тех, кто попадал на «Люксию» на одно плавание и потом исчезал в одном из портовых городов. Но всегда это были те, кто по каким-либо причинам не находил себе места на берегу. Ещё Просперо Костин славился тем, что никогда не брал пассажиров, какие бы деньги ему ни предлагали. А желающих было довольно много, поскольку маршруты замысловатых бесцельных плаваний «Люксии» пролегали там, куда другие не заходили, чем привлекали эксцентричных путешественников. Но попасть на борт они могли только в одном случае – если становились простыми матросами. Немногие из путешественников были готовы на это.

Форин спросил, где капитан Костин, у первого попавшегося трактирщика, и тот махнул руками в сторону «Люксии». Судя по суете на палубе, по огромным тюкам с провизией, которые переносили матросы, корабль готовился к отплытию.

Сквозь сеть извилистых улочек Форин и Тэлли легко вышли к пристани: высокие мачты вели их надёжнее компаса. Форин решительно зашагал к широкому трапу, а Тэлифо остановилась, восторженно осматривая «Люксию». Борта фрегата были покрашены в тёплый медовый цвет, мачты и такелаж придавали ему сходство с соборами Защитника – в их лучших формах, устремлённые ввысь, но надёжно уравновешенные хитрой системой блоков. Раньше она уже видела этот фрегат, но только теперь смогла рассмотреть его полностью, с морем в каждой детали и бесконечным стремлением к горизонту, растворённым в плавных обводах, в напряжённо сложенных крыльях парусов...

Сердитый взгляд заставил Тэлли поторопиться: Форин, конечно, уже без колебаний зашёл на палубу. Взгляды и люди расступались перед ним, как волны под носом «Люксии». Как только они спустились с крутого трапа на палубу, ощутив едва заметную лёгкую неустойчивость от нескольких футов воды под килем, то без труда определили капитана. Он и в реальном мире, без сомнения, приковывал все взгляды на своём корабле – хотя ничего примечательного в его невысокой сутулой фигуре не было. Просперо Костин стоял на юте и насмешливо смотрел на незваных гостей. Тэлли тогда стало не по себе от этой насмешливости: по законам реальнейшего, он должен был либо удивиться, либо вести себя как ни в чём не бывало. Форин, если и смутился от такого поведения капитана, не подал виду, а ловко поднялся по кормовому трапу и остановился перед Просперо с видом исполненного достоинства почтения (да, в реальнейшем Форин умел даже такое). Тэлли покорно поспешила за ним.

– Приветствую вас, Айл-капитан! Мы так много слышали про «Люксию», но никогда не верили, что сможем увидеть ваш легендарный фрегат, – торжественно произнёс Форин. – Меня зовут Номен Оме, а это моя супруга Кларис, – здесь Форин запоздало взял «супругу» под руку.

В этот момент Тэлли продемонстрировала неуклюжий реверанс, возмущённо отметив про себя: «Супруга!» – и ещё с завистью подумав о том, что Форину ничего не стоило врать в реальнейшем. Единственному из всех, кого она знала.

Капитан продолжал насмешливо рассматривать посетителей, ответив, впрочем, на приветствие лёгким кивком.

– Я прошу вас, Айл-капитан, о чести разделить с вами плавание, на пути до побережья Синтийской Республики. Ммм... некоторые обстоятельства вынуждают нас спешить, поэтому мы будем вам несказанно признательны, если вы согласитесь принять нас на борт. Конечно, мы заплатим серебром.

– Мне не нужны ваши деньги, – величественно произнёс капитан. – Я возьму вас просто так. Но подумайте, готовы ли вы к такому путешествию: море полно превратностей. И в пути может приключиться что угодно. Собственно, поэтому я почти не остаюсь на берегу. Но для людей вроде вас, у которых обычно всегда есть планы, это может стать неприятной неожиданностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.